

Научный эксперт

ежемесячный научный электронный журнал

Выпуск

2

2007

Ежемесячный электронный журнал «Научный эксперт»

Мы представляем вашему вниманию ежемесячный электронный журнал «Научный эксперт». Название журнала полностью отражает его замысел.

Цели журнала:

- консолидировать научно-экспертное сообщество с тем, чтобы способствовать развитию государства и укреплению государственной власти.
- сделать проводимые исследования доступными для обсуждения в широком научно-экспертном сообществе и пригодными для использования в реальной государственно-управленческой практике.

Наш журнал ставит перед собой задачи:

- преодолеть междисциплинарные барьеры, которые мешают научно-экспертному сообществу;
- преодолеть барьеры между академическим и прикладным знанием;
- стать соединяющим звеном между научным сообществом и властью.
- создать качественную и интересную площадку для дискуссии и обмена мнениями.

Журнал сделан в электронном формате, читателям не нужно искать его, покупать, хранить в шкафу, он всегда доступен и не занимает много места. Раз в месяц вы сможете увидеть новый номер «Научного эксперта» на сайте Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования.

«Научный эксперт» предназначен для академических исследователей, экспертов, методологов, исследователей практиков и теоретиков фундаментальных учений, но в не меньшей степени «Научный эксперт» адресован тем, кто может на практике реализовать уникальные проекты, которые нередко рождаются в научно-экспертном сообществе и часто долгие годы хранятся в столе. Это государственные управленцы, депутаты и их помощники, представители парламентов, ведомств и министерств, а также публичные политики.

Мы приглашаем авторов для публикации в нашем электронном журнале. Правила публикации смотрите в соответствующем разделе. Также, мы рады услышать ваши отзывы и предложения о том, как сделать журнал лучше.

Выпуск

2

2007

Редакционная коллегия:

Степан Степанович Сулакшин — председатель
Анатолий Николаевич Чирва
Вардан Эрнестович Багдасарян
Александр Иванович Соловьев
Анатолий Васильевич Дмитриев
Борис Николаевич Порфирьев
Максим Владимирович Вилисов
Алексей Николаевич Тимченко
Надежда Константиновна Пак
Мария Андреевна Игнатенко — ответственный секретарь

Адрес редакции:

107078, Москва, ул. Каланчевская, д. 15, подъезд 1, этаж 5

Телефон/ факс: (495) 981-57-03, 981-57-04, 981-57-09

e-mail: frpc@cea.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные проблемы и вызовы в государственном управлении России

Экономическая политика

Ю.А. Харламова

Российские государственные монополии и политика либерализации
(на примере реформирования железнодорожной отрасли) 5

А.В. Кашепов

Социально-экономические факторы рынка труда 12

Социальная политика

Пенсионная система России, ее законодательная база
и основные проблемные узлы 16

Региональная политика

М.М. Гаджиев

Национальная политика Дагестана: опыт, проблемы и перспективы 28

Демографическая политика

В.Э. Багдасарян

Кризис депопуляции в России через призму проблемы
национальной идентичности государства 35

Специальная рубрика

В.Э. Багдасарян

Демоскопия вместо демографии: к вопросу о корректности научной полемики 53

Геоэкономическая политика

А.И. Неклесса

Геоэкономический контекст и геоэкономические ориентиры
стратегии развития России 61

Методология проектирования, прогнозирования и планирования государственно-управленческих решений в России

С.С. Сулакшин

Корреляционный факторный анализ российского демографического кризиса
и методика экспертных оценок 68

Трибуна аспиранта

Т.Ш. Арифиллина

Незаконная миграция на юге Казахстана: тревожный симптом? 78

Библиография 94

Российские государственные монополии и политика либерализации (на примере реформирования железнодорожной отрасли)

Ю.А. Харламова

Кандидат исторических наук; соискатель докторантуры Института социально-политических исследований Российской академии наук; доцент Ставро-

Одним из главных постулатов экономического либерализма в мире был во многом ложный тезис о неэффективности государственной собственности. «Неэффективность — есть неперенная характеристика всех государственных предприятий» — писал М. Ротбард в книге «Власть и рынок»¹, одной из самых громких экономических работ 1980-х гг., оказавшей сильное влияние на приватизационные процессы в США и Западной Европе. Это, на наш взгляд, являлось тактическим направлением западной либеральной экономической мысли, стратегический вектор задавали М. Фридман и Ф.А. Хайек², которые, по словам С.Г. Кара-Мурзы, «под лозунгами свободы и монетаризма мобилизовали собственника (в каждом западном человеке) и организовали мощное контрнаступление тэтчеризма и рейганомики»³.

Как антипод либерализму на Западе существовало и себя довольно широко обозначило консервативное направление, которое проистекало из понятия о своеобразии экономического развития каждого государства. Теоретической базой в укреплении этой идеи служили труды сторонников, так называемой, «национальной экономики», отрицавшие универсальность рыночных законов в экономике и отстаивавшие принципы экономического своеобразия государств. Это, прежде всего, (И.Г. Фихте,

¹ Ротбард М. Власть и рынок. Государство и экономика. Челябинск: Социум, 2002. С. 23.

² Фридман и Хайек о свободе: Пер. с англ. Минск: Полифакт референдум, 1990. 126 с.; Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок / Ф.А. Хайек. М.: Изограф: Начала Фонда, 2000. 255 с.

³ Кара-Мурза С.Г. Опять вопросы вождям. Киев.: Ориентиры, 1998. С. 214.

Ф. Лист), немецкая историческая школа (В. Рошер, Б. Гильдебранд, К. Книс), социально-правовая и новая исторические школы (Р. Штаммлер, Р. Штольцман, Г. Шмоллер), экономисты антилиберальной школы (И. Шумпетер, Ф. Перру)⁴.

Частно-индивидуальная форма собственности, сыгравшая важную роль в развитии западной цивилизации, во многом не отвечает сложившимся российским условиям и в современное время не может считаться последним достижением экономической мысли в осмыслении хозяйственной практики, что признают даже многие видные ученые на Западе (Дж.К. Гэлбрейт, П. Дракер, Т. Питерс, Р. Уотермен, У. Оучи, Р. Шонбергер, Р. Фостер и др.)⁵.

Отметим, что выбор стратегии перехода к рыночной экономике в посткоммунистической России был сделан во многом в пользу концепции, так называемого, «вашингтонского консенсуса», которая многократно подвергалась и подвергается критике авторитетными российскими учеными как научно несостоятельная и чрезвычайно разрушительная для производительных сил страны.

В свое время акад. Ю.В. Яременко высказал предположение⁶, что главным препятствием применения рыночных методов даже в индустриально развитой экономике является ее структурно-технологическая неоднородность, поскольку в ней имеется комплекс отраслей жизнеобеспечения, сворачивание или остановка функционирования которых влечет остановку деятельности большого числа или даже всех хозяйствующих субъектов. К таким отраслям жизнеобеспечения с полным основанием можно отнести и российскую железнодорожную отрасль.

В частности, все концепции реформирования железнодорожного комплекса России, последовательно претворявшиеся в жизнь, были построены по западной,

весьма спорной и, по большому счету, не опробованной модели, не учитывающей ни исторических, ни географических, ни экономических особенностей России и ее роли в СНГ. При этом работа железнодорожного транспорта зарубежных стран в условиях рыночной экономики не дает однозначного вывода об ощутимой эффективности их деятельности в рамках создаваемой и реализуемой в современной России модели.

Как оказалось, вся многочисленная риторика реформаторов сводилась к одному тезису — либерализация отношений в транспортной сфере, в том числе в железнодорожной отрасли, есть общемировая тенденция и Российской Федерации стоит неукоснительно следовать ей, если она хочет войти в мировую хозяйственную систему. Данная конструкция продолжала ранее провозглашенную модель о необходимости ликвидации плановой системы хозяйствования и приватизации промышленности, т. к. государство не в состоянии содержать убыточные предприятия, вызывающие огромный дефицит бюджета, а точнее говоря, продолжался уже намеченный курс политики деиндустриализации в масштабах огромной страны. Рациональные доводы о том, что железнодорожный комплекс, находясь в государственной собственности практически с конца XIX в. и имея монопольное положение, работал весьма эффективно и демонстрировал чудеса технической, управленческой и научной мысли радикальными реформаторами совершенно не брались в расчет. В контексте оценки либерализации отношений по поводу собственности железнодорожного транспорта России достаточно убедительно выглядит мнение Н.С. Конарева — министра путей сообщения СССР с 1982 г. по 1991 г.: «Реформа нацелена на выполнение требований Международного валютного фонда и Европейского банка реконструкции и развития, ведущих к дезин-

⁴ Шумпетер И.А. Капитализм, социализм и демократия / И.А. Шумпетер. М.: Экономика, 1995. 540 с.

⁵ Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество / Дж. К. Гэлбрейт: Пер. с англ.: Под общ. ред. Н.Н. Иноземцева, С.М. Меншикова, А.Г. Милейковского. М.: Прогресс, 1969. 480 с.; Дракер П. Посткапиталистическое общество / П. Дракер // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология: Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 70–100.

⁶ Яременко Ю.В. Экономические беседы. Запись С.А. Белановского. М.: Центр исследований и статистики науки, 1999. 344 с.

теграции транспортной системы страны и ее деградации»⁷. Спустя определенное время директором института управления на транспорте В.А. Персиановым будет также признано: «Стратегия реформ в целом, включая сферу естественных монополий, принималась властью преимущественно под давлением и в интересах бизнеса. Реформирование железнодорожного транспорта, например, прошло практически по моделям Европейского банка реконструкции и развития и Международного валютного фонда»⁸.

В контексте принимаемых рассуждений можно с уверенностью констатировать, что в целом мир втягивается в глубокий глобальный кризис («кризис индустриализма», «третья волна цивилизации»), симптомами которого служат частичные кризисы — экономический, энергетический, демографический, культурный и др.). Ущерб наносится невоенными методами по четко спланированной стратегии, носящей внешнеэкономический характер и все более усложненный комплекс применяемых приемов. По мнению Э.Г. Кочетова «для России это представляет угрозу высшего ранга — изматывание милитаризмом заменяется (дополняется) техногенным изматыванием»⁹.

В этих условиях Россия оказалась первой крупной цивилизацией, которая испытала на себе воздействие этого кризиса в его радикальной и жесткой форме. Так, в результате культа новаций и технологических преимуществ были подавлены жизнеспособные производственные структуры в угоду новейшим. Применительно к железнодорожному транспорту отметим, что, продвигая идею в глобальном масштабе в виде замещения обычных перевозок контейнерными и создания крупных технологически оснащенных логистических

интермодальных транспортных центров, современная железнодорожная транспортная система России испытывает серьезные трудности, даже с учетом того обстоятельства, что российские железные дороги занимают второе место в мире по протяженности сети и первое место по уровню их электрификации.

Процессы приватизации железнодорожных отраслей во многих странах в последнее время напрямую связаны с действием таких организаций как МВФ и ВТО, а также других транснациональных структур, что современная Российская Федерация особенно обязана учитывать при проведении реформ в железнодорожной отрасли. Более того, произошедшая глобализация рынка снабжения железнодорожного транспорта техническими средствами не только тесно связана с деятельностью крупных компаний с международным статусом (ТНК), которым доступны финансовые, политические и кадровые ресурсы, но и произошла во многом под их диктовку¹⁰.

Так, главный аргумент преобразований сводился к тезису о необходимости финансовых ресурсов отрасли, которые во многом гарантировали бы проведение остро необходимых и ускоренных модернизационных мероприятий, однако в этом процессе государству отводилась роль стороннего наблюдателя, что совершенно противоречило сложившимся историческим, общественно-политическим и экономическим условиям. Если в 1993 г. доля участия государства в инвестициях железнодорожного транспорта составляла 26,8%, то в 2001 г. она снизилась до 0,1%¹¹. По данным анализа бюджетного инвестирования в транспортные инфраструктуры общего пользования доказано, что «в случае железнодорожного транспорта

⁷ Конарев Н.С. К чему приведет приватизационное раздробление железнодорожного комплекса страны? // Российский экономический журнал, 1998. №5. С. 12.

⁸ Персианов В.А. Мы должны создавать культ народа // Проблемы современного государственного управления в России. Материалы научного семинара. / Под ред. В.И. Якунина; Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Выпуск № 4. М.: Научный эксперт, 2006. С. 82.

⁹ Кочетов Э. Геоэкономический (глобальный) толковый словарь (фрагменты словаря) // Безопасность Евразии, 2002. №3. С. 237.

¹⁰ Багвелл Д.М., Байрд Р.В. Глобализация рынка железнодорожной промышленности // Железные дороги мира, 2000. №6. С. 19–20.

¹¹ Экономическая безопасность России / Под ред. В.К. Сенчагова. 2-е изд. М.: Дело, 2005. С. 261.

бюджетное инвестирование в инфраструктуру однозначно ведет к снижению инфляции и устойчивому росту ВВП»¹².

Сложившиеся в России государственно-монополистические структуры к каким относится и железнодорожная отрасль, уже содержат элементы постиндустриальной модели мирохозяйственного устройства. Железнодорожный комплекс Российской Федерации с его многочисленными компонентами вполне способен стать мощной российской транснациональной структурой, которая сможет на равных принять участие в борьбе за мировой доход в процессе подключения к мировой инновационно-технологической системе, поскольку новая мировая глобальная ситуация складывается под воздействием техногенного фактора. Обозначенная ТНК должна пониматься, прежде всего, как система устойчивых взаимосвязей между предприятиями, действующими на территории различных суверенных государств (например, сопредельных стран-участниц СНГ, поскольку эти независимые государства достаточно сильно политически, хозяйственно и культурно интегрированы друг с другом и с Россией, а также других заинтересованных стран, как представляется, бывшего соцлагеря) в целях производства товаров (перевозки, транзитные услуги) и получения дохода на основе сохранения национального контроля над акционерным капиталом. На наш взгляд, в контексте определения приоритетных сфер транснационализации российской экономики железнодорожная, по целому ряду причин, к таковым относится.

Железнодорожный комплекс российского государства — один из немногих реальных возможностей России (наряду с энергетическими источниками, военными и аэрокосмическими технологиями) в плане выхода его на новые геостратегические рубежи. В данном случае железнодорожные магистрали превращаются в важнейший тех-

нологический инструмент политико-экономических процессов, который должен быть наделен стратегически значимым статусом, как носитель российских национальных геоэкономических интересов, поскольку общий потенциал рынка контейнерных перевозок между странами Юго-Восточной Азии и Европы имеет реальную возможность составить около 20 млрд долларов¹³. И именно российское государство географически расположено между Европой и Азией.

Подчеркнем, что среди индустриальных стран мира только в России государство в должной мере не является союзником, партнером и участником национальных суперкорпораций, что само по себе является абсурдным явлением. Статус железнодорожного транспорта России как станового хребта экономики и ее связующей нити, который оформился на протяжении ни одного столетия, обязывает активно применять методы государственного регулирования, как в ее создании, так и в управлении.

Как показывает не только наш, но и мировой опыт — государство является одним из главных субъектов промышленно-технологической политики. Логика российского исторического процесса предопределила доминирование государства над личностью и обществом в целом. Государственность как «национальная идея» в России — это «историческая постоянная». С учетом господства идей этатизма, которые прочно закрепились в национальном сознании и отразились в психологических и культурных установках, российское государство обязано принять на себя роль глобального предпринимателя в борьбе за мировой доход. Согласимся с мнением Р.Г. Яновского, что «недооценка роли российской государственности в общем механизме социально-экономического процесса в качестве определяющего источника эффективности каждого из других общественных институтов увеличивает масштабы разрушительных тенденций в социальных отношениях и экономике»¹⁴.

¹² Якунин В.И., Бахтизин А.Р., Сулакшин С.С. К обоснованию политики бюджетного инвестирования в транспортные инфраструктуры общего пользования // Транспорт: наука, техника, управление. № 12. 2006. С. 3.

¹³ Якунин В.И. Формирование геостратегий России. Транспортная составляющая. М.: Мысль, 2005. С. 153.

¹⁴ Яновский Р.Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. М.: Academia, 1999. С. 135.

Необходимость действий российского государства как основного организатора и собственника железнодорожных коммуникаций была и остается не следствием воли отдельных его чиновников или самодержавных амбиций руководителей. Она обусловлена свойствами нашего пространства и материальной среды, хозяйственное использование которых оказывалось более эффективным в едином производственном и управленческом процессе. Такая организация, как показывает историческая практика, позволяла экономить общественные издержки и развивать хозяйство с учетом национальных интересов экономической и политической безопасности и способности железнодорожного транспорта выполнять жизненно важные функции, без которых страна не может полноценно существовать. В дополнение к сказанному С.Ю. Витте в свое время утверждал: «Железные дороги... никогда сознательно не будут служить орудием сословных или имущественных привилегий, сознательного поддержания или водворения неравенства. Они могут служить лишь интересам русского народа, средством приобщения его к высшим благам культуры — образованию и достатку»¹⁵.

Исследования транспортной системы как составной части инфраструктуры государства, носят в современных условиях глобальный характер и требуют привлечения к себе внимания со стороны фундаментальной науки и новых научных технологий. При этом управленческая элита, выстраивая национальную транспортную политику и распределяя функции между различными органами по этому поводу, всегда должна быть выше корпоративных интересов, столь характерных в последнее время при конструировании политических и экономических процессов. В условиях глобализации мировой экономики не вызывает сомнений то, что транспорт наряду с финансовой и информационной сферой выступает важнейшим рычагом интеграционных процессов, благодаря транспорту структурируется рыночная экономика в мировом масштабе, формируется единое экономическое пространство. Для увеличения

социально-экономического потенциала любого общества создание условий коммуникационной общности (в самом широком смысле) является ныне неотъемлемым компонентом мировой конкуренции. От надежной и быстрой работы, в частности, транспортных коммуникаций зависит сценарий многих экономических процессов.

Приходится констатировать, что серьезный удар в реформировании железнодорожной отрасли был нанесен именно по управленческой схеме, который выразился в отделении функций хозяйственного ведения от функций государственного управления. Проблему построения оптимальной системы достаточно глубоко изучил и обозначил академик Н.Н. Моисеев, называя ее проблемой сборки системы, и считая, что она не только труднейшая, но лишь начинает осознаваться как одна из самых актуальных и самых универсальных проблем современной науки. В тоже время можно согласиться с тем, что эффективнее всегда работает система как единое целое, а не как совокупность «осколков». В отношении к железнодорожному транспорту речь идет о потере пресловутого «эффекта масштаба» — когда каждый элемент системы самостоятельно стремится к своему максимуму, эффективность работы системы в целом стремится к минимуму.

В тоже время анализ имеющегося, прежде всего, исторического опыта показывает, что выполнение МПС (министерство путей сообщения) функций государственного и хозяйственного управления продиктовано историей (ведомство путей сообщения существует в России с 1798 г., железнодорожное с 1865 г.), общественной потребностью и задачами обеспечения обороноспособности. Основная идея, которая лежала в основе развития транспорта дореволюционной (царской) и послеоктябрьской (советской) России заключалась в целостности и единстве управления железнодорожным транспортом. Отмечаем, что анализ отделения функций хозяйственного ведения от функций государственного управления и регулирования отрасли позволил прийти к следующим выводам:

¹⁵ *Витте С.Ю.* Воспоминания: в 3 т. / С.Ю. Витте. М.: Соцэкгиз, 1960. Т. 1. С. 52.

а) эффективно руководить железнодорожным транспортом, работающим в оперативном-маневренном режиме во взаимодействии с федеральными и региональными органами исполнительной власти и с органами местного самоуправления, с организациями и объединениями всех типов и при сотрудничестве с зарубежными железными дорогами, способен только единый орган, наделенный функциями государственного и хозяйственного управления, каким все время являлось министерство путей сообщения. Так по данным нескольких региональных комиссий¹⁶ можно сделать вывод, что уже по состоянию на 2003 г. министерство путей сообщения утратило контроль над собственными средствами, передавая свои активы и квоты на железнодорожные перевозки с большими скидками в коммерческие структуры. К наиболее характерным способам распыления государственных средств можно отнести следующие: предоставление незаконных скидок с железнодорожных тарифов, нецелевое использование бюджетных средств (операции с передачей частным фирмам векселей, денежные манипуляции с частными банками), присвоение государственных средств в результате операций по договорам, предоставление транспортных услуг без авансовых платежей.

Выделение грузовых компаний-операторов на железнодорожном транспортном рынке не привело к реальному экономическому эффекту, а лишь усугубило ситуацию с увеличением затрат на содержание и ремонт вагонного парка. По мнению авторитетных специалистов, на основе расчетов и анализа практики, дробление вагонного парка будет неизбежно сопровождаться ухудшением его использования, увеличением затрат на его содержание и обновление, а в случае передачи вагонов в собственность грузовым компаниям их дефицит значительно

возрастет из-за ухудшения использования. Только вследствие увеличения порожнего пробега грузовых вагонов годовые расходы на перевозку возрастут почти на 5 млрд рублей (прогноз по состоянию на 1998)¹⁷, так, к примеру, грузовые компании-операторы по данным на 2000 г. в 2 раза хуже (чем в парке МПС) использовали цистерны¹⁸. Очевидно, что эти затраты придется переложить на плечи клиентов через тарифную систему, следовательно тарифные нагрузки на перевозимые товары не снизятся, а, наоборот возрастут. Кроме того, настораживает ситуация, связанная с обеспечением безопасности движения, поскольку преследуется, как правило, одна главная цель — получение прибыли. В качестве показательного примера довольно примечателен опыт Великобритании, где значительно возросло количество аварий на железнодорожном транспорте в связи с его приватизацией;

б) единство и целостность железнодорожного транспорта и всей системы управления отраслью создают условия для гибкого маневрирования ресурсами, позволяют оперативно сосредоточивать их на устранении узких мест, обеспечивать своевременную реализацию мероприятий по развитию и обновлению материально-технической базы отрасли и ее социальной сферы, с учетом важного обстоятельства, что работой на железнодорожном транспорте страны охвачено 1,5 млн человек¹⁹, а если присовокупить членов семей железнодорожников, то реформа затрагивает интересы 4—5 млн российских граждан. Достаточно тревожным социальным индикатором может служить следующий факт — за годы реформ численность работников железнодорожного транспорта сократилась на 700 тыс. человек²⁰, при этом нельзя однозначно утверждать, что это были исключительно ненужные отрасли работники.

¹⁶ Данные по: Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Россия под властью плутократии. История черного десятилетия. (Серия национальный интерес.) М.: Алгоритм, 2003. С. 135.

¹⁷ Конарев Н.С. К чему приведет приватизационное раздробление железнодорожного комплекса страны? // Российский экономический журнал, 1998. №5. С. 14.

¹⁸ Фурсова И., Юрлов Н. Железнодорожный транспорт России остается государственным // РЖД-Партнер, 2000. №7. С. 13.

¹⁹ Аксененко Н.Е., Липидус Б.М., Мишарин А.С. Железные дороги России: от реформы к реформе. М.: Транспорт, 2001. С. 235.

²⁰ Персианов В.А., Милославская М.Б. О государственном контроле в сфере транспорта // Вестник транспорта, 2006. №2. С. 7.

К серьезным социально-экономическим и политическим последствиям ведет и прямо связанное с реформированием железных дорог разрушение складывавшейся в течение более чем столетия мощной социальной инфраструктуры (жилье, школы, больницы, санаторно-курортная база и т. п.). Если большую часть железнодорожных социальных объектов примут на свой баланс муниципалитеты (другой альтернативы, очевидно, не наблюдается), то социальная сфера на местах окончательно разрушится;

в) ослабление рычагов централизованного управления и контроля за использованием производственных мощностей транспорта проявилось, прежде всего, в ухудшении такого показателя, как производительность труда. Так, в 2000 г. производительность труда на федеральном железнодорожном транспорте по сравнению с уровнем 1992 г. снизилась на 32%²¹ и, кроме того, не достигла даже уровня 1985 г.²²

г) разрозненные частные собственники подвижного состава, появившиеся на рынке железнодорожных транспортных услуг, значительно ослабили управление всей системой железнодорожного транспорта. Отсутствие должной координации, которую раньше обеспечивали государственные транспортные органы, и очевидная неспособность мелких транспортных компаний организовать полную загрузку своих вагонов на протяжении всего пути следования, сразу же сказались. Все это привело к ухудшению использования парка вагонов и росту порожнего пробега. Удельный вес, так называемого, «порожняка» в общем пробеге подвижного состава вагонов к середине 1990-х гг. достиг 43%²³. Во время перестройки, т. е. в период, так называемой, смены «психологии хозяйственных эпох» порожний пробег вагонов часто упоминался как свидетельство низкой эффективности плановой системы хозяйства. При этом нынешнюю рыночную систему можно охарактеризовать следующими

показателями — с 1991 г. по 1996 г. рост порожнего пробега вагонов составил около 10%, а в сравнении с 1980 г. около 15%²⁴.

д) созданные в период последнего реформирования коммерческие компании (в дальнейшем совсем не исключен их монопольный характер, но уже с преобладанием узко-корпоративных интересов), как показывает мировой опыт, будут ориентированы и подчинять свою работу извлечению прибыли и никак не отвечать за выполнение жизненно важных задач, таких как оборонная и мобилизационная готовность, которые традиционно возлагались на государственные структуры.

Многие зоны бывшего геополитического влияния СССР сегодня привлекают к себе внимание большого количества стран мира не только своими богатыми запасами углеводородов, но и особенностями геополитического, геостратегического и геоэкономического порядка, представляющими ведущим субъектам мировой политики немало возможностей для реализации своих экономических, политических и военно-стратегических интересов. В этих условиях современное российское государство должно изменить тактику и стратегию поведения. Россия не может и не должна бесконечно питать параллельную ей экономику, вливая в нее свое национальное богатство. Речь должна идти о том, чтобы стать равным партнером со странами, так называемой, «большой семерки» и на равных пользоваться возможностями созданного ими геоэкономического мира. Железнодорожный комплекс РФ относится к тем достаточно немногочисленным комплексам национальной экономики, который нужно не только сохранить в исторически сложившемся виде, как единый и неделимый, но и особо выделить, как важный элемент позиционирования страны в процессе вхождения в воспроизводственную цепь мирового хозяйства.

²¹ Леонтьев Р.Г. Реформа МПС России: что хотели услышать в Японии // Вестник транспорта, 2003. №3. С. 12.

²² Персианов В.А., Милославская М.Б. О государственном контроле в сфере транспорта // Вестник транспорта, 2006. №2. С. 5.

²³ Белая книга. Экономические реформы в России. 1991–2001. (Автор-составитель С.Г. Кара-Мурза. Научное руководство: С.Ю. Глазьев, С.А. Батчиков). М.: Алгоритм, 2002. С. 415.

²⁴ Там же. С. 417.

Социально-экономические факторы рынка труда

А.В. Кашепов

Доктор экономических наук, профессор. Российская академия государственной службы при Президенте РФ

Рассмотрим воздействие на рынок труда динамики производства ВВП (в основном через его влияние на уровень спроса на труд в экономике). Спад производства валового внутреннего продукта продолжался в России с 1990 г. по 1998 г. (с перерывом в 1997 г.). Общее сокращение ВВП за период 1990–1998 гг. составило 44,2% (по отношению к 1989 г.). Численность занятых (по методологии баланса трудовых ресурсов) за тот же период сократилась с 75,6 млн человек до 63,8 млн человек — на 11,8 млн человек или на 21,6%. Разница между показателями сокращения ВВП и занятости составила 22,6 процентного пункта.

Некоторые специалисты называют эту разницу «трудовыми резервами», другие рассматривают как проявление «скрытой безработицы», т. е. меры отставания производительности труда от наиболее развитых стран

Между тем, численность занятых, которая в данном случае характеризует общий объем удовлетворенного спроса на труд, сокращалась вслед за падением производства, но с некоторым отставанием. С началом роста производства в 1999 г. уровень спроса на труд также начал расти, но снова с отставанием от ВВП.

ВВП за 1999–2005 гг. увеличился на 58% и составил 89% от уровня докризисного 1989 г. За тот же период численность занятых увеличилась по методологии обследований населения по проблемам занятости Росстата с 58,4 млн человек в 1998 г. до 68,6 млн человек в 2005 г., т. е. на 17,5%. По методологии баланса трудовых ресурсов рост численности был более скромным — с 63,8 млн человек в 1998 г. до 66,9 млн человек в 2005 г., т. е. на 4,9%. Этот последний показатель достигает в настоящее время 89% от докризисного уровня. В любом случае темп прироста занятости в разы уступал темпу прироста ВВП.

Существенным фактором сокращения спроса на труд в 1990-е гг. было падение совокупного спроса в экономике. В динамике спроса на товары и услуги проявлялись три взаимосвязанные тенденции: общее падение спроса в соответствии с сокращением хозяйственной деятельности (ВВП), уменьшение доли расходов на конечное потребление в ВВП, низкий спрос со стороны домашних хозяйств и частного сектора при резко урезанном спросе со стороны государства. Падение спроса естественно привело к сокращению численности рабочих мест в экономическом понимании.

Инвестиции являются одним из важнейших факторов как общей экономической динамики в стране, так и динамики численности рабочих мест. Инвестиционный кризис в 1990-е гг. был еще более тяжелым, чем кризисы в сфере производства и доходов. В 1998 г. инвестиции в основной капитал составляли 22,3% от уровня 1990 г. Инвестиции в основной капитал возросли в течение восстановительного периода 1999—2005 гг. на 93% (почти вдвое), но пока еще находятся на уровне 40,8% от уровня 1990 г. Перспективы достижения годового объема инвестиций до кризисного периода пока неопределенны. В большинстве отраслей экономики продолжается старение основных фондов, выбытие физических (технологических) рабочих мест опережает создание новых.

Далее мы пропускаем детальный анализ динамики основных экономических факторов, влияющих на рынок труда, т. к. их исследование является предметом специальных разделов настоящего проекта. А мы переходим к статистическому анализу их влияния.

Для расчетов отобраны следующие показатели за 1992—2005 гг.:

1. Рост численности занятых по обследованиям, в разах к предыдущему году (x1).
2. Рост численности безработных по обследованиям, в разах к предыдущему году (x2).
3. Уровень безработицы по обследованиям, в долях от численности экономически активного населения (x3).
4. Рост численности зарегистрированных безработных на конец года, в разах к предыдущему году (x4).
5. Уровень зарегистрированной безработицы, в долях от численности экономически активного населения (x5).
6. Рост численности населения трудоспособного возраста, в разах к предыдущему году (x6).
7. Валовой внутренний продукт (ВВП) в ценах 1990 г. на душу населения, тысяч рублей (x7).
8. ВВП в сопоставимых ценах, в разах к предыдущему году (x8).
9. Индекс-дефлятор ВВП, в разах к предыдущему году (x9).

10. Индекс потребительских цен (ИПЦ), декабрь к декабрю предыдущего года, раз (x10).

11. Уровень расходов консолидированного бюджета, в долях от ВВП (x11).

12. Рост экспорта, в разах к предыдущему году (x12).

13. Экспорт на душу населения, долларов (x13).

14. Соотношение агрегата денежной массы М2 и ВВП (степень монетизации ВВП), раз (x14).

15. Среднедушевые денежные доходы населения в ценах 1990 г., рублей в месяц (x15).

16. Рост инвестиций в основные фонды в сопоставимых ценах, в разах к предыдущему году (x16).

Все показатели имеют официальное происхождение (Росстат), а для проведения расчетов приведены нами к сопоставимому виду, выражены в сопоставимых ценах и единообразных форматах — долях единицы, разах.

Прокомментируем состав показателей.

Показатель x1 отражает рост численности занятых от года к году. В данном случае его можно рассматривать как индикатор динамики спроса на труд (численности рабочих мест в экономическом понимании). Кроме него, в группу результирующих показателей входят x2, x3, x4, x5, которые отражают уровень и динамику безработицы по обследованиям и зарегистрированной безработицы.

Дальше идут показатели, задача которых в данном исследовании — адекватно отразить те процессы, которые рассматриваются в качестве факторов занятости и безработицы. Во-первых, это показатель динамики населения в трудоспособном возрасте (x6). Во-вторых, показатели удельного ВВП (на душу населения, в сопоставимых ценах) и динамики ВВП — x7 и x8. В третьих, показатели инфляции — индекс-дефлятор ВВП и индекс потребительских цен — x9 и x10. В четвертых, уровень расходов бюджета — x11. В пятых, динамика экспорта и экспорт на душу населения — x12 и x13. В шестых, уровень монетизации ВВП — x14. В седьмых, среднедушевые доходы населения — x15. В восьмых, динамика инвестиций в основной капитал — x16.

Таким образом, среди показателей x_1 – x_{16} представлены группа результирующих показателей занятости и безработицы и восемь групп показателей социально-экономических явлений, которые предположительно могут рассматриваться как факторы занятости.

Результаты расчетов, которые проводились с помощью российской математико-статистической программы STADIA, представлены в табл. 1. Поскольку ряды данных относились к 1992–2005 гг., т. е. содержали по 14 точек, программа определила критическое значение коэффициентов корреляции равным 0,525. Все коэффициенты корреляции, превышающие эту величину, признаны статистически значимыми. Последнее обстоятельство, естественно, не гарантирует нас от появления случайных эффектов, статистически значимых, но бессмысленных с содержательно-экономической точки зрения.

Рассмотрим данные табл. 1. Важнейший результирующий показатель роста численности занятых (x_1) оказался отрицательно связан с показателями роста численности безработных по обследованиям (x_2) и зарегистрированных безработных

(x_4). Этот результат был достаточно предсказуем, т. к. рост занятости в большинстве случаев должен совпадать с сокращением безработицы. Далее, динамика занятости оказалась положительно связана с ростом численности населения в трудоспособном возрасте (x_6). В принципе, это можно интерпретировать таким образом, что на протяжении большей части ретроспективного периода (с 1999 г.) российской экономике удавалось создавать рабочие места в соответствии с ростом предложения рабочей силы. Динамика численности занятых продемонстрировала также высокий уровень связи с показателем динамики ВВП (x_8).

А вот связь с уровнем расходов бюджета (x_{11}), вопреки ожиданиям, оказалась отрицательной. С нашей точки зрения, экономического смысла данный результат не имеет. Зато подтвердилась связь между показателями роста численности занятых и роста инвестиций в основные фонды (x_{16}).

Следующий результирующий показатель x_2 , отражающий рост численности безработных по обследованиям, помимо связей с родственными показателями занятости и безработицы, подтвердил наши

Таблица 1

Коэффициенты корреляции между показателями занятости, безработицы и социально экономического развития за период 1992–2005 гг.*

	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6	x_7	x_8	x_9	x_{10}	x_{11}	x_{12}	x_{13}	x_{14}	x_{15}	x_{16}
x_1	1,000	–0,654	0,163	–0,575	–0,380	0,732	–0,133	0,756	–0,391	–0,391	–0,762	0,239	0,322	0,128	0,274	0,710
x_2		1,000	0,121	0,565	0,395	–0,501	0,004	–0,813	0,388	0,350	0,804	–0,395	–0,483	–0,323	–0,422	–0,825
x_3			1,000	–0,586	0,511	0,439	–0,925	0,314	–0,651	–0,590	–0,216	–0,428	–0,185	–0,683	–0,011	0,246
x_4				1,000	–0,052	–0,511	0,524	–0,689	0,529	0,466	0,719	0,133	–0,206	0,049	–0,221	–0,556
x_5					1,000	–0,008	–0,583	0,104	–0,608	–0,578	0,045	–0,039	0,211	–0,469	0,427	0,040
x_6						1,000	–0,487	0,856	–0,667	–0,567	–0,752	0,197	0,377	–0,284	0,456	0,827
x_7							1,000	–0,397	0,772	0,723	0,239	0,341	0,159	0,804	–0,095	–0,333
x_8								1,000	–0,721	–0,656	–0,713	0,405	0,619	–0,272	0,719	0,960
x_9									1,000	0,968	0,350	–0,121	–0,439	0,703	–0,647	–0,714
x_{10}										1,000	0,229	–0,152	–0,384	0,802	–0,588	–0,701
x_{11}											1,000	–0,295	–0,457	–0,022	–0,375	–0,619
x_{12}												1,000	0,625	0,134	0,517	0,449
x_{13}													1,000	0,197	0,904	0,623
x_{14}														1,000	–0,027	–0,333
x_{15}															1,000	0,683
x_{16}																1,000

* Критическое значение=0,525, число значимых коэффициентов = 48, значимые коэффициенты выделены заливкой.

предположения о сильной обратной связи с динамикой ВВП (x_8) и инвестиций (x_{16}).

Уровень безработицы по обследованиям (x_3) оказался сильно отрицательно связан с уровнем производства ВВП на душу населения (x_7), индексом — дефлятором ВВП (x_9), индексом потребительских цен (x_{10}) и уровнем монетизации ВВП (x_{14}).

Рост численности зарегистрированных безработных (x_4) отрицательно связан с ростом ВВП (x_8) и также отрицательно — с динамикой инвестиций (x_{16}). Положительная связь с уровнем расходов бюджета (x_{11}), с нашей точки зрения, не имеет экономического смысла, если только не рассматривать обращаемость людей в службу занятости как функцию от степени финансового обеспечения этой службы.

Уровень зарегистрированной безработицы (x_5) оказался отрицательно связан с производством ВВП на душу населения (x_7), также отрицательно с основными индексами цен (x_9 — x_{10}), других значимых связей не продемонстрировал.

Резюмируя сказанное, можно сказать, что в рамках произведенного статисти-

ческого исследования, выявлены значимые корреляционные связи между результирующими показателями занятости и безработицы с одной стороны и показателями ВВП (динамики и уровня) и динамики инвестиций. В одном случае подтверждена связь с уровнем монетизации экономики. В то же время ожидаемые взаимосвязи с уровнем расходов бюджета (здесь были получены коэффициенты со знаком, обратным ожидаемому), объемом экспорта, доходами населения и ряд других не были подтверждены. Обнаруженное в данном исследовании наличие отрицательной связи между уровнем безработицы и индексами цен, наводящее на мысли о «кривой Филлипса», противоречит нашим прежним представлениям о том, что эта теоретическая гипотеза в современной экономике «не работает». Очевидно, вопрос о взаимодействии между уровнями безработицы и инфляции на российской почве требует дальнейшего исследования.

Пенсионная система России, ее законодательная база и основные проблемные узлы

В.Д. Роик

ФГУП НИИ Труда и социального страхования Минтруда и соцразвития РФ, доктор экономических наук

С 1 января 2002 г. вступили в действие федеральные законы¹, кардинально изменившие прежнюю пенсионную систему, определившие новый порядок зарабатывания пенсионных прав работающего населения и разграничившие сферы правового регулирования пенсионного обеспечения нетрудоспособных граждан.

Важнейшими отличиями новой пенсионной системы России (2002 г.) являются более предметное разграничение пенсионных институтов (по сравнению с предыдущей пенсионной системой) и формирование принципиально новых для страны пенсионных механизмов, основанных на принципах обязательного социального и личного пенсионного страхования.

Справочно:

Закон о государственном пенсионном обеспечении установил правовые рамки и нормы предоставления пенсий, финансируемых за счет средств федерального бюджета (социальных и иных государственных пенсий), исчерпывающим образом определил круг лиц, имеющих право на одновременное получение различных пенсий.

Закон об обязательном пенсионном страховании зафиксировал статус, права и обязанности основных субъектов правоотношений в области пенси-

¹ В их круг вошли:

Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2002. № 51. Ст. 4831) — далее Закон о государственном пенсионном обеспечении;

Федеральный закон от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2002. № 52. (ч. I) Ст. 4920) — далее Закон о трудовых пенсиях;

Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2002. № 51. Ст. 4832) — далее Закон об обязательном пенсионном страховании.

Для обеспечения финансовой базы новой пенсионной системы были внесены изменения в гл. 24 Налогового кодекса (гл. 24 «Единый социальный налог»).

онного страхования (застрахованных, страхователей и страховщиков), виды и нормы пенсионных страховых взносов.

Закон о трудовых пенсиях установил порядок, нормы и условия предоставления страховых выплат, способы, порядок и размеры индексации трудовых пенсий.

Закон об инвестировании средств для финансирования накопительной части пенсии определил порядок инвестирования средств капитализированных пенсионных накоплений, установил ограничения по направлениям размещения средств (максимально возможных долей ресурсов в инвестиционном портфеле), а также зафиксировал правовой алгоритм выбора застрахованными лицами альтернативных способов управления инвестиционным процессом размещения капитализированных (накопительных) средств: передачи в доверительное управление частной и государственной управляющей компании, либо негосударственному пенсионному фонду.

Квалификационные характеристики назначения пенсии по старости, по инва-

лидности и по случаю потери кормильца (возраст выхода на пенсию и порядок ее назначения) в новой и старой пенсионной системе, хотя и совпадают в некоторых параметрах и сохраняют свою преемственность, но по существу во многом существенно различаются (табл. 1).

Например, Закон о трудовых пенсиях содержит в себе норму, поощряющую более поздний выход на пенсию, поскольку размер пенсии (страховой ее части) ставит в зависимости от возраста, по достижении которого гражданин за ней обращается. Чем позже после достижения пенсионного возраста назначается пенсия, тем, при прочих равных условиях, больше ее размер. Эта закономерность действует до достижения гражданами 65 лет. После этого возрастного рубежа расчетная величина пенсии не увеличивается, поскольку ожидаемый период выплаты трудовой пенсии по старости, применяемый для расчета размера страховой части указанной пенсии не может составлять менее 14 лет или 168 месяцев (п. 6 ст. 14 Закона о трудовых пенсиях). Данная норма преследует цель стимулировать более поздний уход на пенсию без законодательного повышения пенсионного возраста.

Таблица 1

Сопоставительные характеристики правового регулирования существующего и дореформенного пенсионного обеспечения в России

Старые и новые условия и нормы предоставления пенсий по старости	
Дореформенные нормы	Существующие нормы
Государственная пенсия назначается мужчинам в 60 лет, женщинам в 55 лет	Трудовая пенсия назначается мужчинам в 60 лет, женщинам в 55 лет (<i>статья 7 Закона о трудовых пенсиях</i>)
Минимальный трудовой стаж 5 лет	Минимальный страховой стаж 5 лет (<i>статья 7 Закона о трудовых пенсиях</i>)
Не учитывается заработок пенсионера свыше 1,2 средней заработной платы в стране	Учитываются уплаченные взносы с заработка без какого-либо ограничения заданной величиной (<i>пункт 5 статьи 14 Закона о трудовых пенсиях</i>)
Учитывается заработок только за 2 последних года или за лучшие 5 лет подряд	Учитываются уплаченные взносы с заработка за весь период трудовой деятельности (<i>пункт 5 статьи 14 Закона о трудовых пенсиях</i>)
Не учитывается трудовой стаж свыше 45 лет у мужчин и 40 лет у женщин	Страховой стаж не ограничивается (<i>пункт 5 статьи 14 Закона о трудовых пенсиях</i>)
Пенсия не более 3 минимальных размеров либо 0,9 средней заработной платы в стране	Страховая и накопительная часть пенсии не ограничиваются (<i>пункты 5 и 9 статьи 14 Закона о трудовых пенсиях</i>)
Предусматривается, что пенсионеру сохраняется выплата пенсии в прежнем более высоком размере, если при перерасчете пенсий по новым правилам ее размер не достигает ранее установленной величины (<i>пункт 4 статьи 29 Закона о трудовых пенсиях</i>)	

Для сравнения: по Закону 1990 г. размер пенсии зависел от продолжительности трудового стажа и от среднемесячного заработка. Он исчислялся в процентах к среднемесячному заработку за последние два года работы, либо за любые ее периоды в пять лет подряд в течение всей трудовой деятельности.

Новый Закон (о трудовых пенсиях) устанавливает лишь косвенную зависимость размера пенсии от продолжительности работы и от размера заработной платы. Им, как уже отмечалось ранее, предусмотрено, что трудовая пенсия может состоять из нескольких частей (базовой, страховой и накопительной). Они определяются по разным критериям и более того, их финансовые источники различны.

В этой связи многие ученые отмечают, что новый Закон о трудовых пенсиях более сложный для понимания гражданами, его правовая конструкция малопонятна для застрахованных с практической позиции: от чего в первую очередь зависит размер их пенсии².

Новая пенсионная формула существенно отличается от старой. По Закону о трудовых пенсиях страховая часть пенсии будет зависеть от суммы фактически уплаченных взносов, так называемых накопленных пенсионных прав и статистической (определяемой Правительством России) продолжительности жизни после выхода на пенсию (табл. 2)³.

При рассмотрении структуры новой пенсионной системы России обращает на себя

Таблица 2

**Средняя ожидаемая продолжительность жизни (оба пола)
в Российской Федерации на конец 1990-х гг.**

Возраст x, лет	Средняя ожидаемая продолжительность жизни E _x , мес.	Возраст x, лет	Средняя ожидаемая продолжительность жизни E _x , мес.	Возраст x, лет	Средняя ожидаемая продолжительность жизни E _x , мес.
37	416	49	300	61	200
38	406	50	292	62	192
39	396	51	282	63	185
40	385	52	274	64	178
41	376	53	265	65	170
42	366	54	257	66	163
43	356	55	248	67	156
44	347	56	240	68	150
45	337	57	232	69	144
46	328	58	223	70	137
47	318	59	216	71	131
48	310	60	208	72	125

Источник: Данные Росстата.

внимание использование принципиально новых для России пенсионных институтов и социально-финансовых технологий:

- базовых пенсий, с фиксированными (одинаковыми) размерами пенсий, финансовое обеспечение которых осуществляется за счет весьма различающихся по

объему платежей работодателей в пользу работников⁴;

- страховых пенсий, с учитываемыми страховыми взносами, но несправедливыми для мужчин (заниженным, по крайней мере, на треть абсолютной величины) механизмом определения пенсий, поскольку

² Е.Г. Азарова. Пенсионная реформа: хуже не будет? // Хозяйство и право, № 10, 2001, С. 7.

³ Нынешних пенсионеров эти новшества не затронули, поскольку преобразования (конвертация) пенсионных прав уже выпавших на пенсию производится на основании применения старого порядка расчета пенсии на основе индивидуального коэффициента пенсионера. — Прим. автора.

⁴ Справочно: подобные схемы использует ряд стран (Великобритания, до недавнего времени Япония), но в отличие от России в них одинаковая по размеру пенсия, обеспечивается практически равным взносом. — Прим. автора.

период дожития мужчин после выхода на пенсию составляет 12,5 лет (150 месяцев), а расчет пенсии производится по завышенной (практически вдвое) величине дожития;

- накопительных пенсий, основанных на досрочных инвестициях, которые сопряжены с высоким риском утраты (обесценивания) капитализированных средств в долгосрочных временных интервалах.

Обращает на себя внимание факт достаточно специфического правового регулирования института государственных трудовых пенсий, в котором содержится определенная «правовая двусмысленность». Так, базовая часть пенсии регулируется Законом о государственном пенсионном обеспечении, а две другие части (страховая и накопительная) — Законом о трудовых пенсиях. На данную, кажущуюся нелогичной, форму (с правовых позиций) регулирования одного и того же пенсионного института трудовых пенсий, обращали внимание известные ученые-правоведы пенсионного законодательства — М.Л. Захаров, В.Б. Севостьянова, Е.Г. Тучкова, Е.Г. Азарова⁵ и др.

Объяснение алогичности этого кажущегося достаточно искусственного «раздвоения» трудовой пенсии на три компонента находим в предложенном законодателем алгоритме финансового обеспечения этих частей одной и той же по способу зарабатывания трудовой пенсии:

- базовая часть трудовой пенсии финансируется за счет части единого социального налога (ЕСН), который финансирует работодатель, но он вместо того, чтобы сразу направляться в ПФР, попадает в федеральный бюджет и считается его финансовым ресурсом;

- страховая часть трудовой пенсии финансируется также за счет части ЕСН, которая является таким же по экономической природе платежом работодателя, но считается финансовым ресурсом ПФР;

- накопительная часть трудовой пенсии (которая начисляется только работникам 1967 г. рождения и моложе) финансируется работодателем с помощью того же ЕСН, но считается будущей (индивидуальной) собственностью конкретного работника.

Правовые механизмы финансового обеспечения всех трех компонентов трудовой пенсии определены в Налоговом кодексе⁶, нормы которого трансформируют взимаемый ЕСН, что можно назвать не иначе, как правовой манипуляцией одного и того же целевого пенсионного платежа работодателя.

Таким образом, новая пенсионная система представляет собой трехчленную правовую структуру, с принципиально различающимися по предмету правового регулирования и экономической природе пенсионными институтами.

Заявленные цели и нерешенные вопросы пенсионной реформы 2002 г.

Преобразования (2002 г.) в сфере пенсионного обеспечения направлены на решение двух ключевых, но, по мнению ряда экспертов⁷, достаточно расплывчато сформулированных задач: обеспечение финансовой устойчивости пенсионной системы и повышение уровня жизни пенсионеров уже в краткосрочной перспективе.

Основное направление реформы — усиление страховых механизмов в пенсионном обеспечении, включая формирование накопительного элемента в системе обязательного пенсионного обеспечения, а также в подключении частных финансовых институтов к управлению пенсионными накоплениями.

Для успешной реализации данных целей были определены меры по решению четы-

⁵ Захаров М.Л., Севостьянова В.Б., Тучкова Е.Г. Комментарий к новому пенсионному законодательству. М.: ООО «ТК Велби», 2002, С. 20; Е. Азарова Пенсионная реформа: хуже не будет? // Хозяйство и право, № 10, 2001, С. 3–4.

⁶ Статья 241 Налогового кодекса Российской Федерации (в редакции от 31 декабря 2001).

⁷ Пенсионная реформа в России? // Русское экономическое сообщество. М., декабрь 2003, С. 6. www.ress.ru

рех крупных задач, позволяющих создать благоприятные условия для проведения пенсионной реформы.

Во-первых, намечались меры по легализации теневой заработной платы и созданию стимулов для полной уплаты взносов в пенсионную систему. Расчеты аналитиков свидетельствовали, что возможный рост поступления средств может привести к 2-кратному увеличению пенсий.

Во-вторых, было признано целесообразным реализовать меры по повышению взаимосвязи между полученной за все время трудового стажа заработной платой и размером пенсии. Дореформенная пенсионная система предполагала учет пенсионных прав по стажу работы и размеру заработка за два последних года, не учитывая совокупно реальный вклад каждого человека на протяжении трудовой жизни. Для введения нового механизма учета пенсионных прав вводилась новая пенсионная формула и создавалась система персонифицированного учета поступления взносов, что было признано целесообразным для создания стимулов для полной уплаты взносов в пенсионную систему.

В-третьих, намечалось изменить систему льготных пенсий, назначаемых в связи с опасными и вредными условиями труда, путем создания профессиональных пенсионных систем.

В-четвертых, намечались меры по обеспечению прозрачности пенсионной системы. Для решения этой задачи планировалось обеспечить для каждого работающего доступ к информации о величине заработанных им

пенсионных прав: ежегодно информировать об объеме перечисленных работодателем взносов, о величине пенсионного капитала, размерах индексации и др.

Следует отметить, что ни одной из вышеуказанных задач за прошедшие 5 лет решить не удалось. Так, меры по легализации теневой заработной платы и созданию стимулов для полной уплаты взносов в ПФР, по мнению председателя правления ПФР Г.Н. Батанова, не только не принесли какого-либо положительного эффекта, а напротив, еще более ухудшили ситуацию с уплатой взносов по единому социальному налогу, фактический размер которого (по сравнению с нормативным) в 20% от заработной платы составляет всего 8%⁸.

Реализация второй задачи по повышению взаимосвязи между размерами взносов и пенсиями оказалась также проваленной. Коэффициент замещения (соотношение размера средней пенсии к средней заработной плате) за период с 2001 г. по 2006 г. снизился с 35% до 28%.

Решение третьей задачи по формированию профессиональных пенсий, назначаемых за работу с опасными и вредными условиями труда, которое в соответствии с п. 3 ст. 27 Закона о трудовых пенсиях должно было начаться с 1 января 2003 г., в настоящее время не только не обеспечено, поскольку соответствующие законопроекты не приняты, но вызвало ущемление пенсионных прав миллионов работающих.

Четвертая задача по обеспечению прозрачности пенсионной системы решена только отчасти. Сам порядок исчисления

Таблица 3

Потенциал новых пенсионных институтов

Виды пенсионных институтов	Финансовый источник	Размер пенсии	Коэффициент замещения*
базовая часть	часть единого социального налога 6%	фиксированная величина	~ 10% — 5%

⁸ Модернизация пенсионной системы не может быть отложена...//Человек и труд, № 9, 2005, С. 30

Продолжение таблицы 3

страховая часть	часть единого социального налога 14% — 8%	V накоп. средств t период выплат	~ 20% — 10%
накопительная часть	часть единого социального налога 2% — 6%	V накоп. сред + инд. доход t период выплат	~0,1% — 0,2% после 2020 года
Дополнительно — закон не принят			
профессиональная часть	дополнительные страховые платежи 6% — 14% за каждого застрахованного	V накоп. сред + инд. доход t период доплат после принятия соотв. закона	~ 25% на период до наступления права на трудовую пенсию по старости

* Коэффициент замещения: соотношение размера пенсии к размеру заработной платы

размеров пенсий стал намного сложнее, чем до реформы.

Новая структура пенсионных институтов (табл. 3) принципиально отличается от прежней пенсионной системы, а ее слабо проработанные финансовые, правовые и

организационные механизмы не позволят создать приемлемый потенциал новой пенсионной системе ни в средне-, ни в долгосрочной перспективе (табл. 4).

В новом законодательстве существенные новации можно отметить в области со-

Таблица 4

Динамика численности пенсионеров, средних размеров пенсии, прожиточного минимума и коэффициента замещения в 2005–2020 гг.

Показатели	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.
Численность наемных работников, млн чел.	49,30	49,07	47,62	45,75
Численность получателей трудовой пенсии, млн чел.	36,21	37,17	38,55	39,53
Соотношение численности получателей трудовой пенсии и наемных работников, раз.	0,73	0,76	0,81	0,86
Среднемесячная заработная плата (в фактических ценах), руб.	8545	17258	30346	51647
Размер базовой части пенсии, руб.	973,0	1277,45	1477,97	1651,68
Размер страховой части пенсии, руб.	1352,0	2303,16	3408,38	4316,95
Средний размер трудовой пенсии в распределительной системе, руб.	2325,0	3580,61	4886,35	5968,65
Прожиточный минимум пенсионера, руб.	2005	2980	3912	4959
Коэффициент замещения среднего размера трудовой пенсии в распределительной системе	27,2	20,7	16,1	11,6
Средний размер накопительной пенсии для численности ее получающей, руб.	—	—	29,52	33,08

Источник: по данным Актуарного управления ПФР.

циальной защиты инвалидов. Теперь право на пенсию по инвалидности и ее размер зависит не от группы инвалидности, как это было ранее, а от степени ограничения способности к трудовой деятельности. Трудовая пенсия устанавливается (при наличии требуемых условий) в случае наступления инвалидности с ограничением способности к трудовой деятельности III, II или I степени, определяемой по медицинским показаниям.

Справочно:

Очевидно, что изменение критериев определения тяжести инвалидности преследовало цель сократить число инвалидов, претендующих на пенсию, либо, по крайней мере, признать некоторых из них нуждающимися в меньшем уровне пенсионного обеспечения. Так, инвалидность I группы устанавливается безотносительно к наличию трудоспособности. Но если, например, слепой работает массажистом или музыкантом, в частности, по той же профессии и с тем же заработком, что и до потери зрения, вряд ли по новым правилам он будет признан инвалидом с наиболее тяжелой III степенью потери трудоспособности, хотя по ныне действующим правилам ему полагается самая тяжелая I группа инвалидности независимо от того, может ли он работать. Следовательно, при установлении таким лицам инвалидности после 1 января 2004 г. размер их пенсии уменьшается по сравнению как с неработающими инвалидами I группы, так и с лицами, признанными инвалидами I группы до указанной даты.

Другой пример: учитель с ампуацией верхней конечности может быть признан инвалидом III группы из-за ограничения способности к самообслуживанию. Однако поскольку имеющийся у него дефект не мешает выполнению профессиональной функции, никакая

степень ограничения к трудовой деятельности ему не может быть установлена, а соответственно и права на пенсию по инвалидности он иметь не будет.

С 1 января 2005 г. служба медико-социальной экспертизы приобрела статус федеральной. Согласно новой редакции ст. 8 Закона о социальной защите инвалидов теперь медико-социальная экспертиза осуществляется соответствующими федеральными учреждениями. С 1 января 2005 г. вступило в силу постановление Правительства Российской Федерации от 16 декабря 2004 г. №805 «О порядке организации и деятельности федеральных государственных учреждений медико-социальной экспертизы». Во исполнение названных предписаний за невероятно короткий срок нужно было произвести массу правовых и организационных шагов (например, преоформить здания, помещения и оборудование из региональной в федеральную собственность). В результате, как отмечает Е. Гонтмахер, мы имеем невыстроенную федеральную систему медико-социальной экспертизы. Во многих регионах прежние структуры работать уже не имеют права, а новые еще не функционируют. Гигантские очереди отнимают последние силы и нервы у миллионов весьма больных и слабо защищенных людей⁹.

Существенные правовые новации законодатель предусмотрел в сфере досрочного пенсионного обеспечения за работу с особыми условиями труда. В п. 3 ст. 27 Закона о трудовых пенсиях для 15 категорий работников (шахтеров, химиков, текстильщиц, железнодорожников, геологов, лесозаготовителей, работников морского транспорта, летчиков гражданской авиации и др.), такое право сохраняется при условии, если они проработали на соответствующих видах работ не менее половины требуемого срока по состоянию на 1 января 2003 г. Тем, кто работал на таких видах работ менее поло-

⁹ Гонтмахер Е. Инвалид без пенсии / РГ, 2005, 5 апреля, № 68. (См. также: Ермолаева М. В медпункт идут одни старики / РГ, 2005, 11 апреля) В статье, в частности, отмечается, что 28 тыс. москвичей живут в ожидании экспертного заключения, определяющего степень их нетрудоспособности, но многие ответ получают только через три-четыре месяца. Это при том, что 80% обратившихся — старики, которыми ожидание воспринимается как настоящая пытка.

вины требуемого срока, а также принятым для выполнения этих работ после 1 января 2003 г., могут устанавливаться не трудовые, а лишь профессиональные пенсии, регулируемые специальным федеральным законом.

26 июня 2002 г. на заседании Государственной Думы были приняты в первом чтении проекты федеральных законов об обязательных профессиональных пенсионных системах в Российской Федерации и о страховом взносе на финансирование обязательных профессиональных пенсионных систем.

Справочно:

Согласно данным законопроектам, право на выплаты из профессиональной пенсионной системы имеют лица, работавшие на рабочих местах с особыми условиями труда, в пользу которых работодателем уплачивались взносы в соответствующую уполномоченную организацию. Право на профессиональные пенсии распространяется на лиц, работавших на подземных и иных работах, перечисленных в ст. 27 Законам трудовых пенсиях, по достижении ими установленной этой нормой возраста и при наличии требуемого ею профессионального стажа.

Страховой взнос на финансирование профессиональных пенсий должен был составлять 7% от размера заработной платы при занятости работников на подземных работах, на работах с вредными условиями труда и в горячих цехах и 4% — при занятости на остальных работах с особыми условиями труда.

Однако до настоящего времени эти законопроекты не приняты. А поскольку работа с особыми условиями труда с 1 января 2003 г. не может быть учтена для назначения пенсии при условии отсутствия уплаты страховых взносов в обязательную профессиональную пенсионную систему, право лиц, занятых на таких работах и не отвеча-

ющих условиям досрочного пенсионного обеспечения, установленным Законом о трудовых пенсиях, фактически повисло в воздухе. Отметим, что отсутствие этих законов связано, в основном, с тем, что они потребуют значительного дополнительного финансового обременения организаций, применяющих труд работников с особыми условиями труда, а это не согласуется с политикой сокращения налогового бремени на фонд оплаты труда.

Представляется, что значительная во времени задержка с переводом льготных пенсий в профессиональные пенсионные системы в столь крупных масштабах (одновременно по сотням производств и тысячам профессий) может привести к разбалансировке всей системы льготного пенсионного обеспечения и к непредсказуемым последствиям для работников, фактически нуждающихся по условиям труда в досрочном выходе на пенсию¹⁰.

В ряду других принципиальных новаций нового пенсионного законодательства следует отметить, что в нем отсутствует категория минимальной пенсии. Это привело на практике к серьезным изменениям в сфере социальной защиты. Фактически государство отказалось от количественных (определенных законом) обязательств перед гражданами по поддержанию приемлемого уровня пенсионного обеспечения.

Это означает, что существовавшие ранее обязательства были заменены обязательствами, связанными лишь с индексацией размеров (различных частей) пенсий и, прежде всего, размеров базовой части в зависимости от таких факторов, как рост потребительских цен и состояние бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации.

Вместо этого Законом о трудовых пенсиях в статье 17 (п. 6) было установлено, что размер базовой части трудовой пенсии индексируется с учетом темпов роста инфляции в пределах средств, предусмотренных на эти цели в Федеральном бюджете и бюджете Пенсионного фонда Российской Федерации на соответствующий финан-

¹⁰ Зобнина Т.Ю. Некоторые проблемы формирования обязательных пенсионных систем / Новый Трудовой кодекс Российской Федерации и проблемы применения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 16–18 января 2003 г. М.: Проспект, 2004. С. 452.

совый год. Коэффициент индексации и ее периодичность определяются Правительством Российской Федерации. Пунктом 7 этой же статьи установлены периодичность индексации размеров страховой части пенсии, порядок и ее темпы в зависимости от размеров роста цен.

Справочно:

Коэффициент индексации размеров страховой части трудовой пенсии определяется Правительством Российской Федерации исходя из уровня цен на соответствующий период. Данный порядок призван компенсировать обесценение покупательной способности пенсии за прошедший квартал.

Важно при этом подчеркнуть, что в соответствии с действующим законодательством и нормативными актами Правительство Российской Федерации фактически взяло на себя утверждение показателей доходов с учетом роста инфляции. Так, постановлением Правительства РФ от 25.10.2004 № 576 «Об утверждении индекса роста среднемесячной заработной платы в Российской Федерации и индекса роста доходов Пенсионного фонда Российской Федерации в расчете на одного пенсионера, направляемых на выплату страховой части трудовых пенсий, за 2003 г.» утверждены индексы роста доходов Пенсионного фонда Российской Федерации в расчете на одного пенсионера, идущих на выплату страховой части трудовых пенсий за 2003 г., в 1,177 (при утвержденном индексе роста заработной платы в размере 1,261)¹¹.

Исходя из вышеустановленных величин видно, что будущая пенсия обесценивается по отношению к более быстрому росту заработной платы. Не трудно спрогнозировать, что при сохранении данной тенденции пенсионные права в долгосрочном временном периоде могут обесцениться весьма существенно (в 2 и более раза) с точки зрения их покупательной способности.

Следует обратить внимание еще на одну опасность для будущего пенсионера, крою-

щуюся в новом законодательстве. Согласно п. 2 ст. 14 Закона об обязательном пенсионном страховании уплата страховых взносов возлагается на работодателя (страхователя), который обязан своевременно и в полном объеме уплачивать страховые взносы в бюджет Пенсионного фонда России вести учет, связанный с начислением страховых взносов. Если по каким-либо причинам он не выполнил эту норму закона, казалось бы, что он и должен нести за это ответственность. В тоже время другая норма этого же Закона (ч. 2 п. 1 ст. 15) говорит, что застрахованный сам должен осуществлять контроль за перечислением страховых взносов в Пенсионный фонд. Справедливости ради следует отметить, что п. 1 ст. 25 этого же Закона возлагает контроль за уплатой страховых взносов на обязательное пенсионное страхование и на налоговые органы.

Уже сейчас многие граждане предпенсионного возраста обращаются в средства массовой информации с вопросами о мерах воздействия на работодателей, не перечисляющих страховые взносы в Пенсионный фонд России. Однако в настоящее время государство и его властные структуры не могут найти эффективных рычагов воздействия на руководителей предприятий, которые не платят своевременно заработную плату либо не оформляют должным образом трудовые отношения с работниками. При этом согласно п. 2 ст. 7 Закона об обязательном пенсионном страховании право на обязательное пенсионное страхование реализуется только в случае уплаты страховых взносов. Невыполнение работодателем этой нормы лишает гражданина права на пенсионное обеспечение либо ущемляет его права.

Примечательный факт: авторы реформы в качестве аргумента ее целесообразности приводили такой довод, что она позволит на протяжении предстоящих 25 лет выплачивать пенсии в размере 32% среднего заработка в стране. Как отмечает в этой связи Е.Г. Азарова: «низкий жизненный уровень российских пенсионеров известен. Проведение реформы с целью сохранить этот уровень и для будущих пенсионеров в луч-

¹¹ Нормативные акты и документы. // Пенсия. 2004. № 11. С. 17.

шем случае вызывает недоумение. Однако именно под демографические аргументы проведено решение о выделении из пенсионных страховых взносов накопительной составляющей»¹².

Пенсионное законодательство может быть признано эффективным при определенных условиях: если оно распространяется на всех нуждающихся, социально уязвимых граждан; если в нем соблюдаются принципы равноправия и справедливости; если государство выполняет по отношению к гражданам взятые на себя обязательства, не допускает снижения уже достигнутого уровня социальных гарантий, обеспечивает уровень жизни нетрудоспособных, соответствующий, по крайней мере, прожиточному минимуму.

Анализ действующего законодательства с учетом этих критериев свидетельствует о его невысокой эффективности.

Как отмечает М.Л. Захаров, пенсионная реформа не решила проблемы преодоления крайней бедности пенсионеров; не решила в связи с тем, что такая цель и не ставилась¹³.

Новое пенсионное законодательство продолжает продуцировать бедность пенсионеров. Из 38 млн получателей пенсии примерно 32 млн человек могут быть отнесены к бедным, малоимущим гражданам¹⁴. В докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2004 г. сказано следующее: приходится констатировать, что уровень жизни подавляющего большинства граждан России не отвечает стандартам современного цивилизованного общества. Доход многих из них, включая врачей, учителей, ученых, работников физического труда, является поистине нищенским¹⁵. Очевидно, что уровень пенсионного обеспечения не отвечает требованию ст. 7 Конституции Российской Федерации о со-

здании условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Как отмечает в этой связи крупный специалист в сфере пенсионного обеспечения Ю.В. Воронин, первое пятилетие функционирования новой пенсионной модели убедительно показало, что конечные экономические цели реформирования не могут быть достигнуты в короткие сроки. Должен пройти довольно длительный период времени и созданы определенные материальные и финансовые ресурсы в экономике, чтобы пенсионная система по уровню выплачиваемых пенсий достигла тех рубежей, которые характерны для стран с развитой рыночной экономикой. Несмотря на внедрение модели, детально отработанной и хорошо зарекомендовавшей себя в странах с рыночной экономикой, российская пенсионная система оказалась в экономическом отношении слабой и недееспособной, что проявилось в необходимости финансирования ее в значительной степени за счет средств федерального бюджета, финансовой несбалансированности бюджета Пенсионного фонда России, а также в замедлении накопительных процессов¹⁶.

Очевидно, что в стране не сформирована общенациональная стратегия формирования эффективных пенсионных институтов, отвечающая интересам работников, работодателей и государства, рассчитанная на долгосрочную перспективу устойчивого развития. Существующие финансовые механизмы пенсионной системы после 4-х лет проведения пенсионной реформы оказались разбалансированными.

Ожидание результативных качественных перемен в сфере пенсионного обеспечения растянулись более чем на 18 лет. За этот период проведено три пенсионные

¹² Социальное законодательство. Указ. соч. С. 262.

¹³ Захаров М.Л. Пенсионная реформа в России и проблемы преодоления крайней бедности / Роль социального обеспечения в решении проблемы бедности и совершенствование методики преподавания права социального обеспечения / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: Проспект, 2004, С. 35.

¹⁴ Иванова Р.И. Проблема бедности и ее решение в нормах права социального обеспечения / Роль социального обеспечения в решении проблемы бедности... С. 20.

¹⁵ РГ, 2005, 31 марта, № 64.

¹⁶ Воронин Ю.В. Экономические механизмы пенсионного обеспечения в России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М. 2006, С. 15, 10.

реформы, которые не принесли ожидаемых результатов.

Декларируемыми целями последней (2002 г.) пенсионной реформы должны были стать законодательные меры по формированию эффективных механизмов пенсионного страхования. На практике предложенный алгоритм решения данной задачи препятствует достижению этой цели. В последние годы правовые новации в налоговой и пенсионной сфере разрушают страховую пенсионную систему. Намечалась устойчивая тенденция к увеличению доли нестраховой (не связанной с заработком) части в структуре трудовой пенсии.

Что касается финансовой сферы пенсионной системы, то она становится все более неупорядоченной. Фактически отсутствуют актуарное обоснование страховых взносов по группам работающих с различными доходами, не обоснованы размеры страховых взносов по видам рисков, происходит блокирование законодательного процесса по принятию закона о профессиональных пенсиях.

Страховые платежи сохраняют налоговый характер, сохраняется недопустимый по пропорциям разрыв между уплачиваемым страхователями налогом и уровнем выплат застрахованным работникам.

Дефицит распределительной части бюджета ПФР в 2007 г. составит 200 млрд рублей и будет быстро возрастать в среднесрочной перспективе; в 2015 г. он составит 2 трлн. рублей. В случае неблагоприятного развития цен на энергоносители весьма вероятен кризис пенсионной системы уже в 2009–2010 гг., когда дефицит бюджета ПФР может превысить половину доходной части пенсионного бюджета.

Кроме того, остается незадействованным потенциал негосударственных пенсионных фондов и корпоративных пенсионных систем.

Разрешение создавшейся критической ситуации в пенсионной системе вызывает необходимость разработки новой стратегии ее развития с помощью государственной программы формирования цивилизованных пенсионных институтов, основу которых способны обеспечить институт обязательного социального пенсион-

ного страхования и институт корпоративных (отраслевых) пенсий.

Условиями (предпосылками) формирования эффективной национальной пенсионной системы России объективно выступают регулируемая государством система заработной платы и активная политика на рынке труда, а также учет интересов в формировании своих пенсионных прав различных по доходам групп работающих — с низкими, средними и высокими их уровнями.

Оперативными мерами по снятию социальной и финансовой напряженности пенсионной системы целесообразно определить следующие:

- увеличить долю страховых взносов, выделяемых на текущие выплаты, на 6% за счет части ЕСН, направляемой на базовые накопительные части пенсий, с тем, чтобы ее размер составлял не менее 16% от заработной платы застрахованных;
- увеличить дотации государства на финансирование базовой части пенсий, с тем, чтобы в течение ближайших 2–3 лет ее размер составил 80% прожиточного минимума пенсионера;
- принять безотлагательные меры по ускорению принятия проектов федеральных законов о профессиональных пенсиях и о финансировании профессиональных пенсий, в которых следует предусмотреть финансовые источники для решения вопроса о зачете в пенсионные права на досрочные пенсии за работу во вредных и опасных условиях труда периоды, в течение которых существовал правовой вакуум для зарабатывания прав на данные пенсии.

Среднесрочными программными мерами, направленными на формирование цивилизованного института обязательного социального пенсионного страхования, целесообразно определить:

- участие застрахованных работников со средними и высокими доходами в финансировании своих пенсий;
- формирование новых пенсионных институтов — дополнительного обязательного профессионального пенсионного страхования, территориального пенсионного страхования работающих в северных регионах и обязательного пенсионного страхования

работающих на малых предприятиях и самозанятых работников.

Законодательство, касающееся реформирования пенсионной системы, должно носить пакетный характер и включать в арсенал своих средств:

- государственные гарантии, обеспечивающие для застрахованных возможность заработать и реализовать пенсионные права, сопоставимые с размерами заработной платы застрахованных (в диапазоне 40–55% от их заработной платы);

- государственное стимулирование развития дополнительных систем пенсионного страхования с участием в их финансировании работодателей и работников и включение в них значительной доли занятых и самозанятых работников.

Формирование территориальной системы обязательного пенсионного страхования могло бы стать составной частью разрабатываемой концепции. В свою очередь это предполагает:

- формирование необходимой законодательной базы территориального обязательного пенсионного страхования, которая должна включать в себя пакет федеральных законов — о территориальном обязательном пенсионном страховании, о персонализированном учете при территориальном

обязательном пенсионном страховании и другие нормативные акты;

- упорядочение системы районирования территорий Севера, что имеет принципиальное значение для формирования территориальной системы пенсионного страхования, которое должно действовать на территориях с экстремальными и дискомфортными природно-климатическими условиями.

В связи с тем, что нормы налогового, трудового и пенсионного законодательства пришли в противоречие с законом «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях», необходимо принятие пакета новых законов, включая их пенсионный блок:

- федерального закона «О размере районных коэффициентов к заработной плате и порядке его выплаты лицам, работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях»;

- федерального закона «О размере процентной надбавки к заработной плате за стаж работы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях и порядок ее выплаты».

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ДАГЕСТАНА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

М.М. Гаджиев

*Соискатель Дагестанского
научного центра
Российской Академии
наук*

*Руководитель Исполкома
Дагестанского ре-
гионального отделения*

Дагестан — многонациональная республика. На ее территории живут представители более 100 наций и народностей, составляющих многонациональный дагестанский народ.

В такой республике очень важны отношения власти к проблемам социально-экономического и культурного развития всех народов. Эти отношения должны быть оформлены, закреплены в четко выверенной, научно-обоснованной национальной политике. В современных условиях эта политика приобретает особую актуальность.

Следует подчеркнуть, что высшими органами государственной власти Республики Дагестан в 90-е гг. прошлого столетия были приняты ряд важнейших документов по данному вопросу, что является свидетельством пристального внимания бывшего Госсовета, Парламента и Правительства республики к проблемам национальной политики и межнациональных отношений¹.

В последние годы появились содержательные книги и статьи дагестанских авторов, в которых рассматриваются различные аспекты национальной политики и межнациональных отношений².

¹ Постановление Совета министров Республики Дагестан от 2 декабря 1991 г. «О признании утратившими силу некоторых решений Правительства ДАССР, принятых в связи с насильственным переселением чеченского населения в годы Великой Отечественной войны», Постановление Президиума Верховного Совета Дагестанской ССР и Совета Министров Дагестанской ССР от 22 июля 1991 г. «О первоочередных мерах по реализации закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов»; Постановление Президиума Верховного Совета Дагестанской ССР от 10 сентября 1991 г. «Об обстановке в Казбековском районе Дагестанской ССР», Постановление Совета министров Дагестанской ССР от 18 февраля 1992 г. № 51 «О первоочередных мерах по практическому восстановлению законных прав репрессированных народов Дагестанской ССР.

² Агаев А.Г., Магомедов Р.М. Дагестанское единство: история и современность. Махачкала. 1995., Агаев А.Г. Дружба народов Дагестана: миф или реальность? // Дагестанская правда. 1992. 29 октября; Абдуллаев М.А. Национальные движения в Дагестане // Народы Дагестана. 1994. № 2; Абдулатипов Р.Г., Кадиев З.М. Русско-дагестанские межнациональные отношения. Махачкала. 1990; Алиев М.Г. Республика Дагестан: приоритеты современной национальной политики // Дагестанская правда. 1995. 15 декабря; Алиев А.К. Сохранить единство, целостность и стабильность // Дагестанская правда. 1993. 23 июня; Мусаева С.И. Межнациональные отношения в Дагестане: история и современность. Махачкала. 2001; Гасанов Н.Н. о культуре межнационального общения // Социально-политический журнал. 1997. № 3; Садыки М.А. Дагестан: политические реалии и перспективы. М. 1996.

Национальная политика представляет собой составную часть социальной политики различных групп и слоев, входящих в структуру полиэтнических государств или сообществ. Когда говорим о национальной политике, речь идет, прежде всего о целенаправленной деятельности по регулированию взаимоотношений между нациями, этническими группами, закрепленных в соответствующих политических документах и правовых актах государства.

Национальная политика тесно взаимосвязана с другими направлениями политики и политико-управленческой деятельности. Главным в содержании национальной политики является отношение к национальным интересам с учетом их общности, расхождения, столкновения.

Целями национальной политики могут быть национальная консолидация, межэтническая интеграция, сближение наций и др. Наряду с этим национальная политика бывает нацелена на национальное обособление, замкнутость, отстаивание этнической «чистоты», защиту национального от инонационального влияния.

На наш взгляд, власть на Федеральном уровне до последнего времени, по существу, не занималась как таковой национальной политикой. Мало того, она не учла положительный опыт, накопленный отдельными субъектами РФ, опыт народной дипломатии в решении сложных межэтнических вопросов. Документы, принятые на Федеральном уровне по затронутому вопросу, в большинстве случаев не работали. Как правило, значительная часть их носила декларативный характер.

Не этим ли объяснялось усиление центробежных сил в этот период, стремление к вытеснению из национальной политики гуманистического и интернационалистического содержания, демократической, миротворческой, созидательной, прогрессивной направленности, уважительного отношения к человеку, личности независимо от национальности.

Не этим ли объяснялось усиление антикавказской пропаганды, по сути ксенофобии,

национализма, тоталитарной, воинственной, разрушительной направленности.

Такая политика привела не к единению и сотрудничеству, не к укреплению дружбы, а к усилению напряженности, конфронтационности и конфликтности.

В сложившейся обстановке, в 1990–1993 гг., Российский центр должен был бы вырабатывать достаточно гибкую, мягкую национальную политику, чтобы удерживать национальную психологию масс в равновесии. Между тем, увлеченный преимущественно проблемами укрепления центральной государственной власти, использования Федеративного договора в сторону усиления унитаризма, центр порой принимал решения и законы, которые не только не помогали решению сложных и трудных вопросов национальных отношений на местах, но и значительно ухудшали ситуацию в Северокавказском и, в частности, в Дагестанском регионе. Так без должной проработки и учета региональных особенностей был принят Закон о реабилитации репрессированных народов.

Кроме того, игра с национальными чувствами масс, поощрение в начале национально-сепаратистских тенденций призывами «возьмите столько суверенитета, сколько проглотите», объявление дружбы народов пропагандистским штампом, сравнение либеральными демократами патриотизма с национализмом, даже с фашизмом — все это расшатало общественно-политическую обстановку в Дагестане. Возникшие на волне сепаратистских идей национальные движения к лету 1992 г. объявили бойкот всем государственным структурам Дагестана, многие из них потребовали выхода из состава России; появились силы, требующие преобразования Дагестана в исламскую республику³.

Интересы сохранения гражданского мира, политической стабильности и государственного единства Российской Федерации требуют проведения продуманной, научно-обоснованной национальной политики, учитывающей потребности и запросы всех народов России.

³ Алиев М.Г. Республика Дагестан: приоритеты современной национальной политики // Дагестанская правда. 1995. 15 декабря.

На основе тщательного учета интересов и запросов больших и малых народов Республики Дагестан Верховный Совет Дагестана в 1993 г. подготовил и принял «Комплексную программу решения проблем национальных отношений в Республике Дагестан», который содержал разнообразные практические задачи, определяли сроки, исполнителей, формы и методы их выполнения и контроля.

Комплексная программа учитывала сложившиеся реалии во взаимоотношениях как российских центральных властей и государственных органов Дагестана, так и во взаимоотношениях последних с народами республики, их политическими партиями, общественными движениями.

Программа охватывала самые различные сферы национальной жизни: государственно-правовые, экологические, экономические, кадровые, развития национальных культур, языков, средств массовой информации и книгоиздания, истории и этнографии, укрепления единства Дагестана и т. д.

Вместе с тем, в документе заложена идея, возвышающая роль и значение закона в решении всех проблем национальных отношений в Дагестане. Он должен был стать высшим регулятором общественных отношений. В частности, в нем отмечено, что любые ущемления граждан по национальному признаку нужно рассматривать как неприемлемые и противоречащие принципам государственности, Всеобщей декларации прав человека, как оскорбление национального достоинства и чести людей; действия же, направленные на разжигание национальной розни, должны пресекаться по всей строгости закона⁴.

В условиях глубоких социально-политических трансформаций и экономического кризиса, которые переживает Российская Федерация, высока вероятность возникновения конфликтов между различными этническими общностями, в частности, на Северном Кавказе.

Отсюда следует, что важнейшая задача национальной политики страны — предотвращение или трансформация конфликтов

из насильственных форм в конституционные, переговорные рамки, снижение уровня агрессивности, недопущение открытых столкновений и человеческих жертв. В зависимости от причин и уровня конфликта должны быть задействованы различные механизмы их предотвращения и разрешения. Одним из основных механизмов является, прогнозирование и раннее предупреждение конфликтов. Его реализацией должны заниматься, прежде всего, местные органы власти, политические партии и общественные организации с опорой на экспертизу и рекомендации прогностических и информационных научных центров и групп. Для этого необходимо создание как на федеральном, так и на местном уровнях служб раннего предупреждения и разрешения межнациональных конфликтов.

Другим механизмом, обеспечивающим межнациональное согласие и снижение напряженности, является воздействие через экономическую инфраструктуру и комплекс направленных социальных мер с целью устранения социально-экономического неравенства групп населения по этническим параметрам.

Третий механизм — дальнейшее развитие конституционно-договорных основ федерализма и децентрализации, расширение и совершенствование нормативно-правовой базы регулирования межнациональных отношений. Речь идет о принятии соответствующих законов на федеральном уровне, о государственной границе, о национально-культурной автономии, о статусе национальных советов в районах компактного проживания национальных меньшинств, а также активная нормотворческая деятельность республиканских, краевых и областных органов власти в этом направлении.

Как же реализовывалась вышеназванная программа? Во-первых, прошедшее с момента принятия «Комплексной программы решения проблем национальных отношений» время показало и подтвердило верность выбранных руководством республики целей, приоритетов, концептуальных положений.

⁴ Комплексная программа решения проблем национальных отношений в Республике Дагестан // Дагестанская правда. 1993. 1 июля.

Руководство Дагестана исходило из принципов равноправия, свободного развития и самоопределения всех народов, национального мира и государственной целостности республики. Причем, власти республики удалось наполнить эти принципы реальным политико-правовым и нравственным содержанием. Во многом благодаря этому, а также терпению и чуткости к национальным чувствам масс, вниманию к потребностям различных народов удалось не только сохранить межнациональный мир, но и упрочить его, нарабатывая опыт и технологию согласования национально-политических и этнокультурных запросов.

В настоящее время острота национальных проблем несколько не притупилась, как об этом пишут отдельные авторы⁵. Напротив, обретают еще большую динамичность и актуальность. В этой связи, нельзя не согласиться с мнением Президента нашей Республики, доктора философских наук, профессора Алиева М.Г., который отмечает, что «война в Чечне, создавшая новую этнополитическую ситуацию на севере республики и в целом на Кавказе, установление жесткой государственной границы на юге, разделившей лезгинский народ и создавшей трудности общения с Дагестаном, проживающим в Закавказье аварцам, цахурам и другим национальностям, отток части русского и русскоязычного населения Дагестана за его пределы, углубление социально-политического кризиса, резкое сокращение государственных субсидий на цели развития национальных культур, традиций и языков, рост сепаратистских настроений — таковы лишь некоторые новации в сфере национальных отношений»⁶.

Государственная национальная политика, в частности, строится на основе согласования общегосударственных интересов, интересов различных национальных общностей и регионов, обеспечивает, таким образом, единство общегосударственного, затем национального и, наконец, террито-

риального начала в политическом обустройстве страны. Именно из этого исходило руководство республики при разработке «Комплексной программы решения проблем национальных отношений в Республике Дагестан».

Одним из важных требований этой программы было обеспечение равного представительства всех народов в структурах государственной власти и управления. В этих целях в нашей республике был создан качественно новый политический орган — Государственный Совет. По Конституции РД Государственный Совет представлял собой коллективного президента, а его Председатель выступал главой Дагестанского государства. Каждая из 14 национальностей Дагестана, имеющих статус «народа», представлены в нем одним лицом, независимо от его численного состава.

Такой же принцип представления всех народов Дагестана в высших государственных органах был распространен и на выбор депутатов Народного Собрания РД. Были образованы общетерриториальные, территориально-национальные, профессиональные и женские избирательные округа. В территориально-национальных округах баллотироваться имели право только представители одной национальности. При всей сложности и спорности этой процедуры (ее соответствие с конституционными правами граждан), выборов подавляющее большинство избирателей одобрительно отнеслись к этому новшеству. Опыт показал, что в специфических условиях этнической мозаичности общества пропорциональное национальное представительство народов в структурах государственной власти исторически оправдал себя.

«Проблема межнационального согласия и единства внутри республики, — пишет М.Г. Алиев, Президент Республики Дагестан, — наша национальная политика, ориентированная на практическое решение конкретных жизненных вопросов конкретных народов. Каждый большой, средний и

⁵ Барановский К. О феномене цивилизованного национализма // Дружба народов. 2000 г. №3.

Кадиев Х.-М. Чувство Родины // Народы Дагестана. 2001. № 5. С. 49–51.

⁶ Алиев М.Г. Национальной политике — приоритетное значение // Дагестанская правда. 1997. 1 марта.

малый народ, каждая этническая и национальная группа находит в ней особое новое место»⁷.

Если мы можем констатировать большое внимание власти нашей республики к межнациональным проблемам, национальной политике, то этого мы не можем говорить о власти центральной. Именно она способствовала разрушению экономики, обнищанию большинства россиян, росту межнациональных конфликтов. До 1996 г. Правительство России, парламент, не приняли ни одного документа, определяющего национальную политику власти. Демократы, стоящие у власти проповедуя деидеологизацию общества, изъяли из употребления идеи дружбы, патриотизма и интернационализма. Лишь в 1996 г. появился первый документ, регулирующий национальную политику Российской Федерации «Концепция государственной национальной политики Российской Федерации»⁸. В ней четко обозначены важнейшие принципы национальной политики Российской Федерации: равенство прав и свобод человека независимо от его национальности и языка, отношения к религии, принадлежности к социальным группам и общественным объединениям; равноправие народов; сохранение исторически сложившегося государственного единства Российской Федерации; равноправия субъектов Российской Федерации во взаимоотношениях между собой и с федеральными органами государственной власти; гарантия прав коренных малочисленных и дисперсно проживающих народов в соответствии с Конституцией Российской Федерации, принципам и нормам международного права, признанными Российской Федерацией и т. д.

Вышеупомянутый документ направлен на обеспечение стабильного развития Российского государства, дальнейшего развития культуры, языка и т. д. Рост и сближение наций, упрочение их взаимосвязей делают более плодотворным взаимное обогащение, открывают гражданам страны возможность для приобщения ко всему ценному,

что рождено талантом каждого из народов России.

К сожалению, в реальной действительности допускались такие действия, которые не только не способствовали укреплению межнационального согласия, а наоборот разжигали межнациональную рознь, вражду.

В начале 90-х гг. (более 4-х лет) проводилась кампания, которая фактически с молчаливого согласия Правительства России, высших политических деятелей была развернута на страницах центральных газет, других средств массовой информации компания против лиц «кавказской национальности», а по существу против граждан субъектов РФ, проживающих на Кавказе. При этом случались попытки физического «выдавливания» кавказцев, живущих в Москве и других крупных городах России десятилетиями. Подобные эксцессы вызывают чувства досады у большинства русских людей, живущих как в Дагестане, так и за его пределами.

Являясь гражданином Российской Федерации, дагестанец, по сути, оказывается в роли изгоя, лишённого права спокойно жить и работать там, где он желает.

Этнический дагестанец, точно также как этнический русский, или представитель любой другой национальности России является абсолютно равным членом нашего общества.

Неотъемлемой частью национальной политики является кадровая политика. Она в условиях многонационального региона, каким является Дагестан, выступает не только могучим рычагом решения сложнейших вопросов социально-экономического и культурного развития, но и действенным средством обеспечения стабильности, укрепления единства дагестанских народов, в упрочении дружбы и сотрудничества.

Важность и жизненность такой постановки вопроса со всей очевидностью прослеживается на примере нашего многонационального края, который является как бы бывшим «Союзом в миниатюре». Существование на территории Дагестана

⁷ Дагестанская правда. 1995. 15 декабря. С. 2.

⁸ Российская газета. 1996. 4 июня.

большого количества народностей, этнических и национальных групп не может не сказываться на интенсивности межнациональных отношений, ускорения процесса интернационализации общественной жизни. Вместе с тем оно предъявляет повышенные требования к разработке и проведению экономической и социальной политики, к работе с кадрами.

Состояние национальных отношений не в последнюю очередь зависит от того, как представлены населяющие республику народы в ее государственных органах, в том числе высших.

После принятия новой Конституции РД в республике были разработаны и приняты Концепция и Программа осуществления государственной кадровой политики РД. Она предусматривает выявление, отбор и расстановку специалистов и руководящих работников республиканских органов государственного и хозяйственного управления на основе объективной оценки их общекультурных, профессиональных и личностных качеств. Другим важным шагом в этом плане стала подготовка реестра государственных должностей государственной службы РД. Этот документ систематизирует всю структуру государственных органов управления в республике, начиная от аппарата Президента, Народного Собрания и Правительства Дагестана.

Каковы же принципы государственной кадровой политики? Это равное право граждан на занятие любой должности в соответствии со своими способностями и профессиональной подготовкой. Приоритет профессионализма и высоких человеческих и нравственных качеств. Пропорциональное представительство всех народов Дагестана в органах государственной власти и управления. Это основные принципы государственной кадровой политики, которые пытается реализовать руководство республики. Вся государственная кадровая политика ориентирована на укрепление стабильности республики и сохранения межнационального мира.

К сожалению, вышеперечисленные принципы кадровой политики, провозглашенные властью Дагестана — это де юре, а де факто — очень часто мы видим совсем дру-

гие принципы. Давно уже сложилось так, на первый план при решении этого вопроса выходят клановые и корпоративные интересы. Это разрушает и разъедает выше отмеченные принципы кадровой политики, да не только кадровой.

Все это имеет непосредственное отношение и к формированию представительной власти республики. Так согласно Конституции Республики Дагестан, в Народное Собрание РД обеспечивается пропорциональное численности населения представительство депутатов для 14 конституционно обозначенных народов Дагестана: аварцев, агульцев, азербайджанцев, даргинцев, кумыков, лакцев, лезгин, ногайцев, русских, рутульцев, табасаранцев, татов, цахуров и чеченцев. Народное Собрание Республики Дагестан второго созыва (1999) состоит из 121 депутата, реальное расчетное и фактическое количество которых по национальностям приведено в таблице 1.

Опыт Дагестана в национальной политике уникален уже тем, что в нем главенствующее значение отводится, во-первых, не одному какому-то исходному принципу, а совокупности общезначимых принципов, понятных гражданам республики и проверенных на их историческом опыте, — это толерантность, мир, лояльность, осознание принадлежности к общему дому — Дагестану.

Во-вторых, национальная политика Республики Дагестан в достаточной мере этнически индивидуализирована. За основу своей концепции она берет конкретный народ, его национальные запросы, заботы и интересы.

В-третьих, национальная политика, проводимая в республике, исходит из гармоничного соединения специфических интересов каждого отдельно взятого народа (национальной идеи) с общедагестанскими интересами (общедагестанской идеей). Национальная политика Дагестана направлена на удовлетворение общегосударственных, российско-федеральных интересов (государственная идея), равно как и интересов ближнего и дальнего зарубежья.

В-четвертых, национальная политика в нашей республике осуществляется всеми ветвями власти, используя различные ме-

Таблица 1

№	Народы Дагестана	Расчетное количество мест депутатов	Фактическое количество мест депутатов
1	Аварцы	33,88	33
2	Даргинцы	19,72	20
3	Кумыки	15,6	16
4	Лезгины	14,76	15
5	Русские	7,86	10
6	Лакцы	6,17	6
7	Табасаранцы	5,56	5
8	Азербайджанцы	5,26	6
9	Чеченцы	4,05	4
10	Ногайцы	1,93	2
11	Таты	0,96	2
12	Рутулы	0,96	1
13	Агульцы	0,90	1
14	Цахуры	0,36	1

тоды и средства претворения ее в жизнь, они имеют одну и ту же общую цель. Между ними нет расхождений в ее историческом истолковании и путях ее реализации. Принцип конструктивного сотрудничества является гарантом национальной политики Республики Дагестан.

В-пятых, дагестанская национальная политика соединяет государственно-правовые нормы национальных отношений с традиционно-народными, общественными регуляторами. Совершенствуется механизм достижения межнационального согласия, отработанный народами Дагестана с давних времен. Стратегия согласия, этика согласия встают из глубинных структур традиционного сознания дагестанцев. Все политические партии и национальные движения республики, за редким исключением, различаясь по многим позициям, едины в признании общеддагестанской идеи⁹.

В регулировании межнациональных отношений особенно важна роль самого общества, общественных организаций и государства. Ведь излишнее государственное регулирование, тем более преднамеренная политизация межнациональных отношений в угоду тем или иным партийным платформам, игра с национальными чувствами,

бездумное использование силовых методов, отсутствие осторожности, внимания, чутья и такта приводят к негативным результатам, даже при благих задачах.

Вышеизложенный материал показывает, что уникальность Дагестана состоит прежде всего в том, что он, строго говоря, не «национален». На ее территории, как уже было отмечено, проживают десятки народов, ни один из которых не обладает абсолютным численным превосходством по отношению ко всем остальным вместе взятым. Здесь проживают и представители практически всех народов Кавказа, с которыми дагестанцы имеют давние экономические и культурные связи.

Таким образом, многонациональность для Дагестана стала не помехой, не фактором разобщения народов, а их богатством, реальной силой единения дагестанцев, условием интегрирования их с другими этническими общностями, приобщения горного края к странам мирового сообщества.

⁹ Алиев М.Г. Республика Дагестан: приоритеты современной национальной политики // Дагестанская правда. 1995. 15 декабря.

Кризис депопуляции в России через призму проблемы национальной идентичности государства

В.Э. Багдасарян

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Московского государственного университета сервиса

Национальная идентичность связана с осознанием единства нации в прошлом (историческая память), а соответственно, с ориентацией на сохранение ее в будущем, достигаемом посредством процесса естественного воспроизводства. В этом смысле национальная рефлексия представляет собой развитие родовой рефлексии, с характерной для нее репродуктивной ориентацией и почитанием предков. Нация, как исторически преемственный организм, не может существовать без репродуцирования национальных традиций. По существу у каждого из народов в его традиционалистском арсенале присутствует компонент сакрализации процесса демографического воспроизводства. Таким образом, согласно выдвигаемой в исследовательском проекте гипотезе, национальная ориентированность является фактором, способным воспрепятствовать тренду депопуляции. Цель представленного раздела заключается в проведении на основании исторического и социолого-статистического материала сравнительного цивилизационно-странового и национально-регионального анализа указанной зависимости.

Консервативная модель демографической модернизации

Попытаемся первоначально ответить на вопрос: любой ли вариант модернизационной трансформации порождает в обществе процессы репродуктивного угасания? Будет ли, действовать сформулированная закономерность применительно к индустриально-урбанистической фазе развития общества?

Универсальное значение фактора национальной ориентированности государства в демографической сфере доказывается посредством корреляционного анализа популяционной динамики с фазами наивысшего акцентирования идеи нации применительно к новой и новейшей истории ряда ведущих стран современного мира. Удивительным образом национальные апогеи совпадают с апогеями репродуктивного подъема.

Модернизационный процесс далеко не всегда обуславливал переход к современному типу воспроизводства. Снижение уровня рождаемости наблюдалось, главным образом, при дискретном варианте модернизации. В тех же сообществах, в которых она осуществлялась при опоре на национальные традиции, кризиса репродуктивности отмечено не было. Зачастую данные социумы испытывали даже демографический бум, вызываемый синтезом сохраняемых этноконфессиональных семейных ценностей с улучшением материальных условий жизни населения.

Какими прецедентами располагает на этот счет мировая история?

Япония

Рождаемость в феодальном японском обществе была сравнительно не высока. Низким репродуктивным уровнем характеризуется демографическая ситуация и в современной Японии. Совершенно иная картина наблюдалась в период определяемой духом революции «Мэйдзи» синтоизации японского общества. Численность японцев в 1980-е гг. XVIII в. составляла около 30 млн чел. Примерно на том же уровне оставалась она и к началу синтоистской революции 1867 г. Но уже к 1913 г. в Японии проживало 51,3 млн человек. Одновременно происходившее активное индустриально-урбанистическое развитие очевидно не только не служило препятствием, но и являлось дополнительным фактором демографического бума¹.

Турция

Аналогичное резкое повышение репродуктивной активности наблюдается и при рассмотрении феномена османской модернизации. К 80-м гг. XVIII в. население Турции, по примерным подсчетам демографов, составляло 9,5 млн чел. По прошествии столетия оно даже сократилось, находясь на отметке в 8,6 млн чел. Модернизационный процесс в османском

обществе конца XIX—начала XX вв. происходил, как известно, в идеологическом формате реанимации тюркистских традиций (а по большому счету, турецкого национализма). Демографические последствия такой политики для Османской империи не заставили себя долго ждать. Уже к 1913 г. численность ее населения достигла уровня в 18,1 млн чел. В противоположность позднеосманскому периоду в светской европеизированной Турции динамика репродуктивности имеет преобладающую тенденцию снижения. На настоящее время у нее одни из худших показателей суммарного коэффициента рождаемости среди мусульманских стран².

Россия

Высокий уровень репродуктивности населения удавалось сохранить и в условиях модернизационного рывка в Российской империи эпохи Александра III. Если в первой половине XIX вв. в европейской части страны темпы ежегодного прироста населения составляли 6%, то во второй, несмотря на колонизационный отток на окраины — 11–13%³. Взаимосвязь процесса модернизации с православной традицией поддерживала репродуктивные ценностные ориентиры численно преобладающего русского народа. Общий коэффициент рождаемости в Европейской России составлял на начало царствования Александра III 50,5% (на 1000 жителей). К концу столетия он в целом был сохранен при том, что у русского народа даже превышен, достигнув к 1899 г. наивысшего в его истории зафиксированного уровня в 52,3%. Характерно, что репродуктивная активность российских мусульман заметно уступала православным, соотносясь на то же время с коэффициентом 37,8%. И это при том, что степень урбанизации среди русских была немного выше, чем у исламских народов. Однако десакрализационный надлом массового сознания начала XX в., выраженный, прежде всего, в идеологической инверсии первой россий-

¹ Миронов Б.Н. История в цифрах. С. 133; Демографический ежегодник России 2005: Статистический сборник. М., 2005. С. 588, 591; Сигэки Т. Мэйдзи исин. М., 1959.

² Миронов Б.Н. История в цифрах. С. 133; Здравоохранения в России. 2005: Статистические доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм, таносманизм). М., 1985.

³ Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С. 26–29.

ской революции, не замедлил негативно отразиться на репродуктивной активности. В 1905 г. общий коэффициент рождаемости у русских составлял уже 47,8%, а в 1908 г. — 47,4%. Статистика последующих лет фиксировала стабилизацию показателей репродуктивности. Несмотря на некоторый спад, пришедшийся на время первой российской революции 1905–1907 гг., динамика рождаемости в Российской империи оставалась наивысшей в Европе⁴.

Понятием консервативная модернизация характеризует А.Г. Вишневский даже советскую демографическую политику⁵. С этим утверждением нельзя согласиться. Несмотря на консервативное блокирование государство некоторых тенденций демографического перехода, модернизационный тренд в демографии СССР явно превалировал.

США

Аргументы против теории о предопределенности современного типа воспроизводства можно обнаружить и в демографической истории США. Противоречащий данному концепту длительный репродуктивный спурт пришелся в американском обществе на вторую половину 1930-х–1950-е гг. Общий коэффициент рождаемости в Соединенных Штатах возрос от 18,4% в 1936 г. до 26,5% в 1947 г. Показательно, что интенсивный рост репродуктивной активности американцев наблюдался даже во Время второй мировой войны. Соответствующий демографический подъем коррелировался в США с процессом ретрансформации консервативных англо-американских ценностей. Олицетворяемая же президентством Дж. Кеннеди ценностная инверсия начала 1960-х гг. обозначила противоположный вектор снижения уровня репродуктивности. Спад рождаемости

в США хронологически точно совпал с эпохой сексуальной революции. В итоге к 1978 г. общий коэффициент рождаемости в Соединенных Штатах упал до отметки в 15%⁶.

Приведенные выше исторические примеры, перечень которых можно продолжить, указывают на необходимость разработки цивилизационно адаптированного формата российской модернизации.

Латинская Америка

Могут возразить, что историю не всегда целесообразно использовать в качестве мерила современности. Принимая такого рода возражение, попытаемся ответить на вопрос: прослеживается ли связь демографической динамики с уровнем национальной ориентированности государства в современном мире?

Многие высокоурбанизированные страны и в настоящее время сохраняют довольно высокую репродуктивность. Активная демографическая динамика характера, к примеру, для государств Латинской Америки, несмотря на заметное преобладание в структуре их населения городских жителей. Даже самая урбанизированная страна региона Аргентина, превосходящая по долевого представительство горожан соответствующие российские показатели (83% аргентинцев проживает в городах), традиционно имеет сравнительно высокий коэффициент рождаемости — по данным на 2003 г. — 17,5% (т. е. более чем в два раза больше нежели, к примеру, в Германии). Сходная демографическая ситуация наблюдается и в современном индустриально-урбанизированном Уругвае. При проживании более двух третей населения в городах мексиканские и перуанские женщины рожали в среднем по данным на начало 1980-х гг. более пяти детей.

⁴ Движение населения в Европейской России за 1899–1910 годы. СПб (Пг) 1904–1916; *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913): Статистические очерки. М., 1956; *Араловец Н.А.* Городская семья в России 1897–1926 гг. Историко-демографический аспект. М., 2003. С. 72–76; *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX в. Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 42–45.

⁵ *Вишневский А.Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 7–8.

⁶ Население мира: демографический справочник. С. 90, 98–101; *Шлезингер А.М.* Циклы американской истории. М., 1992.

Согласно статистике на 1995 г., общий коэффициент рождаемости в Мексике составлял 30,4% — один из самых высоких показателей в мире. При этом уровень смертности — 4,8% был ниже, чем в любой из североамериканских или европейских стран. Мексиканский опыт противоречит, таким образом, популярному среди демографов тезису, что интенсивная рождаемость при традиционном типе воспроизводства является оборотной стороной высокой смертности. Очевидно, что благоприятная демографическая ситуация у латиноамериканцев определяется отнюдь не экономическими факторами, коррелируясь в большей степени с высоким статусом католической церкви⁷.

Многодетность в современной Европе

Многодетность еще в первой половине XX в. являлась также отличительной особенностью семей европейских католиков из стран с повышенной клерикальной составляющей (Италии, Испании, Португалии). Их репродуктивная ориентированность снижалась прямо пропорционально снижению роли Церкви в общественной жизни. К моменту начала распада социалистической системы только в четырех европейских странах — Албании, Ирландии, Польше и Румынии суммарный коэффициент рождаемости превышал уровень простого воспроизводства. В свете выдвигаемого в настоящей работе концепта обращает на себя внимание характеристика указанных государств с точки зрения духовных потенциалов. Албания, имевшая наивысшие в Европе показатели рождаемости, вплоть до распада СФРЮ являлась единственной на континенте страной мусульманского культурного ареала. Ирландия, общественная рефлексия которой во многом зависела от конфессионального конфликта на североирландских территориях, сохранила положение одного из оплотов европейского католицизма.

Для Польши в большей степени, чем для какой-либо из социалистических стран Восточной Европы, имело актуальность участие Церкви в общественной жизни. Польское происхождение римского папы Иоанна Павла II может рассматриваться в качестве одного из индикаторов данного положения. Сохранение роли католицизма в синтезе с широкими социальными гарантиями, предоставляемыми коммунистическим государством, обеспечивало, по-видимому, репродуктивный эффект. Наконец, Румыния, не выделяясь в советский период высокой степенью религиозности населения, отличалась зато особо радикальной демографической политикой, связанной с системой мер по активному поддержанию брачности. Таким образом, наименьшие масштабы снижения рождаемости в Европе оказались присущи тем странам, которые либо сохраняли освященные религией традиционные репродуктивные ориентиры либо использовали механизмы государственного регулирования демографическими процессами. Показательно, что Албания и Ирландия по-прежнему первенствуют в Европе по показателям рождаемости. В то же время Румыния и Польша, отказавшиеся от советских принципов социальной политики, имеют в настоящее время крайне низкую статистику репродуктивности, уступая, к примеру, по ней также испытывающей демографический кризис России⁸.

Необходимо также отметить тот удивительный факт, что вопреки современному стереотипу о том, будто бы те народы, которые много рожают, также активно и мрут, именно Албания и Ирландия имеют наименее низкий показатель в Европе по общему коэффициенту смертности, соответственно, 4,9% и 7,4%. Для сравнения в Великобритании он составляет 10,4%, в Германии — 10,3%, в Италии — 10,8%. Хуже по отношению к албанским и ирландскими показателям обстоит дело и в США, где на тысячу человек в год приходится 8,4 умерших. А вот в России общий коэффициент

⁷ Население мира: демографический справочник. С. 91–96; Здравоохранения в России. 2005. С. 41.

⁸ Население мира: демографический справочник. С. 48; Здравоохранения в России. 2005. С. 40.

⁹ Там же. С. 40–41.

смертности, не в пример, казалось бы, не-
благополучной Албании, составляет 16%⁹.

Монархическая Европа

Проследить опосредованную зависи-
мость демографической ситуации от сте-
пени национальной ориентированности
государства удастся даже в отношении сов-
ременных европейских стран. Об этом сви-
детельствует в частности представленный

Таблица 1

**Общий коэффициент рождаемости
по странам Европы
(на 1000 человек населения)¹⁰.**

Страны	Родившиеся
Австрия	9,4
Албания	15,7 ^{1*}
Беларусь	9,1 ^{2**}
Бельгия	10,8
Болгария	8,7
Великобритания	11,8
Венгрия	9,3
Германия	8,6
Греция	9,5
Дания	12,0
Ирландия	15,7
Испания	10,5
Италия	9,4
Латвия	9,0
Литва	8,9
Люксембург	11,5
Македония	13,3
Молдова	10,6 ^{3**}
Нидерланды	12,4
Норвегия	12,4
Польша	9,2
Португалия	11,2
Румыния	9,8

Страны	Родившиеся
Словакия	9,7
Словения	8,7
Украина	9,0 ^{4**}
Финляндия	10,9
Франция	12,7
Чехия	9,2
Швейцария	9,8
Швеция	11,1
Эстония	9,8

* 2001 г.

** 2004 г.

на 2003 г. общий коэффициент рождаемос-
ти по 32-м странам зарубежной Европы.

На первый взгляд может показаться,
что никаких резких отклонений от нормы
в приводимой статистике не содержит-
ся. Но при дифференциации европейских
государств на монархические и респуб-
ликанские обнаруживается удивительная
закономерность. У всех без исключений
монархий Европы (8 государств) общий
коэффициент рождаемости превышает
уровень 10%. Из 25 республиканских стран
только 7 перекрывают данный показатель.
Среди них находятся Албания и Ирландия,
репродуктивный феномен которых так-
же связывается с фактором национальной
ориентированности. Конечно же, в совре-
менных конституционных монархиях Ев-
ропы венценосные особы обладают лишь
номинальной, во многом декоративной,
властью. Однако сам факт сохранения
традиционных политических институтов
выступает свидетельством о наличии неко-
торого традиционалистского потенциала.
Показательно, что, действуя даже в столь
ограниченном формате, европейская тра-
диция уже отражается на уровне репродук-
тивности¹¹.

Речь, естественно, не идет о призыве к
реставрации монархии в России. Но, вместе
с тем, прослеживаемая закономерность ак-

¹⁰ Здравоохранение в России. 2005. Статистический сборник. М., 2006. С. 40.

¹¹ Здравоохранение в России. 2005. С. 40.

туализирует задачу осмысления и нормативно-правового закрепления государственных традиций Российской Федерации.

Децивилизация: снижение демографических потенциалов русского народа в СССР

Выше рассматривались положительные примеры влияния на демографическую ситуацию фактора цивилизационной идентичности. Отражается ли на популяционной динамике процесс децивилизации государственной системы? Попытаемся ответить на этот вопрос, обратившись к демографическому опыту Советского Союза.

Пожалуй, наиболее острые формы выражения среди народов СССР приобрел тренд снижения репродуктивных функций у русского народа, являвшегося основным объектом советской идеологической нагрузки. Столетнее измерение демографической ситуации четко фиксирует тенденцию понижения потенциалов рождаемости у русского населения, в сравнении с другими, объединенными с ним в единое государство народами. Его государство-образующая роль в Российской империи отражалась наивысшими показателями рождаемости. Репродуктивность женщин православного исповедания была в ней в конце XIX в. почти в полтора раза выше, чем у мусульманок. Через полстолетие РСФСР, по статистике на 1940 г., занимала, при общем коэффициенте рождаемости в 33%, четвертое место среди союзных республик. Впереди нее по этому показателю находились Армянская, Казахская и Узбекская ССР. Показательно, что первая строчка принадлежала стране христианского культурного ареала — Армении, опровергая тем самым популярный тезис об исключительной репродуктивной ориентированности народов исламского мира. При истечении следующего полстолетия,

по данным на 1986 г., РСФСР, с общим коэффициентом рождаемости в 17,2%, опустилась уже на десятое место среди пятнадцати союзных республик. Для сравнения, находящийся на первой строчке Таджикистан имел в это же время показатель в 42%. При общем снижении уровня репродуктивности в Советском Союзе в трех из союзных республик — Таджикской ССР, Узбекской ССР и Туркменской ССР за обозначенные полстолетия он возрастал. Рождаемость у таджиков к концу советского периода была в опровержение теории демографического перехода заметно выше, чем у них же столетием ранее. Таким образом, высокий уровень репродуктивности в СССР удалось сохранить (а то и увеличить) лишь тем народам, которые за внешней советской идеологической маркировкой сумели сохранить приверженность этническим традициям. Детрадиционализация же русского народа затрагивала сами ментальные стороны его существования¹².

Желание иметь потомство у русских женщин к концу советской эпохи было подавлено в большей степени, чем у любой титульной национальности в союзных республиках. Репродуктивная ориентированность у них оказывалась даже ниже реального уровня рождаемости. По показателю ожидаемой численности детей русские прочно занимали последнюю строчку. Цифра в 1946 ожидаемых детей на тысячу опрошенных замужних женщин не обеспечивала бы, при соответствии ее с реальной динамики рождаемости, обычного воспроизводства. На предпоследнем месте по этому показателю находились близкие в культурном отношении украинки, предполагавшие иметь 2059 человек потомства, что уже, по меньшей мере, позволяло воспроизводить численный состав нации. Для сравнения, замужние туркменки (первое место) ожидали в это же время родить на тысячу женщин 6356 детей. Расхождения между ожидаемой и желаемой численностью потомства, как правило, согласно утверждению демографов, незначительны¹³.

¹² Иоффе Я.А. Мы и планета: цифры и факты. М., 1988. С. 132; Араловец Н.А. Городская семья в России 1897–1926 гг. С. 73; Население мира: демографический справочник. С. 32–48

¹³ Там же. С. 43–46

Очевидным в данной связи представляется вывод о необходимости принятия комплекса мер, направленных, прежде всего, на восстановление национальной идентичности численно преобладающего в РФ русского народа. Государствообразующая роль «русскости», как цивилизационного принципа России, должна получить нормативно-правовое выражение (во всяком случае, сняты препятствия для ее реализации). Учитывая тренд снижения демографического потенциала русских, в сравнении с представителями ряда других национальностей в СССР, необходимым представляется осуществление соответствующего административно-территориального реформирования.

Иммиграционный вызов национальной идентичности

Существуют ли собственно демографические вызовы национальной идентичности? Для современного мира таковым является массовая миграция.

В настоящее время рост населения обеспечивается за счет иммигрантов: в Европе — на 88%, в США — на 39%, в Австралии — на 50%. Тем не менее, ставка на миграцию в качестве внешнего средства воспроизводства популяции может иметь разрушительные последствия по отношению к демографическому потенциалу резидентов. Признание национальной идентичности значимым фактором демографии заставляет оценивать размывающую ее иммиграционную динамику, как отрицательную по отношению к ней категорию. Вернее даже говорить об эффективности иммиграции, в применении к показателю численности населения, в краткосрочной перспективе и ее негативном трендовом воздействии при макромасштабном рассмотрении. Еще в 1980-е гг. годовые темпы роста численности мигрантов в мировом измерении составили 2,6% — выше уровня естественного воспроизводства в любой из развитых стран Запада.

Иммиграционная волна, захлестнувшая современный западный мир, соотносится с его космополитизацией. Иммигрант особо

легко встраивается в глобализационную модель мироустройства, определенную Ж. Аттали под маркером «общество новых кочевников». Зачастую в современной печати используется афоризм о безнациональной «нации мигрантов». Ее размеры оцениваются численностью в 175 млн человек. Это в 3 раза больше, нежели включала населения в свой состав мировая миграционная популяция в 1950-е гг. В совокупности с эпизодической маятниковой миграцией, а также международным туризмом, она составляет 45,4 млн человек против 69 млн в 1960 г. Учитывая же вариативность статистики нелегалов, ее общая величина, и вовсе, измеряется численностью в 600—700 млн человек. Футурологи говорят о «новом переселении народов», эпатируя западного обывателя реанимацией картин гибели Римской империи от орд варваров. Для России, вышедшей в настоящее время на третье место в мире по привлечению иммигрантов после США и Германии, оценка миграционного компонента демографии особенно актуальна¹⁴.

Вызов для национальной идентичности, содержащийся в неуправляемой или слабоуправляемой миграции наглядно иллюстрируется на опыте Франции, привлечшей внимание к ней первоначально электоральными успехами движение Ле Пен, а затем парижскими погромами. После завершения Первой мировой войны французское государство в целях восполнения рабочей силы само инициировало процесс привлечения мигрантов, осуществляя активную вербовку трудовых кадров. В 1919 г. при населении в 39 млн человек, в стране проживало 1160 тыс. иммигрантов (3,6%). Уже тогда, при сравнительно низкой репродуктивности резидентов, прирост населения происходил во Франции главным образом за счет иммиграции. В 1931 г. из 40 млн, проживающих в стране человек, количество иммигрантов уже составляло 2,7 млн (7%). Однако в этот период среди них доминировали европейцы — итальянцы, поляки, испанцы и др., этнокультурные стандарты поведения которых не вступали в существенные противоречия с базовыми принципами французской национальной

¹⁴ Эмиграция и репатриация в России. М., 2001. С. 298—307.

идентичности. Выходцы из Северной Африки составляли тогда в общей миграционной массе лишь 28%.

Трансформация этнической составляющей французской иммиграции происходит уже после Второй мировой войны и хронологически совпадает с процессом распада колониальной системы. В 1960-е гг. Францию уже иронически именуют Магрибскими Соединенными Штатами. В настоящее время в стране проживает 5 млн иностранцев и 18 млн граждан не французского происхождения, составляющих суммарно 38,3% населения¹⁵. Этнические французы являются во Франции наименее репродуктивно активной частью популяции. Ощущение утраты национальной идентичности, психологического дискомфорта от разрушения этнокультурной среды существования обуславливает процесс демографической инволюции. По некоторым прогнозам, уже в 2015 г. во Франции из 100 новорожденных, 56 будут детьми иностранцев¹⁶.

Тенденция происходящей на фоне репродуктивного угасания утраты национальной идентичности резидентов обнаруживается и в других странах Запада. Доля иммигрантов в населении Западной Европы колеблется от 10 до 27%. В Испании коэффициент миграционного прироста, измеряемый по количеству мигрантов, приходящихся на 1000 человек населения страны, составляет 14,1%, в Италии — 10,6% (названные государства первенствуют в настоящее время по данному показателю). Не трудно провести расчет, указывающий, что при сохранении существующей динамики миграции уже в краткосрочной перспективе оба государства принципиально изменят свой этнический облик¹⁷.

Соединенные Штаты Америки, долгое время развивались и позиционировались как общность мигрантов, покуда в миграционном потоке преобладала близкая в этнокультурном отношении европейская составляющая. Знаменитый американс-

кий «плавильный этнический котел» мог успешно функционировать до тех пор, пока происходило преимущественное использование однородного материала. Как и во Франции, смена миграционного состава обострила в США проблему национальной идентичности. Каждый четвертый житель США идентифицирует себя в качестве «цветного». Несмотря на жесткое иммиграционное законодательство многие из неоамериканцев не знают английского языка (лингвистическая адаптированность иммигрантов в России в этом отношении несравненно выше)¹⁸.

Синдромом мигрантофобии оказался охвачен весь западный мир. Стремительное распространение он получил и среди российского населения. Согласно данным социологических опросов, приток мигрантов однозначно определяется россиянами в качестве главного фактора конфликтогенности в обществе. Фобии же, как известно, не только создают напряженность во взаимоотношениях с адресатами фобийных установок, но и разрушительным депрессивным образом действуют на психику их носителей¹⁹.

Проблема диссонанса иммиграционной волны и цивилизационных традиций является на настоящее время общепризнанной. Попытаемся теперь ответить на вопрос: существует ли связь между фактором национальной идентичности и эмиграцией?

Социологический анализ причин миграции показывает, что разрушение национальной идентичности является весомым обстоятельством миграционного оттока населения. Психологическое ощущение дискомфорта в быстро трансформирующейся этнокультурной среде подталкивает многих людей к решению мигрировать.

Каждый народ, вступающий в фазу индустриального общества, объективно проходит в своем развитии через этап миграционной лихорадки. Исторически он соотносится с эпохой модернизации. Раз-

¹⁵ Казинцев А. На что мы променяли СССР? Симулякр, или Стекольное царство. М., 2004. С. 28.

¹⁶ Дмитриев А.В. Миграция: конфликтное измерение. М., 2006. С. 165, 212–216.

¹⁷ Демографический ежегодник России. 2005: Статистический сборник. М., 2005. С. 592.

¹⁸ Шабает Ю.П., Садохин А.П. Этнополитология. М., 2005. С. 54; Дмитриев А.В. Миграция: конфликтное измерение. М., 2006. С. 223.

¹⁹ Дмитриев А.В. Миграция: конфликтное измерение. М., 2006. С. 266.

рушение сдерживающих общественную мобильность традиционных структур социальной организации катализирует резкий рост миграционной динамики. Некомплиментарность иммигрантов применительно к европейскому социокультурному контексту объясняется их неадаптированностью к новой для себя урбанизационной среде обитания. На всю серьезность проблемы миграционной абсорбции указывает ряд современных исторических исследований, объясняющих феномены русской революции адаптационным конфликтом переселившихся в город и пореформенный период бывших крестьян — общинников²⁰.

На настоящее время направленность миграционных потоков по-прежнему проходит по линии деревня — город (реже город-город и фактически никогда деревня — деревня), выйдя уже из формата внутригосударственных на уровень мирового демографического обмена. Европейские народы несколько раньше прошел ту самую миграционную ступень, на которой оказались теперь многие сообщества Востока. Запечатленные классической литературой типы европейских иммигрантов в Америке имеют много общего с портретом современных гастербайтеров.

Зеленый свет для трудовой миграции был дан еще в XIX столетии, когда одно за другими государства Европы провозглашали свободу выезда из страны: Англия в 1803 г., Бремен в 1832 г., Голландия в 1837 г., Бельгия в 1843 г., Франция в 1855 г. и т. д. До Первой мировой войны Великобританию и Германию покинуло по 6 млн человек. В эмиграции оказалось более половины населения Ирландии.

Специфика миграционного оттока из России и Австро-Венгрии определялась преимущественно этническим характером. В структуре российской эмиграции в США за период с 1899 г. по 1913 г. 41% эмигрантов составляли евреи, 29% поляки, 9% литовцы и латыши, 7% финны и эстонцы, 7% русские и 6% немцы²¹. Причем, подавляю-

щее большинство покинувших Россию русских являлись представители различных религиозных сект (вроде духоборов). Так, по данным за 1920 г., из 3750 проживающих в Лос-Анджелесе русских только 100 являлись православными, тогда как остальные самоидентифицировались в качестве адептов сектантских учений²². Отмеченная применительно к Российской империи закономерность выстраивания этнической парадигмы эмиграции реанимировалась и в позднесоветское время. Зародившаяся в конце 1960-х гг. новая миграционная волна зачастую определяется в литературе под маркером «еврейской эмиграции» из СССР.

В связи с высоким уровнем этноконфликтной напряженности в современном мире фактически константным компонентом миграционных потоков является эмиграция, обусловленная обострением межнациональных отношений, расовой или национальной дискриминацией. По данным выборочного обследования 1991 г. по странам СНГ, этот мотив явился определяющим по отношению к 22,6% эмигрантов, варьируясь по республикам от 1,4% в Беларуси до 47,9% в Азербайджане. Среди групп причин он уступает лишь миграции по семейным обстоятельствам — 27,9%. Для сравнения, традиционная мотивировка материальными обстоятельствами, к каковым сводились причины неустроенности быта и перемены места работы, давали, соответственно, 8,3% и 18,6%. Первое место среди причин миграционного выбора фактор обострения национальных отношений занимал в Азербайджане, Армении, Кыргызстане, Молдове, Таджикистане, Узбекистане²³.

Существуют ли механизмы адаптирования иммигрантов в условиях чужеродной по отношению к ним социокультурной среды?

В мировой государственно-управленческой практике известны три основные модели функционирования иммигрантских этноконфессиональных общностей: асси-

²⁰ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

²¹ Эмиграция и репатриация в России. М., 2001. С. 29–31.

²² Нитобург Э.Л. У истоков русской диаспоры в Америке // США: экономика, политика, идеология. 1996. № 7. С. 90–92.

²³ Страны — члены СНГ в 1991 г. Статистический ежегодник. М., 1992. С. 7.

миляция, сепарация и интеграция. Наиболее предпочтительным является последний из вариантов, предполагающий сохранение иммигрантами национально-культурной идентичности, при одновременном наделении их общности социальными и идеологическими функциями в рамках реализации задач принимающего иммиграционный поток государства. Длительная ставка в теории управляемой миграции на ассимиляционную стратегию себя не оправдала. Рецепт дисперсного, в противовес анклавного, расселения иммигрантов оказалась не реализуема на практике²⁴. Во Франции провал ассимиляционного курса обнаружился при попытке его осуществления в середине 1970-х гг.²⁵ Дисперсно расселяемые иммигранты, ощущая психологическую дискомфортность ввиду индивидуального адаптирования (воспринимаемого зачастую в качестве противостояния) к этнически чужеродной среде, все равно со временем группировались анклавами. Однако такие анклавные образования, в отличие от создаваемых изначально при регулирующем участии властей, выпадали из под государственного контроля. Синдром навязываемой этничности явился основой повышенной конфликтности иммигрантских масс²⁶.

Австралийский психолог Д. Краус обнаружил существование корреляционной зависимости размера групп иммигрантов с распространением шизофренических психозов в их среде. По мере уменьшения масштабов групповой идентификации процентное представительство лиц подверженных шизофрении имело тенденцию к резкому возрастанию. Статистика совершаемых иммигрантами самоубийств указывала, что 82% случаев суицида приходится на одиноких, находящихся вне пределов анклавного расселения людей²⁷.

Антрополог К. Оберг характеризовал доминирующее психическое состояние

иммигранта понятием «культурный шок»²⁸. Репродуцирование собственной этнокультурной среды являлось нивелирующим фактором иммиграционной адаптации. Данными обстоятельствами, вероятно, следует объяснять повышенную репродуктивность иммигрантов, прослеживаемую применительно к различным регионам и этническим группам. Русские, оказавшись на чужбине, также отличаются более высоким уровнем семейственности и многодетности, нежели их соплеменники в России. Суммарный коэффициент рождаемости у французских арабов несколько выше аналогичных показателей у арабских жителей Магриба²⁹. Очевидно, что рождение детей расширяет границы групповой идентификации иммигранта и повышает его стрессовую устойчивость. Уместна в этой связи и апелляция к традиционно высокой многодетности цыган, противоречащей, казалось бы, на первый взгляд, их пребыванию в этнически некомплементарной, вызывающей психический дискомфорт чужеродной среде.

Репродуктивное превосходство над резидентами может быть определено в качестве одной из базовых закономерностей миграционной динамики. Однако по другому демографическому показателю — продолжительности жизни обнаруживается прямо противоположная тенденция. В среднем иммигранты умирают значительно раньше резидентов. Вероятно, характерное для иммигрантской психоментальности устойчивое стрессорное состояние, действуя по положительной шкале координат в отношении рождаемости, отрицательно сказывается на показателях смертности и продолжительности жизни³⁰.

Демографическая специфика иммиграционных страт общества обуславливает необходимость применения по отношению к ним особой управленческой модели. Долж-

²⁴ Дмитриев А.В. Миграция: конфликтное измерение. М., 2006. С. 71.

²⁵ Там же. С. 215.

²⁶ Эмиграция и репатриация в России. М., 2001. С. 163.

²⁷ Фрейнкман-Хрусталева Н., Новиков А. Эмиграция и эмигранты. СПб., 1995. С. 143.

²⁸ Furnham A., Bochner S. Culture Shock: Psychological reactions to unfamiliar environments. L. — N.Y. 1986.

²⁹ Казинцев А. На что мы променяли СССР? Симулякр, или Стекольное царство. М., 2004. С. 28.

³⁰ Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993.

на быть создана нормативно-правовая база для управляемости миграционными процессами и соотношения их с принципами цивилизационной идентичности государства.

Этноконфессиональные границы демографического кризиса в России

Демографический кризис в России, как уже указывалось выше (См. разделы 2.3–2.4), носит этнически избирательный характер. Существуют ли в действительности этноконфессиональные границы российской депопуляции? Попытаемся ответить на этот вопрос путем сопоставления основных демографических показателей в национально-территориальных образованиях с ненациональными (т. е. русскими) субъектами РФ.

Динамика естественного воспроизводства

Национально-территориальные образования обладают значительно более высоким демографическим потенциалом, нежели краевые и областные территории России. Только 18 субъектов РФ имеют положительную динамику в соотношении рождаемости и смертности. Характерно, что среди них — лишь одна область (Тюменская), а остальные 17 — национально-территориальные образования. Большинство из последних находится при этом на дотационном положении. Даже столь ограниченное использование национального формата, как национально-территориальные образования РФ, уже оказывает опосредованное влияние на улучшение демографической ситуации³¹. Следует предположить, что к аналогичным последствиям могла бы привести и соответствующая идейная переориентация на национальные рельсы российского государства в целом.

Рождаемость

Соотношение статистических показателей переписей 1989 и 2002 гг. обнаруживает

резкий контраст репродуктивной динамики по отношению к различным национальностям РФ. Демографический кризис России удивительным образом совпадает с этноконфессиональными параметрами. Отнюдь не все из российских народов подпали под крест пересечения кривых рождаемости и смертности. При общем сокращении населения до уровня в 98,7% по отношению к показателям 1989 г., численность русских понизилась до 96,7%, т. е. шла с двухпроцентным опережением среднестатистических кризисных характеристик. Демографы же утверждают, что динамика демографического кризиса русского народа могла оказаться и более регрессирующей, если бы в качестве русских в переписи 2002 г. не было учтено значительное число представителей иных этнических групп (прежде всего украинцев), некоторые из которых даже не владели языком идентифицируемой национальности. Убыль населения наблюдается не только у русских, но и у всех прочих народов России (за исключением осетин), принадлежащих к православному культурному ареалу. Для карелов, коми, удмуртов, мордвы и других российских этносов, традиционно придерживавшихся православия, последствия демографической катастрофы оказались еще значительней, чем у русских. Более высокие урбанизационные показатели последних не явились в данном случае определяющим фактором. В то же время у всех без исключения мусульманских и буддистских народов России отмечался численный рост. Демографический кризис, изоморфный каким-либо образом феномену русского креста, их попросту миновал. В ракурсе пафосных обличений военных действий федеральных властей в Чечне не раз в средствах массовой информации говорилось о геноциде чеченского народа. Вопреки данному посылу, статистика свидетельствует о возрастании численности чеченцев в России за межпереписной период в 1,5 раз. Количество ингушей за тот же временной отрезок возросло и вовсе в 1,9 раз. Могут возразить, что мусульманские и буддистские народы России связаны, в отличие от русских, не с индустриально-урбанисти-

³¹ Демографический ежегодник России. 2005: Статистический сборник. М., 2005. С. 75–85.

ческой, а аграрно-сельской общественной инфраструктурой, а потому и сравнение с ними не представляется корректным. Однако, сопоставив демографические характеристики русского народа с обладающими сходными квалификационными потенциалами татарами и башкирами, обнаружим ту же тенденцию — увеличения (пусть и не столь стремительного, как у ингушей) численности мусульманских этносов, особо контрастно проявляющегося на фоне регрессирующих репродуктивных показателей соседствующих с ними в Поволжье и на Урале православных народов³².

Другим возражением может стать указание на преимущественно южные региональные рамки активного репродуктивного поведения населения. Специфика климата юга России определяет меньший объем потребительской корзины, а, соответственно, снижает уровень материальной зависимости многодетных семей. Однако, рождаемость среди русских женщин, проживающих в национальных республиках южнороссийской периферии оказывается, опять-таки, ниже, чем у представительниц автохтонных наций мусульманского или буддистского исповедания. Характерно, что она заметно повышается в случае замужества русской на представителе иноконфессиональной этнической общности. Вопреки предположению о прямой климатологической зависимости репродуктивного поведения, существенный рост численности населения в постсоветский период наблюдается у языческих народов Дальнего Востока, Сибири и Севера. Тяжелые природные условия не стали для них принципиальным препятствием для многодетности. За межпереписной период численность манси возросла на 44,6%, хантов — на 30%, ительментов — на четверть и т. д. Причины такого возрастания заключаются не только в том, что принадлежность к коренным малочисленным народам предоставляет определенные преференции, ввиду чего некоторые этнические русские предпочитают записываться автохтонами. Более важным фактором демографической динамики у указанных на-

родов является характерная для языческих поведенческих стереотипов, базирующихся на аксиологии рода, высокая поведенческая ориентированность. Средняя рождаемость у ненцев превышает отметку в три ребенка, фиксируя в этом отношении один из самых высоких показателей среди народов России (среди титульных народов РФ только чеченцы и ингуши имеют столь же высокие цифры репродуктивности). В диапазоне от 2,5 до 3 детей находится репродуктивная динамика долган, хантов, чукчей, эвенков и др. Показатели рождаемости и мусульманских, буддистских и языческих народов России соотносятся, таким образом, с единым для них типом демографического воспроизводства³³.

В тоже время, репродуктивное поведение у еврейских семей оказывается даже менее активным, чем у христианских. Уровень рождаемости у евреев является наихудшим среди всех народов России. И это при том, что, еще в XIX в., показатели рождаемости у них были одними из самых высоких, опережая, к примеру, соответствующую демографическую статистику у многих мусульманских народов. Сравнительно высокая рождаемость, в применении к эталонам западных стран, существует и в Израиле (общий коэффициент рождаемости — 21,7%, явно диссонируясь с характером репродуктивного поведения современных российских евреев. Следует предположить, что столь очевидные демографические различия определяются, прежде всего, статусом религии в системе общественных ценностей еврейского населения. Иудаизм, как известно, сакрализует многодетность и ориентирует адептов на активное воспроизводство. Распад замкнутой системы еврейских религиозных общин и десекуляризация жизни евреев в СССР (феномен безрелигиозного, секулярного еврейства) незамедлительно привели к демографической инверсии. Напротив, закрепление особого статуса иудаизма в Израиле коррелируется с сохранением сравнительно высокой рождаемости у ортодоксальных израильских евреев. Характерно, что у более молодой генерации еврейских жен-

³² http://www.gks.ru/free_doc/2005/d_05_13/04-11.

³³ Рождаемость. Итоги Всероссийской переписи населения 2002. М., 2005. Т. 12.

щин, в сравнении с поколениями ментально сформировавшимися в советский период, показатели репродуктивной ориентации несколько возрастают, будучи соотнесены с некоторой реанимацией роли иудейского религиозного воспитания.

Возможно, таким образом, предположить, что и у народов православного культурного ареала низкая репродуктивная активность определена, прежде всего, разрывом с традиционной системой ценностей. Следует ли говорить, что именно православие являлось основой мишенью атеистической пропаганды в СССР. Тем же этносам России, которые сохранили преимущество религиозной традиции (мусульмане, буддисты, язычники) демографического кризиса удалось избежать³⁴.

Существующие в настоящее время различия по уровню рождаемости между национально-территориальными образованиями, с одной стороны, и русскими регионами, с другой, имеют характер репродуктивного разрыва. Устойчивая статистическая дифференциация между ними позволяет вообще говорить о двух демографических реальностях в рамках одного государства. По общему коэффициенту рождаемости национально-территориальные образования занимают 16 первых мест среди субъектов Федерации. Только на 17-й строчке находится лучший из русских регионов — Читинская обл. Усредненный общий коэффициент краев и областей — 10,1, тогда как у национально-территориальных образований — 13,6. Высокая репродуктивность в национальных республиках не является исключительно результатом действия мусульманских мировоззренческих установок, как это зачастую преподносится в СМИ. Действительно, на первом месте среди субъектов РФ с общим коэффициентом рождаемости 25,2, идет исламизированная Чеченская республика. Но зато на последующих четырех местах находятся национально-территориальные образования, не принадлежащие к мусульманскому

культурному ареалу. (Тыва, Алтай, Агинский Бурятский автономный округ). Вопреки сложившемуся стереотипу, мусульмане по показателям рождаемости даже не первенствуют в России, существенно в среднестатистическом выражении российским буддистам. Если в регионах традиционного распространения ислама усредненный между ними общий коэффициент репродуктивности равен 13,7, то в национально-территориальных образованиях, соотносимых с распространением буддизма, — 15,9³⁵.

Смертность

Очевидность существования определенной закономерности зависимости демографических процессов от фактора национальной ориентированности процессов управленческих структур обнаруживается при анализе статистики смертности по регионам Российской Федерации. К этому выводу приводит расстановка субъектов РФ по местам, применительно к искомому демографическому параметру. Первые позиции, с наименьшими коэффициентами смертности по любому из классов их причин неизменно занимают национально-территориальные образования. С другой стороны, и последние места по ряду критериев (хотя не по всем, как в лидирующей группе) оказываются заняты национальными субъектами РФ. Следует при этом учитывать, что национально-территориальных образований в России, почти в два раза меньше совокупной численности краев и областей, что исключает вероятность случайности в данной статистической последовательности³⁶. Национальный фактор оказывается, таким образом, весьма действенным управленческим средством, которое может быть направлено как в сторону усиления демографического потенциала общества, так и его разрушения в случаях выбора неадекватных стратегических ориентиров.

³⁴ Социальные положение и уровень жизни населения России 2005. Статистический сборник. М., 2005. С. 491; Пилкингтон С.М. Иудаизм. М., 1998. С. 179–203.

³⁵ Демографический ежегодник России. 2005: Статистический сборник. М., 2005. С. 75–85.

³⁶ Демографический ежегодник России. 2005: Статистический сборник. М., 2005. С. 357–365.

Таблица 2

Смертность по классам причин по регионам России (первые места)

Класс причин смертности	1 место, коэффициент, %	2 место, коэффициент, %	3 место, коэффициент, %	4 место, коэффициент, %	5 место, коэффициент, %
Инфекционные и паразитарные болезни	Чукотский а. о. — 2,0	Агинский-Бурятский а. о. — 8,2	Орловская обл. — 9,1	Чечня — 9,6	Белгородская обл. — 10,5
Новообразования	Ингушетия — 47,8	Чечня — 55,8	Ямало-Ненецкий а. о. — 69,5	Дагестан — 70,2	Ненецкий а. о. — 140,8
Болезни системы кровообращения	Ингушетия — 176,5	Ямало-Ненецкий а. о. — 207,8	Дагестан — 280,6	Ханты-Мансийский а. о. — 285,7	Чечня — 317
Болезни органов дыхания	Ингушетия — 14,4	Ненецкий а. о. — 16,7	Долгано-Ненецкий а. о. — 20,3	Ханты-Мансийский а. о. — 21	Чечня — 21,5
Болезни органов пищеварения	Ингушетия — 14,6	Чечня — 15,3	Ненецкий а. о. — 18,1	Дагестан — 22,7	Ямало-Ненецкий а. о. — 25,7
Внешние причины смерти	Ингушетия — 44,7	Дагестан — 58,6	Чечня — 68,5	Кабардино-Балкария — 90	Москва — 107,8

Таблица 3

Смертность по классам причин по регионам России (последние места)

Класс причин смертности	89 место, коэффициент, %	88 место, коэффициент, %	87 место, коэффициент, %	86 место, коэффициент, %	85 место, коэффициент, %
Инфекционные и паразитарные болезни	Корякский а. о. — 91,3	Еврейская а. обл. — 70,3	Приморский край — 1	Кемеровская обл. — 49,8	Калининградская обл. — 49,6
Новообразования	Санкт-Петербург — 273,9	Тульская обл. — 258,1	Московская обл. — 252,9	Рязанская обл. — 244,8	Калужская обл. — 238,5
Болезни системы кровообращения	Псковская обл. — 1510	Тверская обл. — 1474,5	Новгородская обл. — 1390,1	Ивановская обл. — 1354	Курская обл. — 1279
Болезни органов дыхания	Марий Эл — 135,4	Чувашия — 133,6	Читинская обл. — 122	Усть-Ордынский Бурятский а. о. — 113,1	Тульская обл. — 111,4
Болезни органов пищеварения	Вологодская обл. — 119,1	Коми-Пермяцкий а. о. — 95,8	Корякский а. о. — 87,2	Калининградская обл. — 86,5	Хабаровский край — 84,3
Внешние причины смерти	Коми-Пермяцкий а. о. — 627,3	Корякский а. о. — 481,4	Тыва — 471,9	Читинская обл. — 406	Алтай — 394,5

Безусловным лидером среди субъектов РФ по показателю жизнеустойчивости населения является Ингушетия, не отличающаяся, как известно, экономико-финансовым преуспеванием. На основании выше приведенной таблицы следует заключить, что материальные условия не имеют определяющего значения не только в от-

ношении репродуктивности, но и низкой смертности, относимой в теории демографической модернизации к признакам экономических развитых постиндустриальных обществ. Традиционно такие классы причин смертности, как инфекционные и паразитарные болезни и, в несколько меньшей степени пищеварения, относятся

к индикаторам бедности. Однако в России именно бедные регионы являются в этом отношении наиболее благополучными. Еще более значимым признаком социального неблагоустройства преподносится в демографии рост внешней смертности. Однако и здесь, среди российских регионов лидируют национальные республики, характеризующиеся особо тяжелым положением в социальной сфере. Удивительно, на первый взгляд, что по каждому из классов причин смертности среди пяти наиболее преуспевающих субъектов Федерации находится Чечня, прошедшая через горнило масштабных военных действий. Чеченский феномен подтверждает выдвинутый ранее тезис о том, что в периоды войн, с ростом консолидационных процессов воюющих наций, возрастают их демографические потенциалы (реализуемые уже, как правило, в послевоенные периоды). Объяснение данной закономерности не исчерпывается компенсаторской репродуктивностью, на которую ссылаются сторонники теории демографической модернизации. Интенсивная рождаемость в Чечне сочетается с низкой смертностью и высоким уровнем продолжительности жизни, т.е. показателями, не имеющими отношения к механизму компенсации.

Продолжительность жизни

Одним из базовых стереотипов теории демографического перехода является утверждение о несовместимости длительной продолжительности жизни, с одной стороны, с низким уровнем экономического развития и высокими показателями рождаемости, с другой. Однако для его статистического опровержения достаточно привлечения российского регионального материала. На первом месте среди субъектов РФ по показателю ожидаемой продолжительности жизни идет Ингушетия (первенствующая одновременно и по критерию рождаемости) — 75,92, на втором — Дагестан — 72,70, на третьем — Чечня (и это при том, что Чеченская республика долгое время находилась в зоне боевых действий) — 71,30. Все перечисленные административные регионы, в противоречие с теорией демографического перехода, являются до-

тационными и высокорепродуктивными. Характерно, что они также относятся к национально-территориальным образованиям. Соотносимость современного жизненного уклада населения северокавказских республик с национальными традициями оказывается более весомым обстоятельством для демографии, нежели их экономическое развитие. Преуспевающая в плане личных доходов населения Москва находится в реестре продолжительности жизни среди субъектов РФ только на четвертой позиции — 70,77. Помимо столицы, в первой десятке находится лишь одна область — Белгородская — 68,17, тогда как остальные места занимают опять-таки национально-территориальные образования: Кабардино-Балкария — 69,80, Карачаево-Черкессия — 69,54, Осетия — 68,42, Ханты-Мансийский автономный округ — 68,15, Ямало-Ненецкий автономный округ — 67,87. Санкт-Петербург в этом списке занимает лишь 15 строчку, пропустив вперед себя из национальных субъектов также Адыгею и Татарстан. Вместе с тем, худшие в России показатели по продолжительности жизни также занимают национально-территориальные образования. По данным 2004 г. на последнем месте находился Корякский автономный округ — 53,07, предпоследнем Тыва — 56,49, третьем снизу — Коми-Пермяцкий автономный округ — 56,70. Из десяти наихудших по критерию ожидаемой продолжительности жизни субъектов РФ 8 мест занимают национально-территориальные образования, что абсолютно симметрично с их пропорциональным представительством в десятке наилучших. Очевидно, что в национальных сферах общественной жизни и следует искать разгадку проблемы. Те из народов, которые сумели адаптировать свои традиции применительно к процессу модернизации, сохранив при этом национальную идентичность, имеют на настоящее время сравнительно высокую популяционную устойчивость. Другие же, будучи замкнуты в формате традиционного уклада и оказавшиеся новационно невосприимчивы, при столкновении с модернизационными вызовами очутились в ситуации буквального этнического вымирания. Депопуляция североамериканских

и австралийских аборигенов явилась в этом отношении прообразом современной демографической катастрофы ряда коренных российских народов Сибири и Севера³⁷.

Брачность

О репродуктивном потенциале той или иной общности частично свидетельствует имеющаяся в ней интенсивность заключения брачных союзов. Нормальный брак в традиционном его понимании, ориентирован на деторождение, а потому может рассцениваться как индикатор репродуктивной перспективы (естественно ограничиваясь в данном случае лишь прогнозированием числа первородных детей). Наиболее перспективными в этом отношении среди субъектов РФ вновь оказываются национально-территориальные образования. По численности браков, приходящихся в год на тысячу человека населения, они целиком занимают все пять первых мест общероссийской статистики: Чечня — 9,9%, Чукотский автономный округ — 9,5%, Ямало-Ненецкий автономный округ — 8,6%, Алтай — 8,4%, Ханты-Мансийский автономный округ — 8,4%. Только на шестой позиции находится лучшая по учитываемому показателю из российских областей Тюменская — 8%. Для сравнения в ненациональных субъектах РФ усредненный между ними показатель брачности составляет 6,8%. При этом на Дальнем Востоке он заметно выше, чем в областях центральной России, являющихся исторической колыбелью русской нации³⁸.

Разводы

Еще более разительными выглядят различия между русским народом и национальными меньшинствами РФ по показателю разводимости супружеских пар. Непрочность семейных уз в современном мире выступает одним из весомых факторов репродуктивного угасания. Вероятность развода является обстоятельством, удерживающим семьи от многодетности. Не случайно, в странах когда-то многодет-

ной католической Европы тренд репродуктивного угасания фактически совпал с юридическим признанием бракоразводной процедуры. Степень кризиса русской семьи отражает тот факт, что по статистике числа разводов, приходящихся ежегодно на 1000 человек населения, национально-территориальные образования занимают первые 16 мест. Лидирует по обозначенному критерию Чечня — 0,3%, за ней следуют Ингушетия — 0,4% и Дагестан — 1,2%. И дело здесь, очевидно, не только в исламе, характеризующим в сравнении с другими традиционными религиями довольно толерантным отношением к разводам. Сравнительно низкие показатели разводимости имеют, например, преимущественно православные Коми-Пермяцкий автономный округ (4-е место) — 1,5% и Осетия (7-е место) — 2,4%. Относительно благополучия ситуация сохраняется также в национально-территориальных образованиях буддистского культурного ареала, общий усредненный коэффициент разводимости в которых находится на уровне отметки 2,8%. Для сравнения, в лучшей по минимизации разводов среди русских административных единиц области — Пермской соответствующий показатель составляет 3,6%. Особенно наглядно различия в устойчивости семейных уз русских и инонациональных регионов России проявляется при сравнении соседствующих субъектов. Без учета фактора национальной ориентированности невозможно будет объяснить почему, к примеру, общий коэффициент разводимости в Татарстане — 3,4%, а в Самарской области — 4,8%, в Калмыкии — 3,5%, а в Астраханской области — 4,4%, в Тыве — 1,8%, а в Иркутской области — 4,6% и т. д.³⁹

Традиционный тип семьи

Существование национально-ориентированного государства создает благоприятную почву для укрепления консервативных семейных ценностей. Семья становится в подлинном смысле ячейкой общества, когда положенные в ее основу ценностные

³⁷ Демографический ежегодник России. 2005: Статистический сборник. М., 2005. С. 121–132.

³⁸ Там же. С. 149–157.

³⁹ Демографический ежегодник России. 2005: Статистический сборник. М., 2005. С. 149–157.

ориентиры являются также идеологическими ориентирами соответствующей государственности. Глобализационный тренд тотальной нуклеаризации семьи оказывается менее выражен в сообществах (главным образом Востока), придерживающихся принципов сохранения цивилизационной идентичности. Действенной реальностью для них остаются родо-племенные, клановые, общинные и большесемейные структуры. Характерно, что и в Российской Федерации институт большой патерналистской семьи удалось сохранить, прежде всего, на национальной периферии. Статистические показатели численного состава домохозяйств РФ составляет 2,6 человек, тогда как в национально-территориальных образованиях — 3,1 человек. Безусловно лидирует по этой статистике Ингушетия, средний размер семьи в которой — 7,1 человек (для сравнения, в Москве — лишь 2,7 человек). Краев и областей нет даже в десятке наиболее семейственных российских регионов. Статистика по численности домохозяйств опровергает также стереотип о том, что существование родо-семейных институтов может ограничиваться лишь сельской местностью и неприемлемо для условий городов. К примеру, в Чечне городские семьи в среднестатистическом выражении (5,6 человек) даже превышают сельские (5,4 человек). Такая же диспропорция в пользу городов прослеживается и в ряде преимущественно русских по этническому составу субъектах РФ — Владимирской, Калужской, Белгородской областях, что отвергает возможные в качестве возражений ссылки на специфику кавказской городской инфраструктуры⁴⁰.

Аборты

Несмотря на тенденцию стремительного сокращения случаев искусственного прерывания беременности, Россия, по-прежнему, является страной, в которой число абортов, превышает число рождений (122 аборта на 100 человек родившихся). Однако, абортная статистика в настоящее время, ввиду ее контрацептивного предупреждающего

замещения, не является надежным мериллом нереализованного репродуктивного потенциала. Именно распространением средств контрацепции объясняется, в частности, наличие весьма низкого общего коэффициента искусственного прерывания беременности в Москве — 19%, при его стремительном росте по мере удаления в глубь провинции. В этом отношении ситуация оказывается крайне неблагоприятной почти по всем субъектам РФ, без разграничения национально-территориальных образований с краями и областями. Наихудшая статистика по общему коэффициенту абортной практики в 2004 г. в Корякском автономной округе — 76%. Однако на демографической карте России все-таки обнаруживается три национальных республики, аборты в которых не получили столь же массового распространения, как и в других субъектах Федерации. Все они относятся к одной региональной традиции — Чечня (практика искусственного прерывания беременности находится фактически на нулевом уровне), Ингушетия (общий коэффициент — 8%) и Дагестан (общий коэффициент — 16%). Причем, остановить процесс абортизации в них удалось не с помощью контрацептивного замещения, как в Москве, а в результате определяемых мусульманской культурой мировоззренческих установок табу. Опыт северокавказских республик опровергает тезис демографических пессимистов, что будто бы вести борьбу с абортами посредством каких-либо управленческих мер бесперспективно⁴¹.

Иммиграция

Актуализирующийся для России конфликтный вопрос иммиграции в значительно меньшей степени затронул ее национально-территориальные образования. Приток мигрантов в них был в целом на порядок ниже, чем в русских регионах. В целях нивелировки экономических условий миграционной привлекательности, следует привести сравнение масштабов иммиграции в субъектах РФ внутри существующих федеральных округов.

⁴⁰ Демографический ежегодник России. 2005: Стат. сб. М., 2005. С. 164–177.

⁴¹ Демографический ежегодник России. 2005: Статистический сборник. М., 2005. С. 249–251.

Центральный федеральный округ (18 субъектов) — наивысшие показатели иммиграционного притока — национально-территориальные образования отсутствуют.

Северо-Западный федеральный округ (11 субъектов): Ненецкий автономный округ — 11-е место.

Южный федеральный округ (13 субъектов): Осетия — 5-е место; Адыгея — 7-е место; Дагестан — 8-е место; Карачаево-Черкессия — 9-е место; Кабардино-Балкария — 10-е место; Ингушетия — 11-е место; Калмыкия и Чечня — 12-е и 13-е места.

Приволжский федеральный округ (15 субъектов): Татарстан — 4-е место; Башкортостан — 5-е место; Чувашия — 10-е место; Удмуртия — 11-е место; Марий Эл — 13-е место; Мордовия — 14 место; Коми-Пермяцкий а.о. — 15-е место.

Уральский федеральный округ (6 субъектов): Ханты-Мансийский а.о. — 4-е место; Ямало-ненецкий а.о. — 5-е место.

Сибирский федеральный округ (16 субъектов): Хакасия — 8-е место; Алтай — 10-е место; Бурятия — 11-е место; Долгано-Ненецкий а.о. — 12-е место; Эвенкийский а.о. — 13-е место; Тыва — 14-е место; Агинский Бурятский а.о. — 15-е место; Усть-Ордынский Бурятский а.о. — 16-е место.

Дальневосточный федеральный округ (10 субъектов): Саха (Якутия) — 1-е место; Еврейская а. обл. — 6-е место; Чукотский а.о. — 9-е место; Корякский а.о. — 10-е место.

Из приведенного перечня видно, что, как правило, за редким исключением, национально-территориальные образования занимают в соответствующих федеральных округах последние места по притоку иммигрантов. Очевидно, сдерживающими иммиграционную волну факторами являются: во-первых, следование национальным традициям, к которым иммигранты далеко не всегда готовы адаптироваться, и, во-вторых, национально ориентированная кадровая политика, осложняющая для приезжих проблему трудоустройства. При этом национально-территориальным образованиям иммиграционное отторжение также свидетельствует о собственном демографическом потенциале⁴².

Общий вывод, который следует из статистического сопоставления национально-территориальных образований с краями и областями заключается в безусловном превосходстве первых по каждому из основных демографических параметров. Именно действием фактора национальной идентичности и обуславливаются их преимущества. Следовательно, для преодоления кризиса депопуляции и выравнивания демографических потенциалов регионов России необходимо и по отношению к русскому народу обеспечить соответствующее факторное основание. Ввиду абсолютного численного доминирования русских в Российской Федерации это может быть достигнуто лишь в общегосударственном масштабе. Концептом стратегического решения должно стать конструирование системы обеспечивающей национальную ориентированность российской государственности. Применительно к России национальная идентичность будет подразумевать ее русскую цивилизационную идентификацию. В нормативно-правовом отношении это подразумевает пакетное принятие целого комплекса законов и поправок в существующее законодательство — «О государственном языке», «О предотвращении дискриминации по признакам национальности, религии, расы, языка и пола», «О национально-культурной автономии в РФ», «О гражданстве Российской Федерации», «О миграции», «О репатриации в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом».

⁴² Демографический ежегодник России. 2005: Статистический сборник. М., 2005. С. 482–484.

Демоскопия вместо демографии: к вопросу о корректности научной полемики

В.Э. Багдасарян

*Ответ на статью
«Чтобы повысить
рождаемость, нам ну-
жен новый Сталинг-
рад», опубликованную
в журнале «Демоскоп
weekly» №269–270
(11–31 декабря 2006 г.)*

Наука демографии известна еще с XIX в., с того самого момента, когда в 1855 г. французский ученый А. Гийяр опубликовал свой труд «Элементы статистики человека, или Сравнительная демография». Но вот, по прошествии полстолетия ее существования, раскрученный на волне либеральной ценностной ревизии демограф Анатолий Григорьевич Вишневский изобрел новую науку «демоскопию». Рупором провозглашения новой научной парадигмы выступил электронный сетевой еженедельник «Демоскоп Weekly». В чем же видится принципиальное отличие демоскопии от демографии?

Структура научного знания, как известно, выстраивается на эмпирическом и теоретическом уровнях. Теория есть своеобразный венец научного восхождения. Однако реминисценция о советском идеологизированном прошлом породила у отечественных либералов настоящую теориофобию. Проявлением общей тенденции деконцептуализации наук и явилось появление феномена «Демоскопа». Сутью методологической инновации стало рассмотрение процессов воспроизводства населения через призму своеобразного демографического микроскопа. «Графо» — описание подменяется «скопией» — наблюдением. Не отрицая в принципе методики наблюдения, необходимо отметить, что она является наиболее упрощенным приемом познания. Взятие его за основу отражает редукцию всего познавательного процесса. Нельзя при помощи микроскопа (даже имеющего маркер USA) адекватно воспринять не только глобальное явление, но и среднemasштабное. При игнорировании его ограниченности может сложиться деформированное видение всего рассматриваемого предмета, оцениваемого лишь по какому-либо его сегменту. Пример такого рода деформации дает «Демоскоп Weekly», представляющий частный случай старения и репродуктивного угасания европейских наций в качестве универсального мирового тренда. Нельзя через оптику микроскопа постичь нечто большее, нежели материальный субстрат бытия. Этим объясняется почти патологическая нелюбовь «Демоскоп Weekly» к любого рода разговорам об идейно-ценностных основаниях демографических процессов. Нельзя, наконец, используя методику демоскопии осмыслить

все величие исторического опыта России. Когда же попытки такого осмысления все-таки предпринимаются, получается пасквиль вроде монографии «Серп и рубль» за авторством создателя «Демоскопа».

Сообразно с появлением новой науки, образуется соответствующая ей научно-профессиональная номинация. Вместо демографов на научную авансцену выходят демоскопы. Их ценностные установки более чем очевидны. Хотя «Демоскоп Weekly» дистанцируется на словах от любой идеологии, ее идеологическая ангажированность видна невооруженным глазом. Для этого даже не надо линз микроскопа. Достаточно посмотреть на список спонсоров еженедельника, среди которых в разное время значились Фонд Сороса, Фонд Д.Д. и К.Т. Макаруров, Фонд ООН по народонаселению и т. п. Демоскопы представляют собой особую породу демографов. Неoliberalная парадигма демоскопии превалирует в ней над собственно научной демографической составляющей.

С соответствующим «концептуальным» и «ценностным» багажом «Демоскоп Weekly» подошел к рецензированию книги С.С. Сулакшина «Российский демографический кризис: от диагностики к преодолению», выпущенной в виде развернутой версии доклада на конференции «Демографический кризис и национальная идентичность России» и имевшую презентационный характер по отношению к соответствующему исследованию, проведенному Центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Кстати, к участию в конференции приглашался и А.Г. Вишневский, но от лобовой дискуссии многоуважаемый академик РАН отказался. Может быть, уровень (число) академиков и (число) член-корреспондентов РАН, а также (число) ученых, представляющих различные направления научного познания, включая классических демографов, показался ему недостаточным. Указанная рецензия, вышедшая в № 269–270 еженедельника от 11–31 декабря 2006 г. заслу-

живает особого внимания как наглядная иллюстрация характера научных методик, используемых в демоскопии.

Подвергнутая демоскопической обструкции книга представляла для экспертной апробации участников конференции ряд принципиально новых для демографии концептов: введение единого критерия демографического состояния — коэффициента витальности; четырехфакторную модель объяснения природы демографических процессов; методику оцифровки слабоформализуемых факторов нематериального свойства и др. Весь этот идейный пласт базировался на развернутой системе математических расчетов. Многофакторный корреляционный анализ составил лейтмотив представленных исследовательских результатов. Ни словом обо всех этих находках и новациях «Демоскоп Weekly» не обмолвился. Концептуальное содержание книги осталось вообще вне рассмотрения претендующего, казалось бы, на научную респектабельность издания. Впрочем, какой-то злой умысел в этом, имея в виду, что создателю еженедельника уже перевалило за 70, возможно и отсутствует.

Не желая вступать в диспут на концептуальном поле, «Демоскоп Weekly» избрал тактику дезавуирования частностей. Вернее даже, был взят всего один, вырванный из контекста книги фрагмент, который и подвергся акцентированной критике демоскопов. Вот его содержание: «Вспомним потрясающие исторические примеры. 1943 г. — жесточайшая война в разгаре, нет семьи, которую бы не затронули потери и горе, сверхлишения и напряжение. И вдруг скачок рождаемости! В чем причина? Сталинград дал надежду и уверенность, что победим, что можно быть за будущее детей спокойным в определенном отношении. И без жилья, которое в стране есть сейчас, без одежды, авто, телевизоров и прочих предметов сегодняшнего материального благополучия рождаемость повысилась. Это сработал тот самый идейно-духовный и социо-психологический фактор»¹. Характерно, что в цитате «Демоскоп Weekly» пос-

¹ Сулакшин С.С. Российский демографический кризис: от диагностики к преодолению. М., 2006. С. 71.

леднее предложение, завершающее абзац, не приводилось. Такое выборочное, противоречащее принципам научной этики, цитирование не случайно. Очевидно желание рецензента вульгаризировать тезис автора, представить дело так, будто бы Сулакшин пытался утверждать о вызванной Сталинградом единовременном взлете рождаемости, тогда как речь шла о сложной факторной связи победы, через подъем идейно-духовного состояния общества, с репродуктивным откликом в последующей временной перспективе.

Весь эмоциональный запал «Демоскоп Weekly», с острой иронией о неизвестности ему случаев непорочного зачатия у русских женщин (аргумент достойный академика РАЕН), направил на доказательство того очевидного положения, что во время войны наблюдался не подъем рождаемости, а резкое ее падение. А кто же, собственно, с этим спорит? Нигде на страницах рецензируемой книги о подъеме рождаемости в годы Великой Отечественной войны, в сравнении с мирным довоенным временем, и не утверждалось. Разоблачая отсутствующий тезис «Демоскоп» ломится в открытую дверь. Что это, сублимация либеральных кошмаров, связанных с реминисценцией великой победы?

Если бы рецензент открыл книгу С.С. Сулакшина не на 71 стр., а с самого начала, то мог бы более точно воспринять авторскую позицию. На приводимых в книге графиках четко фиксируется спад рождаемости в годы войны (рис. 2, 3, 4)². Затянутая «Демоскоп Weekly» дискуссия выглядит в этой связи попросту как абсурд.

Возможно, впрочем, демоскопы не сильны в графике (тяжело, когда тебе за 70, глаза, знаете ли). Тогда им следовало бы обратиться за уточнением к другим материалам, распространяемым Центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Так, в подготовленной В.Э. Багдасаряном брошюре «К вопросу о формировании теории демографической вариативности как новой объяснительной

модели демографических процессов» на стр. 16 черным по белому прописано, что в СССР в годы войны имела место демографическая катастрофа и наблюдалось резкое сокращение репродуктивности населения³.

«Демоскоп» представляет демографическую ситуацию в годы войны как единое «черное пятно». Между тем, в динамике репродуктивности за этот период имелось два противоположных вектора — спад (1942—1943 гг.) и подъем (1944—1946 гг.). Сдвинутая в годовом интервале хронология демографического преломления войны определяется тривиальным девятимесячным периодом вынашивания плода. Не трудно заметить, что обозначенные векторы фактически точно совпадают с периодом поражений и побед Красной Армии. Восходящая линия второго этапа являлась подъемом в отношении первого пораженческого периода войны, но не подъемом по сравнению с довоенным высокорепродуктивным уровнем. Сталинград имел переломное значение именно для демографических процессов военных лет. Именно об этом писал Сулакшин. «Демоскоп» же упорно приписывает ему абсурдное суждение о наличии постсталинградского репродуктивного скачка по отношению к 1930-м гг.

Пытаясь дезавуировать тезис о благоприятных демографических последствиях Сталинградской победы, «Демоскоп Weekly» указывает на наименьшие показатели рождаемости за годы войны, пришедшиеся именно на 1943 г. Но и это псевдооткрытие ни кем не оспаривается. Специалисты от демоскопии как-то упустили из виду, что между зачатием и родами должен пройти тривиальный девятимесячный период. Сталинградская битва, как известно, завершилась в феврале 1943 г. Нетрудно посчитать, что ее последствия могли бы проявиться, в лучшем случае, в конце ноября — декабря 1943 г. Имея же в виду известный лаг во времени, репродуктивные последствия Сталинграда должны были сказаться, главным образом, уже в 1944 г. Именно такую динамику и фиксирует приводимая самим «Демоскоп Weekly» половоз-

² Там же. С. 12–14.

³ Багдасарян В.Э. К вопросу о формировании теории демографической вариативности как новой объяснительной модели демографических процессов. М., 2006. С. 16.

растная пирамида переписи 2002 г. и данные по количеству учащихся начальных классов в СССР в 1949/50—1958/59 гг.

Элементарная математическая логика подсказывает, что если 1943 г. был низшей точкой в динамике рождаемости, то он же должен был стать и отправным пунктом последующего подъема. Отрицать это, значит попросту противоречить здравому смыслу. Однако «Демоскоп Weekly», очевидно, не в ладах с математикой. Но может быть, он больше осведомлен в сфере исторического познания?

Первые волны массовой демобилизации в СССР начались лишь в 1944 г. В 1943 г. о них еще не было и речи. Напротив, мобилизационный механизм устойчиво набирал обороты. Это доказывает, что репродуктивный подъем 1944 г. являлся не следствием притока мужского населения, которое продолжало сокращаться, а именно духовным откликом на победы на фронтах.

Одной из верификаций выдвинутого тезиса является статистика брачности. Прямым последствием брака, для сведения «Демоскоп Weekly», является рождение детей. Статистика зарегистрированных советскими загсами браков имела следующую динамику: 1940 г. — 1082 тыс. браков, 1941 г. — 609 тыс., 1942 г. — 207 тыс., 1943 г. — 347 тыс. (перелом в динамике брачности), 1944 г. — 582 тыс., 1945 г. — 1046 тыс.⁴

Обнаружилось, что специалистам от демографии совершенно неизвестны методы историко-демографической статистики. Никто, утверждают они, никакого учета населения в годы войны не вел (а после войны — Сталин запрещал). А если населения не считали, то динамика его численности является величиной непостижимой. Что ж, господину Соросу стоит всерьез задуматься, за что он платил деньги российским «демоскопам». К возможному удивлению

«Демоскоп Weekly» следует сообщить, что расчеты численности населения не прекращались советскими статистиками (ЦСУ СССР и региональными статистическими управлениями) в течение всех лет войны. Их результаты любители демоскопии могут почерпнуть в архиве РГАЭ. Система советских загсов продолжала фактически бесперебойно функционировать. Действовала специфически советская процедура прописки и выписки. Возросшая статистическая погрешность не опровергала достоверности совокупной информации. Ничего не известно демоскопам и о том, что динамика численности населения СССР в годы войны давно и успешно рассчитывалась историками также по материалам Наркомторга по количеству выданных продуктовых карточек и по данным сельсоветского учета.

Историография демографической истории СССР военных лет аккумулировала уже значительный спектр научной, в т.ч. академической, литературы. Сегодня историками детально исследована не только проблема боевых потерь в трагедии 1941—1945 гг., но и естественного воспроизводства тылового населения. Реконструирована динамика демографических процессов в региональном измерении. Вся эта историческая литература «Демоскоп Weekly», по-видимому, неизвестна⁵. Он по-прежнему в качестве последнего слова в демографии оперирует трудами Б.Ц. Урланиса сорокалетней давности⁶.

На настоящее время у историков имеются расчеты естественного воспроизводства населения периода войны не только в годовом, но и помесечном измерении. Они позволяют, в частности, фиксировать репродуктивный отклик Сталинграда уже в последние месяцы 1943 г. Впервые, за многие месяцы войны, подъем рождаемости был зафиксирован июлем — августом 1943 г., что при девятимесячной ретроспективной

⁴ Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX в: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 180.

⁵ Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. СПб., 1995; Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны Новосибирск, 1986; Исупов В.А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 1930-х — конец 1950-х гг.). Новосибирск, 1991; Корнилов Г.Е. Уральское село и война: Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993; Кышпанов В.А. Население Хакасии: 1917—1990 гг. Абакан, 1995.

⁶ Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963.

проекции соотносилось с остановкой победоносного наступления немцев на юге России и разгаром Сталинградской битвы. Демографам хорошо известен и метод указанного сопоставления динамики естественного воспроизводства населения. Так, вот, впервые при сопоставлении по месяцам показатель рождаемости 1942 г. был превзойден в декабре 1943 г. (9,4% — декабрь 1942 г., 9,6% — декабрь 1943 г.)⁷.

Особо впечатляют словесные упражнения демоскопов. Так, из должностного наименования «генеральный директор», ими, очевидно, по созвучию, было выведено слово «генерал». И вот, уже автор рецензируемой книги, именуется генералом, и на основании этого противопоставляется известному демографу Б.Ц. Урланису. Развивая такого рода «научную» методику, можно было бы и неологизм «демоскоп» лингвистически дешифровать как демографическое оскотление. И, надо сказать, по существу предлагаемых «Демоскоп Weekly» концептов, это будет недалеко от истины.

С сарказмом пишет «Демоскоп Weekly» о намерении создать систему государственного управления демографическими процессами. Сама идея управляемости демографии для неолибералов, отстаивающих неприкосновенность репродуктивного права, принципиально неприемлема. В этом своем неприятии «Демоскоп Weekly» доходит даже до противопоставления людей с государственно-управленческим мышлением (намек на тематику работ Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования) демографам. Может создаться превратное представление о том, что проблемы управления вообще выводятся за скобки демоскопии, и что для созерцательного сознания демоскопов, в отличие от сознания практиков-управленцев (которым отказывается в научности подходов), они не характерны. Но вот, создатель «Демоскоп Weekly» А.Г. Вишневский тем государственным управлением в своей прежней додемоскопической бытности отнюдь не чуждался. Начиная свою профессиональную деятельность в Харьковском филиале института Гипро-

град, занимаясь проблемами градостроительного проектирования. Характерно для человека «государственно-управленческого мышления» звучит наименование защищенной им в 1967 г. кандидатской диссертации по экономике «Городские агломерации и экономическое регулирование их роста (на примере Харьковской агломерации)». Возможно, на основании этого факта у «Демоскоп Weekly» сложилось предубеждение, что иного пути в демографию, нежели чем через экономику не существует. Такой стереотип, вероятно, предопределил представление еженедельником автора рецензируемой книги С.С. Сулакшина в качестве доктора экономических наук, хотя обе свои докторские диссертации он защитил совершенно по другим областям знаний. А вот наименование докторского диссертационного исследования А.Г. Вишневского «Социальное управление демографическими процессами» звучит совершенно в духе работок Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Впрочем, время защиты пришлось на 1982 г., характеризуемый совершенно иной идеологической конъюнктурой, и многие тогдашние апологеты управления демографией стали в скором времени отстаивать ее принципиальную неуправляемость. В действительности же речь зачастую шла лишь об ином управленческом целеполагании.

Говоря об объективности тенденции депопуляции в России, сторонники данного концепта зачастую упускают из виду, что вплоть до недавнего времени российское государство официально реализовывало стратегию сокращения рождаемости. Еще в декабре 1991 г., при прямом содействии правительства, была учреждена Российская ассоциация планирования семьи. Активно реализовывалась Федеральная целевая программа «Планирование семьи», получившая с 1994 г. статус президентской. В изданной под редакцией А.Г. Вишневского коллективной монографии «Демографическая модернизация России, 1900—2000 гг.» данные мероприятия российских властей описываются почти в апологетиче-

⁷ Исулов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX в. С. 176.

ческой тональности: «В 1990-х гг. практически впервые была создана основа службы планирования семьи, сотни центров планирования семьи и репродукции, относящихся к системе Минздрава. В рамках программы «Планирование семьи» осуществлялись государственные закупки контрацептивов, многие учреждения имели возможность бесплатного обеспечения ими отдельных социально незащищенных групп населения, в том числе молодежи. Были организованы курсы подготовки специалистов. Велась значительная работа по повышению информированности населения в области планирования семьи. Программой предусматривалось создание и внедрение специальных программ полового образования и воспитания подростков. Существенную финансовую помощь в преодолении «пути от абортов к контрацепции» оказывали международные организации, правительственные и частные зарубежные фонды. В рамках международных проектов осуществлялись поставки современного оборудования, средств контрацепции для центров планирования семьи и женских консультаций, велась подготовка кадров, издавалась соответствующая литература. Однако наряду с явным и давно ожидаемым оживлением деятельности по развитию планирования семьи активизировались и его противники, которые не дали совсем погаснуть факелу, выпавшему из рук идеологического отдела ЦК КПСС»⁸. Так что и демоскопы не чуждаются совсем методов управления. Другое дело, что направлено они не на повышение репродуктивности российского населения, а в прямо противоположную сторону.

Утрируя на поднятой С.С. Сулакшиным теме идейно-духовных основ демографических процессов «Демоскоп Weekly» опубликовал соответствующую рецензию на его книгу под эпатазирующим названием «Чтобы повысить рождаемость, нам нужен новый Сталинград». Сама тональность глумления демоскопов над великой победой как будто реанимирует картины либерального шабаша начала 1990-х гг. Автор книги в интерпретации демоскопов чуть ли не призывает для поднятия репродуктивного потенци-

ала нации к открытию военных действий. Действительно, нам нужен новый Сталинград, но не в том буквально-примитивном понимании, которое вкладывает в него «Демоскоп Weekly», а как начало духовного возрождения России, надежда на спасение страны и народа, выхода из состояния демографической катастрофы.

Принципиально не принимает «Демоскоп Weekly» и такие понятия как «цивилизационный код», «русская цивилизация», «национальная идентичность России». Опираясь на нелиберальными стереотипами, ими приписывается автору книги противопоставление русских другим народам СССР, «с неподходящим цивилизационным кодом». Что ж, приходится констатировать о непонимании в демоскопических кругах категории цивилизация, смешиваемой и подменяемой этничностью. Между тем, русская цивилизационная система интегрировала в себе не только одних этнических русских, но и другие исторически связанные с ними народы России и СССР. Своеобразие интерпретации еженедельником позиции автора тем более странно, что в книге дается вполне однозначная и определенная трактовка этого вопроса: «Русский народ — это важный фактор российской государственности постольку, поскольку является основным (не единственным, поскольку в вопросе русской идентичности этнического эксклюзива нет) носителем и охранителем цивилизационных потенциалов российского государства, как его многовековых и многопоколенческих ценностных накоплений, национальной (в смысле цивилизационной) идентичности. Под русскими цивилизационными потенциалами российского государства, и, как становится очевидно, не столько в этническом, сколько в точном цивилизационном смысле, конкретно понимаются:

- русский язык;
- традиционные для России религии;
- культура;
- традиции;
- ментальность;
- уклады и устои;
- поведенческие и ценностные стереотипы.

⁸ Демографическая модернизация России, 1900 – 2000. М., 2006. С. 243.

В принципе для каждого государства подобная связь должна иметь место. При таком подходе к роли русского народа она означает дополнительную надэтническую интегрирующую ответственность и ведет не к преференциям этносу (граждане страны независимо от этничности имеют равное достоинство, гражданские права и их защиту), а к необходимости сохранения и опоры в развитии на собственные цивилизационные ценностные накопления страны. Для России исторически определено, что это русские накопления (в вышеуказанном цивилизационном смысле). Для Франции, очевидно, это французскость, Англии — английскость, Японии — японскость, Израиля — еврейскость⁹. Почему же «Демоскоп Weekly» проигнорировал данное авторское определение? Ответ на этот вопрос очевиден: навешивание ярлыка национализма в целях дезавуирования концепции или человека является давнишним приемом неолиберальной расправы с оппонентами.

С другой стороны, «Демоскоп Weekly» ставит знак равенства между понятиями «национальный» и «классовый», не видя принципиального различия между ними. Объединение их осуществляется под общим маркером «идеология», которому противопоставляется неидеологизированная демоскопическая наука. Между тем, визитной карточкой работ самого создателя демоскопии А.Г. Вишневского является репродуцированная на основе прочтения трудов западных авторов теория «демографической модернизации» («демографического перехода»), вполне подходящая во всех своих аспектах под идеологические каноны. Сущностное ее содержание составляет постулат о том, что тренд мирового естественного воспроизводства населения фатально предопределен установками на увеличение продолжительности жизни (объективное старение наций) и снижение уровня репродуктивности (малодетность и бездетность нуклеарных семей). Утверждается, что все народы должны неизбежно пройти путь демографической модернизации, от «традиционного» к «современному» (в терминологии сторонников концеп-

та) типу воспроизводства. Применение же С.С. Сулакшиным методологии факторного анализа дает основание для пересмотра тезиса о материальной предопределенности демографических процессов, что и вызвало соответствующую демоскопическую реакцию. Критика «Демоскоп Weekly» выстраивает весьма странную дифференциацию существующих на поле демографии современных исследовательских разработок: все, что пишет А.Г. Вишневский — это, безусловно, наука, тогда как теоретические положения его оппонентов — это уже идеология.

Характерный пример методики интерпретации со стороны «Демоскоп Weekly» воззрений оппонентов представляет следующий цитируемый фрагмент рецензии: «Теперь же, после того как он (*т. е. «Демоскоп» — авт.*) ознакомился с указанным сочинением (*книгой С.С. Сулакшина — авт.*), он ясно понял, что «материальный фактор более значим для смертности и продолжительности жизни, чем для рождаемости» (стр. 40). Теперь ему ясно, что процедуры-процедурами (*имеется в виду процедура воспроизводства — авт.*), но если нет в наличии их необходимых участников, то можно обойтись без процедур и рожать детей с помощью одной лишь духовности». Из выдвигаемого в книге утверждения о более весомом значении в демографическом процессе, по отношению к материальному положению населения, фактора идейно-духовного состояния общества, вследствие демоскопической интерпретационной метаморфозы, получился приписываемый автору призыв к игнорированию биологической стороны человеческого существования. Если «Демоскоп Weekly» хотя бы упомянул о стержневом для рецензируемой работы концепте четырехфакторной объяснительной модели природы демографического процесса, стали бы очевидны принципиальные различия в содержании книги и ее интерпретации. Материальный фактор в предложенном модельном выражении оценивается как одна из четырех базовых доминант естественного воспроизводства населения. Биосоциальная природа человека раскры-

⁹ Сулакшин С.С. Российский демографический кризис: от диагностики к преодолению. С. 8–10.

вается в специально посвященном ее научному осмыслению разделе книги. Так, что с призывом «рожать детей с помощью одной лишь духовности» за исключением самого «Демоскоп Weekly» никто не обращался.

Завершается рецензия тривиальным для ущемленного самолюбия научного работника противопоставлением врача и знахаря. «Врачи, знаете ли, — пишет рецензент в характерной тональности ерничества, — рабы всех этих нынешних методов диагностики, всяких там рентгеновских снимков, анализов крови и даже, не побоимся этого термина мочи». Анализа психологического тонуса пациента, как видим, в этом перечне не содержится. Что ж, каждому свое, кто-то будет при анализе демографических процессов исследовать идейно-духовное состояние общества, а кто-то пытаться их постичь, исследуя состав мочи (успеха им в их нелегком начинании). О характере врачебного искусства по «Демоскоп Weekly» можно судить по признанию одного из главных теоретиков либеральных реформ

в России американца Д. Сакса: «Мы положили больного на операционный стол, вскрыли ему грудную клетку, но у него оказалась другая анатомия». В то же время в разработке презентуемого С.С. Сулакшиным исследования принимали участие настоящие врачи, доктора медицинских наук. Для осведомления «Демоскоп Weekly» о подлинных задачах комплексной медицины, не ограниченной лишь наблюдением за физиологией пациента, приведем вывод одного из них, руководителя лаборатории системных исследований здоровья Государственного научно-исследовательского центра профилактической медицины Государственного научно-исследовательского центра профилактической медицины профессора И.А. Гундарова: «Физическая жизнеспособность населения зависит не только от условий бытия (материальных факторов), но и от нравственной атмосферы и эмоционального состояния общества (духовных и душевных факторов)»¹⁰.

¹⁰ Гундаров И.А. Демографическая катастрофа в России: причины, механизм, пути преодоления. М., 2001. С. 31.

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РОССИИ

А.И. Неклесса

*Заместитель генерального
директора Института
экономических
стратегий ООН РАН*

Долгое время хозяйственная практика человечества развивалась в русле традиционного общества, основой которого являлся принцип баланса: фактический запрет на интенсивное развитие общества и расширенное воспроизводство материальной культуры. Развитие экономики велось, главным образом, экстенсивными методами, тесно увязываясь с ростом численности населения.

Доминирующей формой экономики в эпоху Нового и новейшего времени являлась капиталистическая экономика, которая в своем развитии прошла три фазы:

- а) торгово-финансовую;
- б) промышленную;
- в) геоэкономическую.

На пороге XX в. индустриальная экономика пережила стремительный взлет, связанный с инновационной революцией и новыми формами организации труда и в мире обозначается контур планетарной экономической системы, объединяющей национальные экономики на основе новой геоэкономической формулы разделения труда.

Мировая экономика долгое время являлась площадкой, объектом, на котором в качестве *субъектов* действовали национальные государства, однако к концу XX в. качества субъекта постепенно переходят к транснациональной «штабной экономике», а национальные экономики сопрягаются в геоэкономические пространства, различаемые в соответствии с доминирующим в них типом экономической практики и ресурсов.

Штабная экономика постиндустриального типа, формулирующая параметры и правила экономической практики в современном мире развивает собственную экономическую стратегию, сутью которой является переход к высоким геоэкономическим технологиям, определяющим генеральную стратегию в картографии ресурсных и финансовых потоков, распределения и перераспределения мирового дохода.

Понятие геоэкономики сформировалось приблизительно в середине прошлого века, но активно использо-

ваться оно стало лишь в 1990-е гг. Возникло оно не случайно, существует несколько вариантов расшифровки данного термина, но в основном он активно используется, чтобы зафиксировать происходящее слияние политики и экономики в некоторую сложнорасчленимую целостность. Геоэкономические организмовности это ведь не чисто экономические структуры, и введение понятия «геоэкономика» заполняет тот самый лексический дефицит, о котором сегодня уже говорили. То есть экономика в современном мире во многом выполняет управленческие и властные функции, а власть участвует в решении вполне экономических задач. К тому же и то и другое нередко осуществляется за пределами национальных территорий. Иначе говоря, геоэкономическая конструкция, которая выстраивается в мире, транснациональна и глобальна, хотя и привязана к определенным географическим ареалам.

В результате на планете возникла своеобразная метаэкономика — сложноподчиненная система геоэкономических пространств, соединенных нитями ресурсных потоков и геоэкономических рентных платежей. Другим следствием глобализации стало разделение экономической деятельности как структурно (в соответствии со структурно-доминантным ее геном), так и территориально (в соответствии с тем или иным географическим/трансгеографическим метарегионом). Я выделяю шесть таких ареалов, их взаимосвязь представляет собой иерархическую конструкцию.

Есть такой рукотворный предмет, «китайский шар» — шар в шаре и т. д.: всего пять уменьшающихся шаров, расположенных один внутри другого. Эта конструкция — неплохая модель геоэкономической конструкции мира. На поверхности *геокона* находится геоэкономический *Новый Север* — охватывающая все прочие миры «штабная экономика». Она генетически связана с североатлантическим регионом, но обладает собственным транснациональным и трансгеографическим целеполаганием. Экономика этого космополитического модуля сопряжена с обладанием символическим капиталом, с возможностью глобальной проекции властных решений, с

финансово-правовым регулированием всей совокупности экономических операций, со сферой высококвалифицированных услуг и цифровой экономикой. Это обиталище современной эфирократии я называю *Новой Лапутанией* по ассоциации с «воздушными островами» из одного путешествия Гулливера. И которое оставляет все виды вещественного, материального производства другим геоэкономическим регионам.

Доминанта следующего геоэкономического/географического пространства («первого внутреннего шара») — высокотехнологичное производство, расположенное в североатлантическом регионе. И если «первый этаж» мы назвали «Севером» (Новым Севером), то данный локус следует, наверное, сохраняя определенную типологическую/географическую преемственность, именовать *Западом*. Североатлантический регион выполняет для мира функции своеобразного «высокотехнологичного Версака», занимаясь производством лекал и образцов, причем далеко не только в области одежды и обуви, но в сфере высоких технологий, которые (с определенными ограничениями для военных технологий) тиражируются затем в других регионах планеты.

И, прежде всего, в тихоокеанском регионе, в пространстве Большого тихоокеанского кольца. На сегодняшний день в геоэкономическом смысле тихоокеанский регион — это не только Северная и Юго-Восточная Азия, Австралия и Океания, ареал включает в себя и такую нетрадиционную ось, как Латинская Америка — Индостан. Это *Новый Восток*, связанный с массовым промышленным производством, включая наукоемкие и высокотехнологичные товары. Еще один географически мотивированный метарегион — *Юг*, расположенный преимущественно в тропической и субтропической зоне. Основа его геоэкономической ориентации — производство различных видов сырья.

Наконец, последняя географически мотивированная зона в современном мире — пожалуй, наиболее невнятна с точки зрения ее геоэкономической ориентации. Это «сухопутный океан» Евразии, точнее — пространство Северной Евразии, в политическом отношении во многом связанное

с историческими судьбами России. Это, кстати, единственный «океан» (транзитное пространство), большая часть которого является национальной территорией. Если бы речь шла о построении формальной модели, то структурообразующим началом данного «большого пространства» — своеобразного геоэкономического *Гипер-Севера* — по ряду косвенных признаков должно было бы стать производство интеллектуального сырья и широкого круга нововведений, как технико-технологических, так и социальных. В этом случае пространственная экономическая организация мира закрепила бы структурные и функциональные отношения «мировой производственной мегамашины» — единого производственного и воспроизводственного комплекса мирового хозяйства. На практике, однако, этого пока не произошло.

Завершает перечень основных элементов пространственной экономической конструкции *мировой геоэкономический андеграунд*, «размазанный» по совокупной изнанке геоконата, объединяя спекулятивный *квази-Север* с откровенно грабительской, «трофейной», криминальной экономикой *Глубокого (Глубинного, Крайнего) Юга*. Это наследник прежней криминальной и околокриминальной деятельности, которая в новом транснациональном мире, оперируя сотнями миллиардов — если не триллионами — долларов, постепенно приобретает качественно новые характеристики и устойчивое положение в рамках глобального геоконата. Это далеко не только наркотрафик, хотя он составляет, наверное, самую заметную и знаменитую часть данной паразитической экономики, но также многочисленные сегменты теневой деятельности, тесно связанные с экономикой легальной, создавая серые, полусерые и прочие затененные и «нечистые» зоны деятельности. Однозначное определение паразитической этого динамичного и трансграничного пространства, рискует сузить ее предметное поле, связанное тысячами нитей с другими частями мирового экономического универсума.

Перечисленные выше «круги» геоэкономической мегамашины находятся в определенной системе взаимоотношений:

производство природного сырья и производство материальных изделий, создание интеллектуального «сырья» и производство высокотехнологичных изделий, вся индустриально-промышленная деятельность и постиндустриальная «экономика услуг», включая финансово-правовые и управленческие. Как же выстраивалась данная глобальная мегамашина? Мы бегло просмотрели историю двадцатого века с точки зрения политического строительства в сфере международных отношений — как ломалась вестфальская система и выстраивалась новая, поствестфальская система мировых связей. А как создавался геоэкономический универсум? Какие «этапы большого пути» преодолела «штабная экономика», чтобы занять свои нынешние лидирующие позиции?

Геоэкономический интеграл, о котором я веду речь, представляет собой достаточно специфическую механику. С какого-то момента исследователя его хитросплетений начинает охватывать странное ощущение, что те управленческие коды, с которыми мы сталкивались в Советском Союзе, тесно связанные с административными, номенклатурными системами управления, имеют определенную социальную перспективу и получают специфическое развитие в современном мире как формулы управления глобальными ресурсными потоками и перераспределения мирового дохода. Приведу несколько примеров (помимо широко известных, наподобие «ножниц цен»), чтобы можно было почувствовать масштаб и качество управленческой субстанции, о которой идет речь: *глобальных геоэкономических технологий*.

Во-первых, технология создания *мировой резервной валюты*, модифицированная в 1971–1973 гг. на основе реализации феномена *новых денег*. В том году Соединенные Штаты Америки — эмитент фактической мировой резервной валюты, отказывается от золотого паритета доллара, доводя, таким образом, исторический процесс порчи монеты до некоторого логического предела. Деньги приобретают своеобразный «алхимический» характер — их значение определяется, в конечном счете, символическим капиталом Соединенных Штатов Америки

и их возможностями глобального управления, а не теми или иными материальными ресурсами.

Следующий этап — формирование технологии *глобального долга*. Ее начало — конец 1973 г., время нефтяного кризиса, когда большое количество евродолларов (евродоллары, кстати, это не только доллары, которые имеют хождение в Европе, а вся та долларовая масса, которая находится за пределами США) вторглись в мировую финансово-экономическую ткань и начали творить чудеса. Они идут потоком из нефтесдобывающих стран в западные банки, ломая прежние кредитные схемы, деньги начинают как бы «подгнивать», процентные ставки резко падают.

Процесс этот совпал по времени с политическим процессом деколонизации, и свободные финансовые ресурсы широким потоком хлынули в развивающиеся страны, возникавшие долговые обязательства которых гасились все новыми кредитами. В результате семидесятые годы — время достаточно интенсивного развития, но, когда наступили восьмидесятые, то эта динамическая система оказалась перед угрозой глобального краха — краха мировой банковской системы. В ответ на возникшую угрозу формулируется технология *структурной перестройки (structural adjustment) и финансовой стабилизации (financial stabilization)*. (Перестройка — не совсем точный перевод понятия *adjustment*; по-русски, точнее было бы сказать: «структурная адаптация», «поднастройка», «прилаживание».) Вкратце, основной смысл этой технологии — перманентное повышение производства природных ресурсов на экспорт странами-реципиентами данных программ и перераспределение в их бюджете средств с внутреннего потребления на уплату внешнего долга (при том, что реально сформированный подобным образом внешний долг не может быть выплачен практически никогда).

Наконец, просто упомяну ряд иных геоэкономических технологий (часть из которых находится пока еще в стадии становления) — этого основного технологического субстрата глобальной «штабной экономики», нового исторического призрака, бро-

дящего по планете. Например, *управление рисками, управление хаосом, контролируемая деструкция, механизмы глобальной переброски рисков, новые системы страхования*, в том числе *национальных и региональных рисков...*

Итак, на планете складывается новая экономика, которая в своих основах позитивно тяготеет к административным кодам управления, к ценностям более-менее выраженного глобального *баланса*, что, в общем-то, противоречит истории современной цивилизации, связанной преимущественно с процессами *развития*. И даже не просто развития, а перманентной трансценденции существующих условий бытия, с форсированным инновационным процессом, с созданием новых кодов и полей предметной деятельности.

Россия в геоэкономическом контексте

К началу XXI в. Россия оказалась на историческом перепутье, возможно, как и вся человеческая цивилизация. Сегодня в мире нарастает напряжение между двумя векторами экономической деятельности: финансовым и энергетическим. Финансы и энергетика — два камертона современной экономики, тональности которых имеют определяющее значение для насущных и стратегических проблем практики. На поле, обозначенном этими векторами, разворачиваются геоэкономические игры и штабные учения по организации нового миропорядка.

В сложившихся обстоятельствах страна вырабатывает оптимальный формат самостояния в новом мире. Россия — держатель пространств Евразии, исторический *frontier* генетики *Universum Christianum* и одновременно наследник поликонфессиональной и многонациональной мозаики Российской империи, равно как и России—СССР. Но верно и то, что Россия, органично связанная, если не с европейским культурным кругом, то с европейской цивилизацией в ее исторической ипостаси *tota Europa*, в настоящий момент испытывает явный стресс, реализуя сотрудничество с «миром атлантическим», причем преимущественно в русле кодов сырьевой экономики, столь характерной именно для государств «третьего мира». Нарастающее отчуждение от горизонтов европейской цивили-

лизации в пользу номенклатурных иерархий сжимает возможности личностного роста, препятствуя торжеству «энергии мысли» над «энергиями нефти и газа».

В постсоветской истории России наряду со сдвигами в направлении модернизации проявилась также другая тенденция — демодернизация части территории, определенная архаизация социальных связей. В настоящий момент страна находится на распутье между инерцией *трофейной экономики*, более-менее устойчивой ролью *сырьевой державы* (и потенциального объекта масштабных игр в данной сфере), попытками вхождения в *транснациональный мир глобальных корпораций*. И, напротив, периодически вспыхивающей тягой к мягким формам *неопротекционизма* или даже подспудными разговорами о возможности реанимации элементов *мобилизационных схем управления*. Суть выбора, в конечном счете, заключена в смысловой развилке между обществом, которое развивается ко все более сложной, полифоничной и динамичной конструкции, и социумом, тяготеющим к статичной, номенклатурной, иерархичной форме устройства.

Критические мнения об участии и перспективах России-РФ приводить нет смысла, с некоторых пор они стали достаточно многочисленными. Нельзя слишком долго существовать на ренту, проживая наследство, гордиться прошлыми заслугами, строя благосостояние исключительно на сокровищах, зарытых в земле. На глазах возникает каркас социополитического организма, предполагающий в среднесрочной перспективе разделение страны на:

- государственность—А, являющуюся островом транснационального архипелага, предоставляя ее руководителям право на присутствие в элитном кругу. Подобное государство-корпорация (в геоэкономическом понимании термина) строится из совокупности десятка олигархических картелей, прежде всего в сфере газа — и петроэкономики, систем их обслуживания (но также на других производственных и ресурсных основаниях), соединенных в социально-политическую связность под зонтиком новой управленческой конструкции;

- и государственность—Б: социальную, административную — обеспечивающую функционирование привычных, общенациональных, но утрачивающих актуальность и эффективность форм государственного устройства, ветшающих институтов публичной политики и увядающих ветвей власти.

Все это вполне вписывается в архитектуру поствестфальского мироустройства, основанного на принципах динамичной иерархии и геоэкономической интеграции. Россия, впрочем, весьма своеобразное геоэкономическое пространство. Ее экономика парадоксальным образом соединяет структурные черты как сырьевого Юга, так и высокотехнологичного Севера.

Действительно, ряд черт российского общества и экономики (да и значительной части постсоветского пространства) вызывают настойчивые ассоциации с той частью мирового сообщества, какой является Юг:

- преимущественно сырьевой характер экспорта и производства;
- крупномасштабная коррупция, nepотизм, клановость;
- низкие показатели уровня и качества жизни, ее короткая продолжительность, высокая смертность, резкое расслоение и криминализация общества, ослабление социальной ткани;
- деградация традиционной системы ценностей, «макдональдизация», гипертрофия издержек идеологии общества потребления;
- новые, исторически недостоверные границы, сепаратизм и межэтнические противоречия, локальные конфликты;
- факты использования вооруженных сил для решения задач внутри страны.

Вот длинный, но неполный перечень наиболее явных из них.

В то же время в Российской Федерации присутствуют социальные энергии, связанные с иными горизонтами, в числе которых — становление суверенной личности, развитие критических форм практики, реальность технологического сообщества. Так особенностями российской экономики, в корне отличающимися ее от слаборазвитых стран, являются:

- существование высокотехнологичных отраслей промышленности;
- воспроизводство инновационного ресурса, высоких технологий и передовых разработок;
- наличие высококвалифицированной рабочей силы;

➤ относительно высокое качество общего и специального образования, а также науки.

Попытка удержания Россией своего «северного» статуса или тем более продвижения на геэкономический «северо-запад», однако же, предполагает серьезные политические трансформации, а также модификацию экономической стратегии (на путях социально ориентированного рыночного хозяйства) и особенно — шкалы приоритетов в социальном строительстве. В том числе:

- повышенное внимание к обустройству культурной и институциональной среды обитания, ее качественным параметрам, уровню морали в обществе;
- усилия по развитию человеческого капитала, повышение индекса человеческого развития, расширение пространства сложных композиций и коммуникаций;
- комплексное обустройство инновационной культуры, стимулирование творческих процессов, не ограниченных научно-технической сферой, развитие культурной и социогуманитарной инноватики, управленческой культуры, методологии познания и действия в мире критических систем.

Сегодня страна заняла прочное место среди производителей природного сырья и полуфабрикатов, основу национального богатства составляет природная рента и ее производные, за счет же интеллектуальных ресурсов производится приблизительно 5–10% национального продукта (в странах «технологического сообщества» примерно 70%). Инерционный сценарий развития не предполагает серьезной трансформации сложившегося положения вещей, разве что ту или иную его модификацию. Изменение перспективы возможно лишь на путях некой альтернативной стратегической инициативы.

Существуют ли для этого какие-то основания? Положительный ответ дать не-

просто. Можно, правда, уповать на то, что красная нить зигзагообразного пути России — это ее перманентная нестандартность, столь упорно прорывавшаяся на протяжении бурной российской истории, к несчастью, подчас самым нелепым и кровавым образом. Есть у данной нестандартности и «лицевая» сторона — оригинальная, творческая мысль, нередко опрокидывавшая, казалось бы, незыблемые клише и стереотипы, находя выход из безвыходных на первый взгляд ситуаций. И возможно, именно здесь таится глубинная особенность не только национального характера, но также национальной экономики. Историки, экономисты, политики приводят немало аргументов в подтверждение настоячиво, хотя и без особого видимого эффекта повторяемого тезиса о творческом, интеллектуальном потенциале как козырной карте российского общества.

В прошлом веке эта особенность российского культурного кода была проэксплуатирована весьма уродливо, хищнически, однобоко, однако именно она обеспечила развитие в России—СССР феномена ВПК, реализовав в полуфеодальной стране (опережая подчас всех и вся) ряд высокотехнологичных проектов — в областях военного строительства, ядерной энергетики, космонавтики, авиастроения, специальной металлургии и т. п. Особая тема: судьба умов, талантов, идей, на протяжении XX столетия исходящих из России, этого туманного *гипер-севера* мировых геэкономических пространств.

Инновационный вектор развития, с неизбежными в ходе реализации срывами и нелепостями, все же указывает стране направление, хоть и непростого, но пути в постиндустриальное сообщество, соотносясь с геэкономической логикой современного мира и глубинной национальной спецификой.

При долгосрочном прогнозировании перспектив России в новом веке стоит также учитывать вероятность серьезной реконфигурации социально-экономической картографии мира из-за срыва глобальной экономики, развития финансово-экономического кризиса, который неодинаковым образом скажется на странах и регионах.

В этом случае возрастает роль национальных ресурсов и производственных фондов, что, наряду с валютной лихорадкой, будет стимулировать перераспределение собственности и «новый реализм» в отношении особо важных объектов. Естественно, что территория, способная обеспечивать себя энергетическими и рядом иных ресурсов, оказывается в особом положении.

Умело формулируя национальную стратегию, Россия с обретением смысловой устойчивости получает шанс влиять на спектр своих партнеров и конкурентов, модифицируя в желательном направлении логи-

ку международных отношений, продвигая собственное прочтение глобализации. На сегодняшний день положение России—РФ в геополитической системе координат чрезвычайно сложно. Нетривиальное прочтение геоэкономического контекста открывает дополнительные измерения у ряда наболевших проблем, предоставляя, в частности, стратегическую альтернативу сложившейся архитектуре внешних связей как с неоиндустриальным пространством Большого тихоокеанского кольца, так и высокоиндустриальной экономикой североатлантического Запада.

Корреляционный факторный анализ российского демографического кризиса и методика экспертных оценок

С.С. Сулакшин

Одним из наиболее эффективных методов факторного анализа жизнедеятельности и развития сложных социально-политических систем является корреляционный анализ. Самое ценное его свойство заключается в том, что он позволяет находить причинно-следственные связи в условиях незнания всех деталей механизмов, обуславливающих эти связи из-за их сложности или вариативности. Демографическое причинно-следственное пространство относится именно к такому классу задач. Известно и выше показано, что многие факторы демографического состояния действуют нелинейно, меняют свой знак в зависимости от каких-то условий, в деле участвует психология человека — очень неопределенный предмет, при том, что обстоятельств социального поведения человека и населения могут быть десятки и сотни. Охватить их детерминированным взглядом попросту невозможно. А для эффективной государственной политики по управлению демографическим состоянием, конечно, необходимо знать точно, что и как влияет, что является причиной и следствием, каковы полные причинно-следственные цепочки, заканчивающиеся общим итогом — демографическим состоянием. В противном случае государственная политика в лучшем случае будет беспомощна. В худшем — приведет к противоположному результату.

В этой связи в рамках предлагаемой четырехфакторной модели российского демографического развития был проведен корреляционный анализ факторных связей. Анализировались четыре интегративных фактора (причины):

- идейно-духовное (социо-психологическое состояние) российского общества;
- национальная (русская цивилизационная) идентичность российской государственности;

— роль государства в управлении демографическими процессами;

— социально — материальный уровень обеспеченности российского населения.

Анализировались четыре демографических отклика (следствия):

— рождаемость (далее — Р);

— смертность (далее — С);

— ожидаемая продолжительность жизни (далее — ОПЖ);

— миграционное сальдо (далее — М);

— коэффициент витальности (далее — В).

Ну и, конечно, в целом численность населения страны (Н). Для нахождения корреляционных связей необходимы временные ряды соответствующих величин. Используемые для расчетов временные ряды рождаемости, смертности, ожидаемой продолжительности жизни, миграционного сальдо, численности населения.

Для материального фактора был построен характеризующий его совокупный параметр.

Совокупный материальный фактор рассчитывался по формуле:

$$\overline{M\Phi} = \frac{1}{N} \sum_i m\Phi_i \quad (1)$$

где $\overline{M\Phi}$ — усредненный показатель материального фактора;

$m\Phi_i$ — нормированные на максимум следующие показатели:

— покупательная способность на душу населения основных продуктов питания (мясо, молоко, рыба, яйца, сахар, картофель, хлеб) в расчете на душу населения в год;

— число больничных коек на 10000 человек;

— номинальная заработная плата.

N — число показателей, характеризующих материальный фактор ($N = 9$).

Продуктовая корзина включала: мясо и мясопродукты, молоко и молочные продукты, рыбу и рыбопродукты, яйца, сахар, картофель, хлебные продукты. Временной ряд годового потребления основных про-

дуктов питания за период с 1897 г. по 2005 г. приведен на рис. 1.

Полученный в итоге временной ряд совокупного материального фактора имеет вид, показанный на рис. 2.

Получение временных рядов для слабоформализуемых факторов идейно-духовного (социо-психологического) состояния общества, национальной (цивилизационной) идентичности российской государственности и качества государственной политики представляет собой нетривиальную задачу. До настоящей работы автору неизвестны прямые способы оцифровки указанных показателей, как функции исторического времени. В научной литературе известны¹ попытки косвенного описания психологического состояния общества через количественные замеры девиантного поведения: убийств, самоубийств, проявлений поведенческих агрессий, для которых существуют статистические данные. Для, в точном смысле, идейно-духовного состояния, для качества государственной политики и национальной идентичности российской государственности даже таких косвенных оценок не имелось. Известны работы, в частности², в которых применялся метод экспертной оценки различных характеристических потенциалов государственности, привязанный к неравномерной временной шкале, основанной на фиксированных интерпретируемых исторических событиях.

С целью получения необходимых для корреляционного анализа количественных рядов был использован метод множественной экспертной оценки.

В процедуре выбора экспертов непростой задачей является определение их оптимальной численности и уровня компетентности. Для обеспечения компетентности оценки были привлечены двадцать четыре эксперта, в составе которых были представлены историки, социологи, политологи, экономисты, философы, служители церкви. Специального, назовем его идеологическим, отбора экспертов не

¹ Гундаров И.А. Демографическая катастрофа в России: причины, механизм, пути преодоления. М., УРСС, 2001 г.

² Кузык Б.Н., Агеев А.И., Доброчеев О.В. и др. Россия в пространстве и времени. М., ИНЭС, 2004 г.

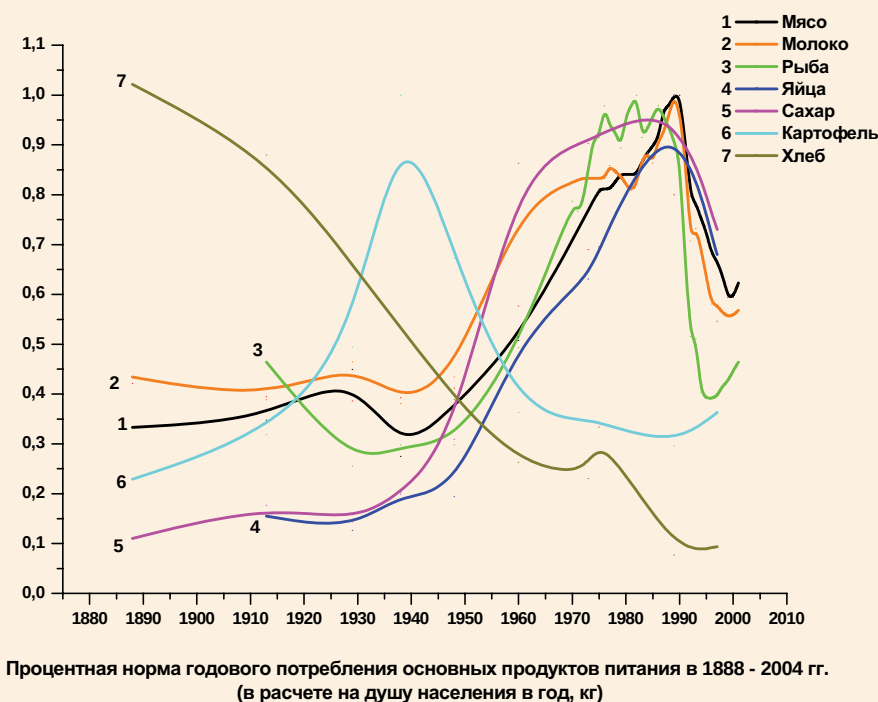

Рис. 1. Нормированное на максимум годовое потребление основных продуктов питания за период с 1897 г. по 2005 г. Первичные данные взяты из источников³.

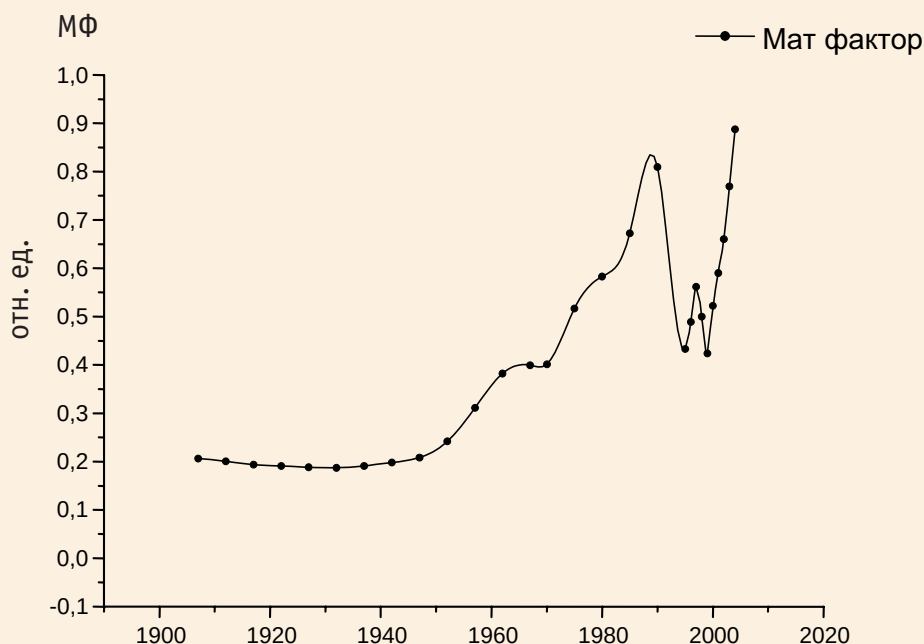

Рис. 2. Совокупный материальный фактор за период с 1897 г. по 2005 г.

³ Миронов Б.Н. История в цифрах. Л., 1991; Российская государственная статистика (1802–1996). М., 1997; Российский статистический ежегодник. Стат. сб. М., 2005; Российский статистический ежегодник. Стат. сб. / Госкомстат России. М., 1998; Россия в цифрах. М., Статистика России, 2005; Россия и страны мира. М., 2005; Социально-экономическое положение России. 1998. № 12; Исаков В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX в.: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. Историко-демографический очерк. Новосибирск. 2000; Данные сайта Госкомстат РФ: www.gks.ru; Центр анализа данных ГУ-ВШЭ <http://stat.hse/index.html>.

применялось. Каждый эксперт заполнял специальную анкету, в которой оценки отдельных частных показателей (внутри каждого оцениваемого в итоге фактора) давались по десятибалльной шкале, а исторический ряд строился по равным, равномерно расположенным на временной оси, временным отрезкам протяженностью в десять лет. В этой связи временные ряды для показателей демографии также усреднялись на десятилетних отрезках времени. При необходимости временной ряд, со-

стоящий из десятилетних отрезков, путем линейной интерполяции мог приводиться к пятилетней временной градации и ежегодной. Это делалось для сопоставимости отдельных рядов, хотя нужно понимать, что интерполяция не дает новой информации, более детальной в отношении изменчивости процессов по сравнению с исходным более «медленным» рядом. Перечень идентифицирующих состояние факторов (их внутренней описательной структуры) показателей представлен в табл. 1.

Таблица 1

№	ПОКАЗАТЕЛИ ИДЕЙНО — ДУХОВНОГО И СОЦИО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
1	Актуализация образа внешнего врага
2	Вера в национальных лидеров
3	Воспитательные функции в обществе — производственный коллектив
4	Воспитательные функции в обществе — семья
5	Воспитательные функции в обществе — улица
6	Воспитательные функции в обществе — церковь
7	Воспитательные функции в обществе — школа
8	Готовность и стремление народа к свершениям
9	Готовность к самопожертвованию
10	Духовная преемственность поколений
11	Значимость (ценность) труд
12	Идеологический компонент в общественной жизни
13	Коллективизм
14	Культурный потенциал
15	Научный потенциал
16	Образовательный потенциал
17	Опора на собственные силы
18	Отношение к военной службе
19	Отношение к нравственности
20	Отношение к традициям
21	Патриотизм
22	Преобладание духовных по сравнению с материальными факторами поведения
23	Состояние духовного потенциала остальных городов
24	Состояние духовного потенциала остальных городов
25	Состояние духовного потенциала села
26	Состояние духовных потенциалов столицы (Москвы / С.-Петербурга)
27	Состояние пропагандируемых ценностей поведенческих образцов
28	Социальный гуманизм
29	Сплоченность народа
30	Степень идейно-духовной одухотворенности бытия
31	Уровень значимости консолидирующей национальной идеи
32	Уровень значимости общих целей развития (уверенность в будущем)
33	Уровень межэтнической комплиментарности
34	Уровень религиозности
35	Уровень суицидальности
36	Харизматичность национальных лидеров
37	Четкость представлений о добре и зле

38	Чувство запущенности в настоящем
39	Чувство уверенности в будущем своих детей
№	ПОКАЗАТЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОЙ (ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ) ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
1	Апелляция к русской теме и русским традициям в государственной идеологии
2	Апелляция к русскому народу в риторике государственных лидеров
3	Национальная консолидированность русского народа
4	Отношение к государству как к русскому государству
5	Отношение к русскому фольклору, русским национальным героям
6	Отождествление народа (населения) страны с русским народом
7	Отраженность интересов и потребностей русского народа в государственном строительстве
8	Планетарная роль русских (наука, культура, идеология, экономика, военная мощь)
9	Положительное отношение к национальным меньшинствам
10	Представленность русских в военной элите
11	Представленность русских в государственных органах — региональных
12	Представленность русских в государственных органах — центральных
13	Представленность русских в научной элите
14	Представленность русских в органах государственной безопасности и общественного порядка
15	Представленность русских в политической элите
16	Представленность русских в творческой и культурной элитах
17	Представленность русских в хозяйственной и предпринимательской элите
18	Представленность русских в центральных средствах массовой информации и пропаганды
19	Роль и статус православной церкви
20	Роль и статус русского языка
21	Русская национальная ориентированность в учебниках по литературе
22	Русская национальная ориентированность исторической науки и учебников по истории
23	Русская национальная ориентированность тематики и идейного содержания в архитектуре
24	Русская национальная ориентированность тематики и идейного содержания в живописи
25	Русская национальная ориентированность тематики и идейного содержания в литературе
26	Русская национальная ориентированность тематики и идейного содержания в монументальном искусстве
27	Русская национальная ориентированность тематики и идейного содержания в музыке
28	Русская национальная ориентированность тематики и идейного содержания в театре и кинематографе
29	Русские традиции в государственной символике
30	Сохранение русских традиций, русского культурного наследия
31	Уровень самоидентификации русских в зарубежной диаспоре
32	Уровень самоидентификации русских во внешней политике
33	Уровень самоидентификации русских во внутренней политике
34	Чувство национальной гордости у русского народа

Необходимо отметить, что данный перечень фактически ведет к представлению о конкретных параметрах управления в рамках государственной политики, направленной на управление демографическим состоянием. В реальности показателей-параметров управления больше, но это не отразилось на устойчивости полученных количественных оценок факторов. Перечень приведенных параметров определялся также в соответствующей экспер-

тной сессии. Их перечень был ограничен исключительно тем обстоятельством, что больше независимых и значимых показателей-параметров эксперты назвать не смогли.

Оценка роли и качества государственной политики давалась для каждого частного показателя в отдельности и для каждого временного отрезка. Всего количество оценок, проставленных каждым экспертом, составило 1584. В конечном усредне-

нии участвовало соответственно 38016 количественных значений.

При выборе количества экспертов необходимо иметь в виду, что с одной стороны, малое их количество (в пределах один эксперт), являясь благоприятным фактором снижения издержек процедуры, не обеспечивает уровня качества их интегрального результата, необходимого для принятия обоснованных итоговых оценок. С другой стороны, большое количество экспертов обуславливает обратную ситуацию, также не содействующую условиям оптимальности получения результата.

При определении приемлемой численности экспертов⁴ необходимо исходить из методологических посылок, сформулированных, во-первых, в классической теории тестов. В ней доказано, что зависимость роста надежности агрегированных суждений испытуемых и величины агрегата (число испытуемых) описывается ускоренно убывающей экспонентой⁵.

Во-вторых, в пионерной работе Р. Либби и Р. Блэшфилда⁶, в которой на основе анализа модели агрегирования экспертных суждений с равными весами, линейной и нелинейной «моделей человека»⁷ доказано, что точность суждений и оценок, выполненных небольшой группой экспертов, не уступает таковым, полученным большой группой экспертов. При этом индивидуальное и медианное значение точности оценок, полученных тремя экспертами, соответственно, на порядок и вдвое отличается от таковых, полученных одним или двумя экспертами, затем незначительно возрас-

тает, достигая максимума в интервале от пяти до девяти экспертов. Отсюда следует, что если веса экспертов равны и значение имеет только итоговая коллективная экспертная оценка, измеряемая стандартным отклонением от значения индивидуальной оценки, то оптимальное количество экспертов с учетом критерия затрат равно трем. В случае, если процедура коллективной экспертной оценки используется для увеличения точности итоговой оценки, необходимо большее число экспертов, равное (5–9). Кроме того, в случае, когда точность начальных индивидуальных оценок экспертов (частично связанная с уровнем их компетентности, который в целом, однако, полагается приемлемым) оставляет желать лучшего, в дальнейшем увеличение точности их коллективной оценки за счет повышения индивидуального качества работы достигается быстрее и дешевле, чем за счет привлечения дополнительного числа экспертов⁸.

С целью получения представления об устойчивости экспертной оценки, которая может естественным образом зависеть от субъективного человеческого фактора, в данном конкретном эксперименте была рассчитана зависимость ее среднеквадратичного отклонения от числа экспертов. Как видно из графика на рис. 3 среднеквадратичное отклонение вначале растет с увеличением количества экспертов, но затем выходит на практически неизменный уровень, начиная уже с шести экспертов. В экспертной же сессии принимало участие 24 эксперта, что заведомо гарантирует устойчивость оценки.

⁴ Эта часть работы выполнена при консультациях Порфирьева Б.Н.

⁵ См., например: Петров Э.Г., Новожилова М.В., Гребенник И.В., Соколова Н.А. Методы и средства принятия решений в социально-экономических и технических системах. Учебное пособие. Под общ. ред. Петрова Э.Г. Херсон, 2003; Челышкова М.Б. Теория и практика конструирования педагогических тестов. М., 2001; Hambleton R. K., Swaminathan H. Item Response Theory: Principles and Applications. Kluwer. Nijhoff Publishing, 1983; Lord F. M., Novick, M.R. Statistical theories of mental test scores // Reading Mass: Addison-Wesley, 1968.

⁶ Libby R., Blashfield R. Performance of a composite as a function of a number of judges // Organizational Behavior and Human Performance. 1978. Vol. 21. P. 121–129.

⁷ Dawes R., Corrigan I. Linear models in decision making // Psychological Bulletin. 1974. Vol. 81. P. 95–106; Goldberg, L. Man versus model of man // Ibid. 1970. Vol. 73. P. 422–432; Libby R. Man versus model of man: Some conflicting evidence // Organizational Behavior and Human Performance. 1976. Vol. 16. P. 1–12.

⁸ См.: Einhorn R., Hogarth R., Klempner E. Quality of group judgment // Psychological Bulletin. 1977. Vol. 84. P. 158–172; Libby R., Blashfield R. Op. cit.

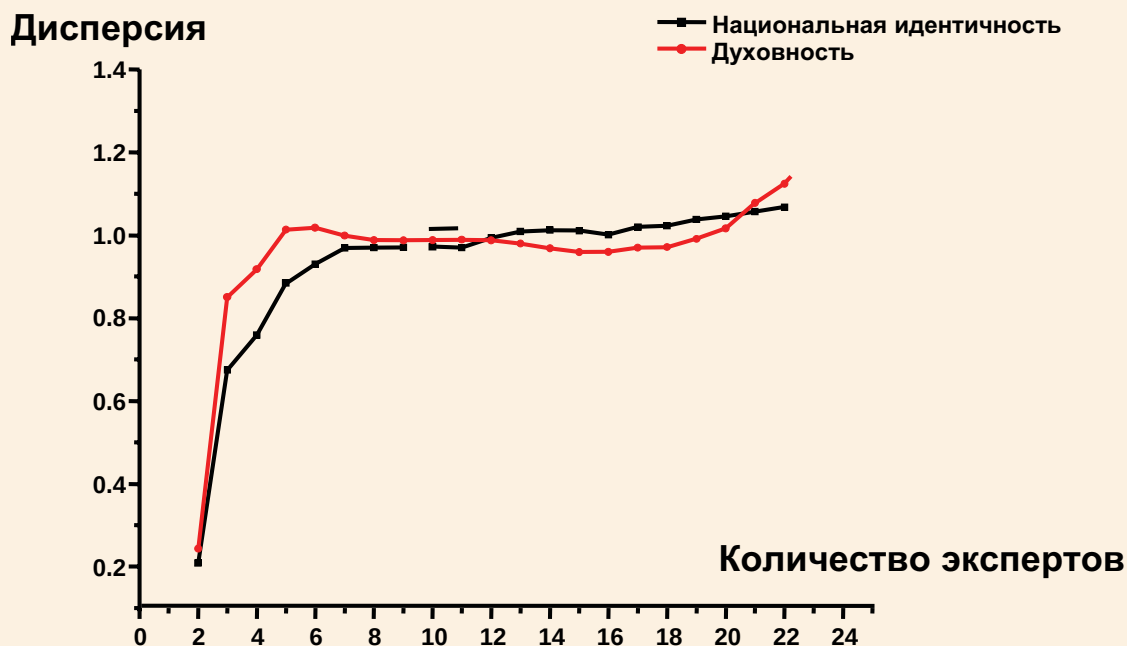

Рис. 3. Зависимость среднеквадратичного отклонения оценок показателей национальной идентичности (русскости) и духовности общества от количества экспертов

Рост дисперсии при числе экспертов от двух до шести как раз и отражает субъективизированный фактор подобного рода оценки. Однако факт независимости дисперсии оценки от количества экспертов в

диапазоне от шести до двадцати двух экспертов доказывает, что фактор субъективизма имеет ограниченный характер.

Сама величина дисперсии оценки оказалась минимальной, что очень существенно

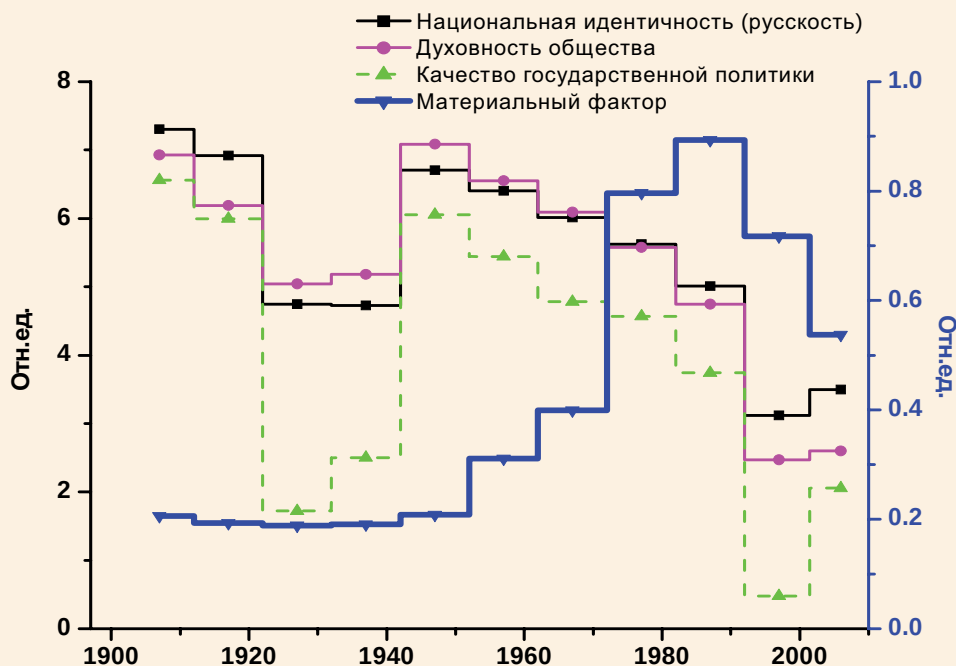

Рис. 4. Временные ряды национальной (цивилизационной) идентичности (русскости) российского государства, идейно-духовного состояния российского общества, качества государственной политики, материального состояния как факторов демографического развития

с точки зрения надежности идентификации явлений, имеющих место на временных рядах (рис. 3).

В результате оцифровки получены усредненные (по всем экспертам) временные ряды показателей идейной духовности российского общества, национальной идентичности государственности и роли государственной политики за период с 1897 г. по 2005 г. (рис. 4). На этом же рисунке приведен временной ряд в том же формате для совокупного материального фактора.

Не вызывает сомнений, что характерные особенности таким образом построенных факторных рядов отражают не субъективизм мнений экспертов, а объективные явления, имеющие свою природу и смыслы. Видны, например, долговременные исторические тренды, на их фоне явления с более быстрой исторической изменчивостью. Идентифицируются периоды коллапсов российской государственности.

Чрезвычайно важен последний период, совпадающий с приходом к власти Президента В.В. Путина и его политики, которая коррелирует и поддерживает оптимистический, хотя и очень слабый, поворот кривых.

Возможно, что это знаменует собой окончание действия губительных для российской государственности и, как доказы-

вает настоящая работа, для демографического состояния множественных процессов. Хотя теоретически необходимо допустить вероятность того, что возможно, это не системный осознанный и целенаправленный процесс поворота и закладки нового государственно-политического курса, учитывая в целом низкий уровень качества и противоречивость современной государственной политики, а флуктуация, или даже конъюнктурная перелицовка кем-то чьих-то «проектов» формирования российской действительности.

Результаты корреляционного анализа представлены ниже.

В табл. 2 приведены интегральные коэффициенты корреляции для исследуемых факторов и функций отклика. Данные приведены для трех временных фильтров, реализованных за счет изменения длины интервала скользящего среднего при обработке временных рядов (1; 5; 10 или 20 лет).

Из данных, представленных в таблице, следуют важные выводы.

Во-первых, видна как полярность (прямое или обратное) влияние фактора на отклик, так и его значимость. Во всех случаях (за некоторым исключением для смертности) причинная связь усиливается с ростом временного интервала усреднения,

Таблица 2
Интегральные коэффициенты корреляции для периода 1897–2005 гг.

	Интервал усреднения	Рождаемость	Смертность	ОПЖ	Коэффициент витальности	Сальдо миграции
Национальная (цивилизационн.) идентичность государства	1 год	0,35	–0,22	0,26	0,32	–0,57
	5 лет	0,41	–0,34	0,54	0,55	–0,41
	10 лет	0,62	–0,28	0,68	0,69	–0,56
	20 лет	0,66	–0,16	0,75	0,68	–0,79
Идейно-духовное состояние российского общества	1 год	0,40	–0,23	0,31	0,37	–0,66
	5 лет	0,47	–0,36	0,60	0,58	–0,51
	10 лет	0,64	–0,32	0,75	0,74	–0,66
	20 лет	0,63	–0,28	0,82	0,73	–0,86
Качество государственной политики	1 год	0,17	–0,29	0,19	0,29	–0,48
	5 лет	0,23	–0,41	0,38	0,40	–0,28
	10 лет	0,44	–0,27	0,53	0,54	–0,47
	20 лет	0,57	–0,24	0,59	0,61	–0,71
Материальный фактор	1 год	0,07	0,25	0,10	0,12	0,43
	5 лет	0,10	0,33	0,13	0,20	0,51
	10 лет	0,13	0,12	0,38	0,28	0,68
	20 лет	0,21	0,14	0,50	0,49	0,88

что показывает инерционный характер демографического отклика на факторное воздействие. В этой связи ниже проведены корреляционные вычисления связей с лагом по времени, которые в явном виде показывают эту временную задержку, а также исторические циклы факторного влияния.

Парадоксом является антикорреляция смертности с материальным фактором. Еще более наглядно это будет проявляться на корреляционных зависимостях с временным лагом. Объясняется этот парадокс особенностями российской цивилизации, связи демографических показателей с ментальными, психологическими механизмами в большей степени, чем с материальным влиянием уровня благосостояния. К тому же нелинейный общецивилизационный для всего человечества тренд зависимости смертности от материального фактора показывает, что обратная связь вполне объективно может существовать.

Коэффициент витальности России, как наиболее интегративный демографический показатель, в наибольшей степени определяется идейно-духовным состоянием российского общества ($R = 0,73$). Следующим по значимости является фактор национальной (цивилизационной) идентичности российской государственности ($R = 0,68$). Далее следует роль и качество государственной политики ($R = 0,61$) и последним по значимости оказывается материальный фактор ($R = 0,49$).

Отсюда следует иерархия приоритетности усилий в программе государственной политики по выводу России из демографического кризиса.

Заметно насыщение роста коэффициента корреляции для коэффициента витальности по мере увеличения временного отрезка фильтрации при значениях 10–20 лет. Исключение составляет государственная политика, для которой насыщения не получено. Это означает, что максимальный отклик при воздействии на идейно-духовное состояние, национальную идентичность может быть получен примерно через 10 лет. Сама же государственная политика «закладывает» последствие для устойчивости и государственной успешности на значительную перс-

пективу, более 20 лет. Отсюда следует важное следствие — то, что делает власть сегодня, будет отзываться еще десятилетия. Пожнать плоды будут даже внуки. Более точные временные задержки последствий факторного влияния будут видны на графиках с временными лагами.

Материальный фактор, судя по данным таблицы, — не является эффективным регулятором демографического состояния в части рождаемости, смертности и продолжительности жизни. Вывод на первый взгляд странный, но он отражает глубинную природу российской (русской) православной цивилизации. «Не хлебом единым жив человек».

Далее будет еще более наглядно видно, что материалистически-потребительская основа западной цивилизации противоположна идейно-духовной природе российской цивилизации. Больше того, выявляется два типа исторических «движителей» цивилизационного развития, два типа эволюционного прогресса. Материалистический (запад) и идейно — духовный, характерный для России (и для востока). Они противоположны. И если запад с успехом использует достижения материального прогресса для своего благополучия, то навязывание России только этого типа цивилизационного развития «смерти подобно» в прямом смысле этого слова.

В отличие от этого заметно, что миграция в положительном своем сегменте определяется только материальным фактором. Все остальные факторы действуют противоположным образом.

В принципе это следует понимать так, что национальная идентичность, идейная духовность, качественная государственная политика исторически противоположны самой идее об иммиграции.

Следует отметить, что корреляционная зависимость построена по всему исследованному историческому периоду в целом, однако можно поставить вопрос — а не меняется ли соотношение между уровнями влияния различных факторов в отдельные периоды времени? С этой целью коэффициенты корреляции были вычислены для нескольких исторических отрезков. Пример полученных результатов приведен на рис. 5.

Рис. 5. Коэффициент корреляции разных факторов с показателем смертности на отдельных исторических отрезках

Из этих расчетов вытекает вывод, что в конкретных исторических условиях факторная картина влияния на демографическое состояние имеет различные и специфические комбинации факторов по их значимости и типу влияния, что необходимо учитывать в практике текущего и прогнозируемого государственного управления демографическим развитием. Абсолютно неизменных рецептов, как видим, раз и

навсегда установленных — не существует. Методологическим выводом является тезис о целесообразности применения методики экспертных оценок для оцифровки слабо формализуемых в традиционной гуманитаристике процессов развития общественного сознания.

НЕЗАКОННАЯ МИГРАЦИЯ НА ЮГЕ КАЗАХСТАНА: ТРЕВОЖНЫЙ СИМПТОМ?

Т.Ш. Арифуллина

Волгоградский Государственный Университет; Факультет Истории и Международных отношений; Член Молодежного отделения РАПН

Незаконная миграция¹ — одна из современных проблем мирового сообщества, охваченного процессом глобализации, поскольку связана она с вопросами обеспечения безопасности. Особенно остро эта проблема стоит для государств, которые уже сумели достичь определенных экономических успехов.

Республика Казахстан (РК) — одно из наиболее динамично развивающихся государств бывшего СССР. В силу своего географического положения эта страна выступает своеобразным буфером между Европой и более исламизированной Центральной Азией, поэтому перспектива ее превращения в один из главных на постсоветском пространстве центров притяжения незаконных мигрантов выглядит вполне вероятно. Неконтролируемые миграционные потоки, возросшие после распада СССР, превратились для РК в источник серьезных социальных, экономических и даже политических проблем. Особенно это касается южных районов государства, где помимо перечисленных трудностей имеются также нерешенные территориальные вопросы, что явно ставит в шаткое положение успешное функционирование здесь системы безопасности. В казахстанском обществе довольно распространена идея о том, что неконтролируемая миграция является негативным процессом, пагубно воздействующим на экономику, этнодемографическую и криминогенную ситуацию. С другой стороны существуют и противоположные представления, в соответствии с которыми незаконная миграция предстает закономерным процессом современного глобализующегося мира. В этой связи звучат призывы к использованию положительного потенциала миграции для улучшения экономической и демографической ситуации в стране.

¹ «Незаконная миграция — это въезд из одной страны в другую, не разрешаемый властями одной или обеих стран. Незаконный мигрант въезжает в страну вне пунктов контроля, избегает досмотра официальными лицами, получает разрешение обманным путем или иным образом нарушает иммиграционные законы». (Е. Садовская). Необходимо отличать ее от **нелегальной миграции**, которая представлена лицами, въехавшими в государство законным способом, с соблюдением всех правил, однако не покинувшими территории государства по истечении заявленного в визе срока пребывания либо не оформившими миграционную карту (незарегистрированных в местных органах внутренних дел). В настоящей работе основной упор делается на исследование первого типа миграции.

Если рассматривать трансграничные миграционные процессы в РК в контексте безопасности, то одним из главных вопросов, имеющих как теоретическую, так и практическую значимость, будет **оценка адекватности тех мер, которые предпринимаются в ответ на вызов нелегальной миграции.** В связи с этим нами был определен ряд задач:

1) выяснить причины, структурные особенности, масштабы незаконных миграционных потоков и их степень влияния на социально-экономическое состояние южных приграничных областей республики;

2) установить предел опасности, которую незаконная миграция представляет для юга страны;

3) оценить эффективность мер противодействия нелегальной миграции с этим явлением на национальном и региональном уровнях;

4) предложить рекомендации по борьбе с незаконным трафиком людей.

Соответственно, в первой части анализируются социальные, экономические и другие характеристики южного приграничья Казахстана, что позволяет оценить как его притягательность для нелегальных мигрантов, так и стабильность социальной ситуации в его зоне. Вторая часть посвящена незаконной миграции: устанавливаются ее реальные причины и качественный состав. Выяснение маршрутов дает представление о размахе и степени организованности упомянутого процесса. Третья часть направлена на характеристику мер борьбы и на выявление проблем, мешающих эффективно контролировать незаконные миграционные потоки на юге государства. В заключении сопоставляются необходимость и возможность контроля над незаконной миграцией.

Характеристика приграничных областей Казахстана

Общая протяженность государственной границы Казахстана составляет 14 тыс. км.

Из них около 3600 км приходится на южные границы, еще 7500 км — на российско-казахстанскую и 1740 км — на казахстанско-китайскую границу. В административном плане РК поделена на 14 областей, 12 из которых являются приграничными. С Узбекистаном граничат три области республики — Южно-Казахстанская, Кызылординская, Мангистауская и Актюбинская; с Киргизией — Алматинская и Жамбылская; с Туркменией — Мангистауская. 7 областей прилегают к границе Казахстана и РФ: Атырауская, Западно-Казахстанская, Актюбинская, Кустанайская, Северо-Казахстанская, Павлодарская и Восточно-Казахстанская. Для Китая сопредельными являются Алматинская и Восточно-Казахстанская области.

Равнинная местность, степная и пустынная зоны, по которым проходит казахстанско-узбекская граница, хребты Киргизский Алатау и Каратау — на границе с Киргизией, плато Устюрт и пустыня, в зоне которых расположена казахстанско-туркменская граница, засушливый климат и водные препятствия на границе Китая и Казахстана — все это во многих случаях создает серьезные препятствия для легального трансграничного сообщения, но далеко не всегда является помехой для нарушителей южных границ РК.

С точки зрения **транспортной инфраструктуры** наиболее контактной является российско-казахстанская граница, о чем свидетельствует развитая сеть коммуникаций. Границу с Россией пересекают 16 железнодорожных магистралей, 6 автомагистралей, 36 дорог с твердым покрытием. На юге по своей контактности выделяется казахстанско-узбекская граница, прежде всего, участки Восточно-Казахстанской и Жамбылской областей. Ее пересекают 14 железных дорог и около 20 значительных автодорог. На границу Казахстана и Киргизии приходится 1 железная дорога и 4 значительные автодороги. 1 автодорога пересекает границу с Туркменией². Наличие относительно развитой инфраструктуры с одной стороны усиливает вза-

² Голунов С.В. Российско-казахстанская граница. Проблемы безопасности и международного сотрудничества (рукопись). М. 2005. С 117.

имозависимость сопредельных государств друг от друга, предоставляя широкие возможности для трансграничной торговли и иных контактов. В этом смысле закрытие границы вызовет к жизни массу проблем социально-экономического характера, что может негативно отразиться на состоянии приграничных областей. Особенно это касается Киргизии, которая имеет известные проблемы с транспортировкой, будучи замкнута внутри Центральной Азии. С другой стороны, коммуникационный потенциал границ создает дополнительные возможности для лиц, стремящихся незаконно проникнуть на территорию республики.

Несмотря на достаточно суровые природные условия (резко континентальный климат), преобладающая часть приграничных территорий Казахстана является достаточно густонаселенной. В приграничной зоне сконцентрировано более 70% населения страны. При этом более 30% проживает в административных районах, непосредственно прилегающих к границам России — 12%, Узбекистана — 8%, Киргизии — 6%, Китая — 5,5% и Туркмении — 0,2%³. В приграничье компактно проживают представители различных национальностей. В большинстве приграничных областей (кроме Костанайской, Северо-Казахстанской и Павлодарской областей, где на первом месте по численности находятся русские) преобладает титульная этническая группа, т. е. — казахи. В южном приграничье Казахстана особенно велика доля выходцев из соседних с ним стран: Узбекистана (58%), Кыргызстана (9%) и Туркменистана (6%)⁴. Отдельного внимания заслуживает полиэтническая Южно-Казахстанская область, где проживает крупная по численности узбекская община (почти 90% всех узбеков РК), которая, однако, составляет значительное меньшинство населения региона. Так, согласно переписи населения

1999 г. в ЮКО проживало 332202 узбека, что в 4 раза меньше количества казахов (их насчитывалось 1340889 человек). В процентном соотношении это 17% и 70% соответственно⁵.

Как представляется, статистические данные, отражающие национальный состав населения в большинстве случаев примерно определяют пропорции населяющих Казахстан этнических групп. Что касается этнических меньшинств, то они довольно дисперсно рассеяны по всей территории республики и сосредоточены, главным образом, в городах. Как на юге, так и на севере республики имеются крупные общины, проживающие в сельской местности. Например, в Алматинской области киргизское население сельских районов превосходит численность городского в 4 раза и составляет 995 и 236 человек соответственно⁶. Наиболее ярко это преобладание просматривается в ЮКО, где довольно большая часть таджиков, туркмен и узбеков живут в селах⁷. Приведенные факты часто служат почвой для созревания в обществе идей о заселении приграничных районов Казахстана этническими группами из сопредельных стран и политике, направленной на захват и присоединение южных казахстанских территорий. Аналогичные взгляды можно встретить и в северных областях, где в качестве потенциальных захватчиков казахстанских земель выступают русские общины.

Пестрый этнический состав южного приграничья Казахстана, более высокий уровень религиозности его населения по сравнению с другими частями страны наряду с сохраняющимися на неофициальном уровне взаимными территориальными претензиями, вызывает у общественности и части экспертов опасения относительно возможности развития конфликтов на этнической и даже религиозной основе.

Опасность роста ирредентистских настроений усиливается в связи с неоднородной социально-экономической ситуацией

³ Голунов С.В. Там же. С. 120.

⁴ Терещенко Т.А. Особенности иммиграционных процессов в приграничных областях Казахстана. Сб. Фронтьерские миграции. С 189.

⁵ Национальный состав населения Республики Казахстан. В 2-х т. / Под ред. А. Смаилова. Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2000.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

в приграничных районах РК. Наименее развитыми в Казахстане считаются, как раз, густонаселенные и неоднородные в этническом плане южные области. Об этом свидетельствуют данные комитета РК по статистике. В январе 2006 г. среднедушевые денежные доходы населения в Казахстане составили 16071 тенге. Самые низкие денежные доходы на душу населения по итогам на 2006 г. наблюдались у жителей Южно-Казахстанской, Жамбыльской и Алматинской областей — соответственно: 51,9% и 54,2% и 66,6% от среднереспубликанского уровня⁸. Суммарный ВРП северных регионов РК (включая Кустанайскую область) составил 49,5% от общенационального. Для 5 южных областей эта цифра была равна 21,1%, что говорит о низкой доле последних в экономике страны. В частности, максимальный показатель ВРП (на 2004 г.), отмеченный в Атырауской области в 6 раз превосходил минимальный — в Жамбыльской области (соответственно 12,78% и 2,29% от общего ВРП). Если принять во внимание, что средний уровень ВРП был равен 6,25%, то лишь 2 области, кроме Атырауской: Карагандинская и Восточно-Казахстанская превзошли эту цифру⁹. С другой стороны, доля южного регионального центра — Алматы в 2,5 раза превзошла ВРП северного регионального центра — Астаны и составила здесь 16,09% от общенационального объема ВРП¹⁰. Хотя приведенные данные отчасти свидетельствуют о неравномерном развитии регионов внутри Казахстана, южные районы все же занимают достаточно скромное место в экономике страны.

Однако, даже, несмотря на сравнительную отсталость ряда регионов, очевидно, что Казахстан является намного более обеспеченным государством, чем соседние Киргизия или Узбекистан, включая их районы, прилегающие к границе Казахстана.

Об этом, например, свидетельствует состав трудовых мигрантов из Узбекистана, среди которых много городских жителей Ташкента. Они направляются именно в сельские приграничные районы южного Казахстана, и это притом, что обычно внешние миграции характеризуются переселением из села в город. О миграционной привлекательности южных провинций можно судить по соотношению показателей минимальной заработной платы Казахстана и сопредельных государств. Так, в Киргизии эта цифра равна \$ 2,44, в Узбекистане — \$ 6,19, в Таджикистане — \$ 2,31¹¹, на юге Казахстана — \$ 8,1¹². В этом смысле неудивительно, что значительное количество трудовых мигрантов, выезжающих на заработки из азиатских стран СНГ, направляются именно в РК. Исключение составляют лишь мигранты из Китая, которые часто приезжают работать в Казахстан, имея при этом более сносные условия для существования на родине по сравнению с центральноазиатскими гастарбайтерами.

В целом можно говорить о том, что южная приграничная зона Казахстана представляет собой особый социум. Его отличают значительная доля выходцев из сопредельных государств в этническом составе населения и относительная отсталость от среднереспубликанского уровня экономического развития. Важную роль играет коммуникационный потенциал южного пограничья, обеспечивающий необходимые трансграничные связи между населением приграничных районов. Представляется, что полноценное сообщение между приграничными районами Южного Казахстана и сопредельными странами является важнейшим условием, как для полноценного экономического развития соответствующих республик, так и для снижения потенциала этнической конфликтности.

⁸ Социально-экономическое развитие регионов в январе-феврале 2006 года. Агентство РК по статистике. <http://www.stat.kz/stat/index.aspx?p=news_827&l=ru>.

⁹ Регионы Казахстана, 2005. Статистический сборник. / Под ред. Абдиева К.С. — Алматы, 2005. С. 205.

¹⁰ Там же. С. 207.

¹¹ Уровень жизни в Казахстане. Статистический сборник / под ред. Ю.К. Шокманова. — Алматы, 2005. С. 279.

¹² Социально-экономическое развитие регионов в январе-феврале 2006 года. Там же.

Причины и структура незаконной миграции через южные границы РК

На протяжении своей истории территория Казахстана была местом, где происходили интенсивные этномиграционные процессы. Не стал исключением и советский период, на протяжении которого этнический состав республики не раз серьезно менялся. С распадом Советского Союза новые государства, включая РК, вместе с независимостью обрели массу проблем, которые до этого момента удавалось решить в пределах СССР. Казахстан, который ранее имел охраняемую границу только с Китаем, получил более 12 тыс. км неохраняемых границ, через которые проходят далеко не всегда контролируемые миграционные потоки не только из соседних стран СНГ, но также из Афганистана, Пакистана и прочих неблагополучных стран. По оценкам миграционной полиции, поток проезжающих только транзитом через территорию Казахстана в последние годы увеличился с 60 тыс. в 1997 г. до миллиона человек в 2005 г.¹³

В настоящий момент причины, стимулирующие незаконную миграцию в РК можно условно разделить на две группы: объективные (геополитические, исторические, системные) и мотивационные (социально-экономические) причины.

Геополитическое положение Казахстана между Европой и Азией предопределило будущее республики в качестве центра притяжения для лиц, преследующих цели выезда в европейские страны и на американский континент. Кроме того, что существенное влияние на характер незаконной миграции оказывает **прозрачность границ Содружества**. Так, Киргизская Республика как член ВТО имеет безвизовые режимы с другими участниками данной организации. Она же входит в безвизовое пространство СНГ. Таким об-

разом, граждане третьих стран, которые не имеют границ с государствами Содружества, могут проникать в них через территорию страны. По оценкам правоохранительных органов Республики Казахстан через проблемную киргизско-казахстанскую границу проникает большая доля граждан Афганистана, Пакистана, Бангладеш и других стран повышенного миграционного риска¹⁴.

Еще одним внутренним фактором, стимулирующим процветание незаконной миграции, является **тяжелое социально-экономическое положение жителей приграничных районов Казахстана и сопредельных стран**. Для многих из них содействие нелегальной транспортировке людей через слабо охраняемые участки границы очень часто становится единственно возможным способом выживания. С другой стороны, с этой темой тесно связана **проблема коррупции** пограничников, которые порою вместе с так называемыми «проводниками» вовлечены в незаконный трафик людей. Как отмечает казахстанский исследователь Е. Садовская, в республиках Центральной Азии уже сложилась разветвленная сеть высоко доходного бизнеса, включающего отдельных коррумпированных представителей исполнительных органов, бюро, типографии и переводчиков¹⁵. Они хорошо оснащены технически (об этом говорит, например, высокое качество поддельных паспортов, печатей, документов, приглашений, виз и т. д.), что позволяет им легко реагировать на изменение обстановки в пунктах пропуска через границу и вносить коррективы в работу всех взаимодействующих лиц, участвующих в бизнесе по нелегальной транспортировке людей за рубеж.

Среди незаконных мигрантов, задержанных на южных границах Казахстана, часто выявляют граждан соседних государств — Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, которые, имея право беспрепятственного

¹³ *Воротной И.* Интервью с начальником информационно-аналитического отдела управления учета и гражданства департамента миграционной полиции МВД РК Евгением Щербаковым <<http://www.izvestia.kz/news.php?date=05-07-05&number=4>>

¹⁴ *Сарсембаев М.А.* Борьба с контрабандой мигрантов, незаконной миграцией в Казахстане и Международное право. <<http://www.kisi.kz/Parts/NatSec/22-11-05%D1%E0%F0%F1%E5%EC%E1%E0%E5%E2%20%CC%20%CO.pdf>>.

¹⁵ *Садовская Е.* Незаконная миграция и проблемы ее предупреждения. Мысль. 2002. № 2.

передвижения в рамках СНГ, вместо того, чтобы пройти процедуру регистрации предпочитают нелегально проникать в страну. Такое поведение нередко является следствием **вымогательства** на границах Казахстана. Необходимо отметить, что поборы на таможенных и пограничных постах — проблема не только Казахстана, но также РФ и южных стран Содружества. Порою для того, чтобы попасть на территорию РК, иностранному гражданину необходимо платить каждый раз при въезде и выезде. Картину дополняет **сложная процедура оформления въездных документов**. Так, «чтобы проехать в Казахстан официальным путем, узбекским гражданам надо предъявить какое-либо обоснование: будь то телеграмма о смерти родственника, билет на самолет или направление в больницу»¹⁶. Для жителей приграничных поселков, многие из которых совершают поездки через границу ежедневно, подобная «система» разорительна и громоздка. Поэтому они предпочитают обходной вариант.

Однако, основная причина, которая толкает огромные людские массы на незаконное пересечение границы — **нестабильная социально-экономическая обстановка в регионе**, осложняющаяся безработицей. Это в большей степени объясняет направление незаконных миграционных потоков в самую развитую страну в Центральной Азии — РК. Исследователи Л. Максакова и В. Чупик, изучавшие проблемы нелегального трафика из Узбекистана, отмечают, что более 70% респондентов выезжают с целью прокормить семью, менее 10% — заработать на открытие собственного бизнеса, на крупные покупки (жилье, автомобиль), на учебу или лечение, получить профессию, завязать деловые связи и т. д., менее 2–3% работают легально и на высококвалифицированных или квалифицированных видах труда¹⁷. М.А. Сарсембаев в результате опроса таджикских мигрантов, мигрировавших в Алма-Аты в 2002 г. и попавших здесь в неле-

гальное положение, выявил специфические причины их эмиграции из Таджикистана. Среди них на первом месте оказалась безработица (эту причину указали 40 человек, или 60% от общего числа 70-ти опрошенных); на втором — тяжелое материальное положение семьи (12 человек, или 17%); на третьем — выгода для работодателя использовать нелегальных мигрантов в силу дешевизны их труда и быстрое трудоустройство мигранта в этой связи (10 человек, или 12%); и, на четвертом — отсутствие документов, потеря их (8 человек, или 11%)¹⁸. Таким образом, подавляющее большинство респондентов назвало именно социально-экономические мотивы.

Незаконная миграция на южных границах РК представлена **двумя категориями** лиц:

1) транзитными мигрантами из Южной и Юго-Восточной Азии и

2) гораздо более многочисленной группой граждан стран бывшего СССР, в первую очередь выходцами из Узбекистана, Киргизии и Таджикистана.

Незаконные мигранты из стран дальнего зарубежья, как правило, рассматривают территорию РК как транзитный путь на Запад — в Германию, Францию, Голландию, Англию, где имеются многочисленные афганские диаспоры. По данным пограничных служб РК на 2000 г., афганские граждане ежегодно составляли в среднем 21,4% пакистанские — 18,4% от всего числа депортированных¹⁹. При этом в числе задержанных в тот же период на российско-казахстанской границе незаконных мигрантов из стран «дальнего зарубежья» доля афганцев оказалась в несколько раз выше. Так, по сведениям Пограничной службы РФ, в 1997–1999 гг. на границе с Республикой Казахстан было задержано 1965 незаконных иммигрантов, из них 1538 — граждане Афганистана, за 7 месяцев 2000 г. из 334 человек 168 оказались афганцами²⁰.

¹⁶ Доброта Л. Пора наводить порядок. Нелегальная рабсила и «проходные территории» на юге Казахстана, <<http://centrasia.org/newsA.php4?st=1092724740>>.

¹⁷ Таксанов А. Трафик людских ресурсов: тенденции Узбекистана 23.07.03. <<http://www.mpra.ru/analytics/issue.php?id=187>>

¹⁸ Сарсембаев М.А. Там же.

¹⁹ Садовская Е. Там же.

²⁰ Носатов В. Кто остановит незаконную миграцию? <http://www.nasledie.ru/oboz/n10_01/ind>.

Как и в других подобных случаях, оценки численности представителей стран дальнего зарубежья, пытающихся незаконно проникнуть в Казахстан, серьезно различаются. Так, МВД РК обнародовало информацию, согласно которой в 2001 г. только на казахстанско-киргизской границе было «сосредоточено около четырех тысяч нелегальных иммигрантов — граждан Афганистана, Пакистана, Шри-Ланки и Таджикистана». По уверению министра МВД Булата Исакова они намеревались «незаконно проникнуть на территорию Казахстана для дальнейшей эмиграции в Россию и на Запад»²¹. В то же время представители пограничных служб называют более скромные цифры: за три первых месяца 2002 г. в Южно-Казахстанской области, было задержано «24 нелегальных мигранта из дальнего зарубежья. В Алматинской области — 18, Кзыл-ординской — 32»²².

Таким образом, внушительные цифры, которые фигурируют в оценках численности нелегалов, порою не основываются на сколько-нибудь достоверной информации. На основе открытых источников почти невозможно найти убедительные доказательства и утверждения компетентных органов и СМИ о том, что в миграционных потоках **возрастает количество террористов и экстремистов**: в сообщениях спецслужб можно найти лишь единичные факты такого рода. Возможно, что основная цель подобных утверждений — привлечь больше внимания и средств к проблеме незаконной миграции, охране границ. Однако в этом случае не учитывается потенциальная опасность разжигания националистической розни в районах южного казахстанского приграничья. В свою очередь искусственно поддерживаемая «мигрантофобия, особенно с этнической окра-

ской, ставит под угрозу стабильность всего социума. Распространение этого явления в полиэтничном, поликонфессиональном регионе — тревожный симптом»²³.

Приходится осознать, что информация на тему государственной безопасности, в которой содержатся сведения о возможных задержаниях на границах РК нежелательных элементов, не афишируется. Однако было бы неверно говорить об отсутствии фактов задержания в Казахстане мигрантов, причастных к преступным группировкам, занимающимся экстремистской деятельностью. Так, в 2002 г. органы национальной безопасности РК задержали в Южном Казахстане гражданина Египта Мохаммеда Хафажа, Иордании — Мохаммеда Обейдата и турецкого студента Кадыра Ту, обучающегося в казахстанско-турецком университете в Туркестане. Им были предъявлены обвинения — в распространении литературы, утверждающей исключительность ислама и призывающей к насильственному свержению власти. Все трое были депортированы²⁴. По словам заместителя начальника КНБ Н. Дутбаева в 2004 г. сотрудниками КНБ была ликвидирована деятельность глубоко законспирированной террористической организации, которая поддерживала связь с Аль-Каидой и планировала создать на территории Южных регионов Казахстана базы по подготовке террористов. «В ходе расследования было установлено, что отдельные члены этой группировки непосредственно причастны к терактам, проведенным весной и летом прошлого года в Узбекистане. Известно, что среди членов группировки были граждане Казахстана»²⁵.

В свете приведенной информации наиболее реалистичной кажется точка зре-

²¹ Катков В. «Рука террориста N 1». Челябинский рабочий. 2001. 26 сентября. <<http://www.chelpress.ru/LANG=ru/newspapers/chelrab/archive/26-09-2001/1/A124734.DOC.shtml>>.

²² Жихорь Ю. Казахстан: Транзит нелегальных мигрантов. 2002. 17 мая. <<http://www.arba.ru/iwpr/1/articles/2002136-2.html>>.

²³ Русский архипелаг — Две миграционные системы в Европе: тенденции развития и перспективы взаимодействия, <http://www.archipelag.ru/agendo/povestka-immigration/strategii/dve-sistemi_3/>.

²⁴ Ермаков Т. Страсти по халифату // Парламентская газета. 2002. 2 ноября. <http://www.arba.ru/ru_press/4/articles/2002357-5>.

²⁵ Глава КНБ заявляет о попытках международных террористических организаций создать на территории РК базы по подготовке боевиков. <<http://www.antiterror.kz/?submenu=news&num=31&action=view17.08.05>>.

ния начальника информационно-аналитического отдела управления учета и гражданства департамента миграционной полиции МВД РК — Евгения Щербакова. Чиновник не отрицает наличие в общей массе нелегальных мигрантов лиц, прибывавших в разное время в Казахстан с целью пропаганды идей экстремизма, но при этом подчеркивает, что их число незначительно²⁶.

Незаконные мигранты из стран СНГ, в первую очередь из Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, составляют более половины всех задержанных на южных рубежах Казахстана. По официальной статистической информации порядка 98% таджиков²⁷, 65% узбеков²⁸ и 56,5% киргизов²⁹, ежегодно выезжающих на заработки, направляются в Россию. Они преследуют цель найти здесь работу, и, имея право безвизового въезда в РФ, в большей своей массе не заинтересованы в нарушении пограничного режима. Отчасти, по этой причине число задержанных мигрантов из Центральной Азии на российско-казахстанской границе — незначительно: в эту категорию попадают, в основном, лица, по разным причинам не имеющие необходимых для въезда документов. Неудивительно, что на первом месте по количеству нарушений паспортно-визового режима находятся граждане Юго-восточной Азии, а также Пакистана, Афганистана и Индии. Сказываются, по-видимому, и менее укрепленные южные рубежи Казахстана, а также функционирование хорошо отлаженных каналов переправки «транзитников» за границу.

На юге РК основную часть задержанных составляют жители приграничных поселков Киргизии и Узбекистана, которые в силу названных выше обстоятельств вынуждены нелегально пересекать границу. Их основная цель — заработок. По словам, началь-

ника регионального управления «Онтустик» Марата Мажитова, «для большинства узбекских нелегалов незаконное пересечение границы стало ежедневной нормой жизни. Утром узбеки стремятся пробраться в Казыгуртский или Сарыагашский район для поденных заработков на сельхозработах, а вечером они уезжают обратно домой — в Ташкент и пригороды»³⁰. Главное отличие данной категории от трудовых мигрантов в том, что **они не остаются на территории РК, т. е. не проживают там на нелегальном положении.** Возможно, что именно такого рода челночная миграция объясняет явный разрыв в оценке численности мигрантов, находящихся на территории Казахстана. Существующие данные характеризуют в большей степени количество нелегальных мигрантов, в то время как транзитная и собственно незаконная миграция вообще не поддается никаким оценкам.

Проблема заключается в том, что этот факт усиленно игнорируется: мигрантов обвиняют в ухудшении криминогенной обстановки, **причастности к распространению в южных районах РК экстремистских воззрений** религиозных организаций подобных Хизб-ут-Тахрир. Так, прокурор Южно-Казахстанской области Мухтар Жоргенбаев уверяет, что «нелегалы активно подпитывают криминальную среду», а наибольшее количество преступлений совершается гражданами Узбекистана³¹. В то же время представители правоохранительных органов ЮКО сообщают, что «трудовые мигранты, которые приезжают в Казахстан на заработки из Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и России, на преступления идут крайне редко. Они приезжают сюда честно заработать средства...»³². Столь очевидная противоречивость суждений даже представителей официальных структур, заставляет

²⁶ Воротной И. Там же.

²⁷ Саодат Олимова. Миграционные процессы в современном Таджикистане, <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0223/analit05.php#_FNR_1>.

²⁸ Людмила Максакова. Миграция населения из Узбекистана, <<http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/volume/36302.htm>>.

²⁹ Трудовая миграция из Киргизии: результаты социологического исследования, <<http://www.knews.ru/allnews/638398/>>.

³⁰ Шемратов Д. Стой, кто идет! <<http://www.gazeta.kz 23/07/04>>.

³¹ Доброта Л. Там же.

³² Тунник С. Там же.

крайне осторожно относиться к подобным оценкам, которые в некоторых случаях, возможно, имеют целью добиться расширения полномочий правоохранительных органов, выделения им дополнительной финансовой поддержки со стороны государства. Согласно официальной статистической информации в 2004 г., на 5 южных областей РК, включая город Алма-Аты, приходилось 34,6% всех преступлений, совершенных в стране. При этом минимальный процент правонарушений на душу населения наблюдался на юге республики. В Южно-Казахстанской области указанный показатель составил 0,4%, в Мангистауской — 0,8%, в ЮКО, Алматинской и Жамбылской областях — по 0,5%. Для оставшихся регионов данная цифра превысила 0,8%³³.

С другой стороны, когда речь идет о категории незаконных мигрантов, описанной выше, совершенно неоправданными кажутся мнения относительно конкуренции за рабочие места и увеличивающегося уровня безработицы. Кроме того, что эти мигранты не задерживаются надолго в РК, они выбирают тяжелые сельскохозяйственные профессии, на которые по общим замечаниям выходцев с юга согласится далеко не каждый казах (например, табаководство). Заместитель акима Южно-Казахстанской области Бахытжан Аширбаев считает, что «отчасти благодаря им цены на продукты питания у нас низкие, да и на многие другие вещи тоже. И не скажут так, как в других регионах: ...зарплаты у нелегалов маленькие, так что и себестоимость продукции и услуг невысока»³⁴. Поскольку наибольший поток гастарбайтеров распределяется между отсталыми южными областями РК, можно говорить о том, что они оказывают положительное воздействие на экономическое состояние юга республики. Кроме того, обеспечивается региональная экономическая безопасность: мигранты из менее развитых в хозяйственном плане республик оказываются обеспеченными рабочими местами, что невозможно на их родине.

Новые тенденции свидетельствуют о том, что нелегальные потоки, направленные в Казахстан и далее — в страны Европы, становятся более организованными и приобретают криминальный характер. **В функционировании данного бизнеса могут участвовать разветвленные преступные организации, которые порою включают в себя людей, живущих далеко за пределами Казахстана.** В качестве подтверждения можно привести данные Совета Национальной Безопасности Киргизии — страны, которая является едва ли не главными воротами проникновения нелегалов в Казахстан. В 2004 г. спецслужбами государства были задержаны 32 граждан Бангладеш, которые прибыли в страну, воспользовавшись услугами бангладешской туристической фирмы. Каждый заплатил за услуги от \$ 1,5 до \$ 2 тысяч. По собственным признаниям задержанных, «представители этой фирмы работают во всех странах Центральной Азии, в столице России и других государств Европы»³⁵. Механизм реализации таков: организуется фирма и вербуются люди из разных стран, в обязанности одних входит встреча, в обязанности других предоставление жилья и перевозка незаконных мигрантов по территории государства пребывания на срок до отправки в Европу. Все участники этих длинных цепочек получают зарплату согласно вкладу и степени риска. Таким образом, на территорию Казахстана попадает большинство мигрантов из стран Южной и Юго-восточной Азии: Пакистана, Афганистана, Бангладеш и Шри-Ланки.

Уже вскоре после появления незаконных мигрантов из дальнего зарубежья на южных рубежах Казахстана, возникла устойчивая система их проникновения в республику по отлаженным каналам. Наиболее часто встречающийся вариант — **использование паспортов граждан других государств, с которыми Казахстан имеет безвизовый, либо упрощенный режим пропуска.** К таким методам по данным правоохранительных органов прибегают граждане Афганистана

³³ Уровень жизни в Казахстане. Там же. С. 186.

³⁴ Иконников А. Там же.

³⁵ Спецслужбы Киргизии обнаружили международный канал по перевозке незаконных мигрантов, <http://www.mirtv.ru/rubrics/6/7131_1.htm 12.08.2004>.

и Пакистана. По сообщению МИД РК за 2 дня сентября 2001 г. из 700 человек, имевших паспорт Таджикистана и, пытавшихся въехать на территорию Казахстана 100 оказались гражданами Афганистана. В связи с данными происшествиями РК закрыла свои границы для граждан Таджикистана³⁶.

По сведениям оперативников среди **незаконных мигрантов из Афганистана и Пакистана распространена практика, при которой они заблаговременно приобретают билеты на поезда, идущие в РФ (например, Бишкек-Москва), затем, при помощи местных жителей (или посредников) пересекают киргизско-казахстанскую границу.** В Казахстане они садятся на поезд и следуют транзитом в Россию³⁷. Так, по сообщению МВД РК, 20 сентября 2004 г. на перроне вокзала станции Туркестан Южно-Казахстанской области задержаны «четыре гражданина Афганистана, которые также не имели при себе документов, удостоверяющих личность»³⁸.

Сотрудники правоохранительных ведомств рассказывают еще об одном способе, при котором **иностранцы, прибывая транзитом в Кыргызстан и Таджикистан, покупают там новые паспорта.** Подделка — от \$ 25, настоящие бланки паспортов Республики Кыргызстан и Республики Таджикистан — от \$ 50 до \$ 150. Затем нелегалы оформляют официальные документы на въезд в РК. Пересекают Казахстан и перебираются в Россию. По официальным данным в 2002 г. было задержано 4 человека с поддельными документами³⁹. По словам чиновника КНБ при ОВИРЕ «граждане Афганистана и стран Юго-Восточной Азии, которые пытаются попасть в Западную Европу, часто прибывают в Казахстан через Пакистан. Там они покупают паспорта Пакистана и офици-

ально, через казахстанское посольство, через ОВИР, оформляют визу для въезда в республику»⁴⁰. По информации МВД с начала 2005 г. было выявлено более тридцати граждан Пакистана, попытавшихся воспользоваться этим каналом⁴¹.

Бизнес, связанный с контрабандой людей через границы носит не только международный, но и локальный характер. Даже через, казалось бы, достаточно простые для самостоятельного нелегального пересечения участки казахстанско-киргизской и казахстанско-узбекской границ налажены свои локальные каналы переправки незаконных мигрантов. Очевидцы рассказывают, что на границах Казахстана с южными соседями действуют «три-четыре организованных группы людей по перевозке челноков. Наиболее расширенную и отлаженную сеть имеет семейство азербайджанцев с казахстанским паспортом, проживающих на приграничном участке Черняевка. Механизм отработан четко — от места сбора в Ташкенте до Бишкека и обратно. Люди собираются в определенных местах в городе, перевозятся в маршрутных такси в Капланбек (казахстанско-узбекская приграничная зона), где во дворе одного из домов действует перевалочный пункт. В момент переправы узбекский пограничник с автоматом наперевес стоит к вам спиной (получив свою мзду), якобы не замечая нелегальное пересечение границы. Далее надлежит срочно пробежать 200 м до жилого дома уже казахской территории, где всех собирают и на легковых машинах перевозят в Сарыагаш (Казахстан) к автобусам. Отрезок от места сбора в Ташкенте до Сарыагаша станет вам в 2000 сум (2 доллара) с человека»⁴².

Самый традиционный способ — это **использование проводников** для перехода границы по «нелегальным тропам» или **следо-**

³⁶ Чанц М. Управление миграционными процессами в Казахстане и вклад Международной Организации по Миграции. Фронтьерские миграции. Сб. научных трудов. — Москва — Уральск, 2002. С 138.

³⁷ Каналы перекрыты // Экспресс К. N 208 (15121). 2002.2 ноября. <<http://www.express-k.kz/2002/11/02/40.php>>.

³⁸ Сарсембаев. Там же.

³⁹ Казахстан: Транзит нелегальных мигрантов. 2002.17 мая. <http://www.mirtv.ru/rubrics/6/7131_1.htm>.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Сарсембаев. Там же.

⁴² Мелкооптовая измена государству с великим будущим. Время плюс. Выпуск 9. 2003. 19–26 августа. <<http://timeplus.freenet.uz/news/2003/09>>.

вание в специальных укрытиях и тайниках на автомобильном и железнодорожном транспорте. Есть сведения, что размер взятки, например, проводнику колеблется от \$ 6,5 до \$ 45⁴³. На Казахской железной дороге, «на станции Бейнеу и Макат 15 октября 2000 г. был задержан таджикский пассажирский поезд номер 223. В результате проверки в нем оказалось 55 безбилетных пассажиров»⁴⁴.

По словам начальника миграционной полиции Управления Внутренних дел Алматинской области Сарсена Кокебаева «нанять частника для пересечения границы Казахстана в обход пограничных постов стоит для одного человека — \$ 3,3 (по данным 2002 г.). В случае если это автотранспорт, то мигранты объезжают пункты миграционной полиции, которые стоят на основных трассах. Или, в случае если за рулем гражданин Казахстана, пассажиры-мигранты высаживаются за пару километров от поста полиции, обходят его стороной и затем вновь садятся в машину»⁴⁵. Этим обычно пользуются жители соседних с РК стран: Киргизии, Узбекистана и Таджикистана, о чем красноречиво свидетельствуют материалы органов внутренних дел. По имеющейся информации казахстанско-узбекскую границу можно перейти, например, через т. н. «черный ход» в селах Жибек-Жолы и Черняевка. Стоимость услуг проводников колеблется от 1 до 7 долларов⁴⁶. Если учесть, что ежедневные выезды осуществляются не десятками, а сотнями незаконных мигрантов из Узбекистана, можно представить себе выгоду от ведения такого бизнеса.

Таким образом, в Казахстан направлены мощные потоки незаконной миграции из дальнего и ближнего зарубежья. Анализ качественного состава мигрантов показывает, что для «транзитников» путь через РК является самым удобным и простым, как с географической точки зрения, так и из-за функционирования устойчивых каналов транспортировки нелегалов. Кроме того, сказывается деятельность коррумпирован-

ных пограничников по обе стороны границы, которая заметно облегчают мигрантам нелегальный путь. С другой стороны представители стран СНГ, фактически, становятся заложниками неурегулированных пограничных отношений РК и сопредельных государств. Основная причина, толкающая и тех и других на выезд за пределы родного государства — региональная социально-экономическая нестабильность. Как представляется, утверждение о том, что в числе незаконных мигрантов, пересекающих южные границы Казахстана, находится большое количество экстремистов, не находит убедительного подтверждения на основе открытых источников.

Меры по предотвращению незаконной миграции в РК

На сегодняшний момент потоки незаконных мигрантов, направленные через южные границы Казахстана — представляют собой, с точки зрения государства, достаточно серьезную проблему, которая затрагивает интересы не только самой РК, но также РФ и европейских государств. **Необходимость борьбы с незаконной миграцией** продиктована намерением государства обезопасить свою территорию от разного рода преступных элементов, что при современном разгуле терроризма и в некоторой степени экстремизма, становится вполне закономерным стремлением.

Складывание системы пограничной безопасности РК можно разделить на два этапа. **Первый этап** охватывает период с 1992 г. (создание Комитета Национальной Безопасности РК) по 1999 г. (комплектование Пограничной службы КНБ РК) и характеризуется отсутствием четкой позиции казахстанского руководства относительно проблем новых границ РК, стремлением поддерживать прозрачность границ с со-

⁴³ Казахстан: Транзит нелегальных мигрантов. Там же.

⁴⁴ Садовская Е. Там же.

⁴⁵ Жихорь Ю. Там же.

⁴⁶ На узбекско-казахской границе процветает контрабанда и нелегальная торговля., <<http://www.mpa.ru/cis/new.php?id=8323> 07.04.03>.

седними странами СНГ. **Второй этап** начинается с разработки нормативных актов, касающихся обеспечения государственной безопасности. Основным документом является Указ Президента «О стратегии национальной безопасности Республики Казахстан» от 15 декабря 1999 г., где определены актуальные угрозы национальной безопасности РК, в числе которых: экстремизм и терроризм, локальные конфликты вблизи границ государства и незаконная миграция. С этого момента происходит изменение пограничной политики Казахстана с государствами-членами Содружества в сторону ее ужесточения. Во многом этому процессу способствовали многочисленные события, связанные с деятельностью экстремистов: Баткенский кризис в Кыргызстане (1999), серия террористических актов в Узбекистане (1997–1999), американские операции в Афганистане (2001). Кроме того, немалую роль сыграло массовое перемещение людей в Центральной Азии, затянувшаяся делимитация границ РК с южными соседями, которые к тому же осложнялась проблемой наркотрафика и контрабанды. Официальное заявление о проведении новой пограничной политики было обнародовано на Алматинской конференции в 2002 г.⁴⁷

В результате целенаправленных усилий Пограничной службе и другим государственным структурам к 2006 г. в основном удалось завершить процесс построения системы охраны Государственной границы по всему периметру территории Республики Казахстан. В рамках реализации государственной программы в конце 1990-х — начале 2000-х гг. были сформированы 2 региональных управления «Солтустик» и «Батыс». По словам директора пограничной службы генерал-лейтенанта Болат Закиева «на юж-

ном направлении, на участке границы протяженностью более 100 км были развернуты инженерные средства заградительного типа (заборы с колючей проволокой, малозаметные препятствия, спиральные барьеры, траншеи, железобетонные конструкции). Установлено около 30 наблюдательных вышек»⁴⁸. Кроме того, функционируют 52 погранподразделения, в том числе: 13 ПОГК, 33 ПОГЗ, 2 ЗСП, 2 КПП, 1 дивизион кораблей и катеров. Принимаются практические меры по наращиванию группировки Пограничной службы в региональных управлениях «Батыс» и «Онтустик» и на казахстанско-киргизском участке границы⁴⁹.

Для борьбы с незаконной миграцией и коррупцией, в составе Департамента миграционной полиции РК образовано управление по борьбе с незаконной миграцией с подразделениями в международных аэропортах. В его компетенцию входит: строительство дополнительных пограничных постов, застав, комендатур, укрепление границы как таковой. По информации председатель Комитета по делам СНГ Нурлана Онжанова «в структуре областных подразделений миграционной полиции созданы отделы по борьбе с незаконной миграцией, мобильные группы по контролю за железнодорожными и автомобильными магистралями, проводятся рейдовые мероприятия в местах возможного нахождения незаконных мигрантов. Для активизации работы по предупреждению и пресечению незаконной миграции в наиболее сложных регионах действует Штаб по борьбе с незаконной миграцией»⁵⁰. Сегодня по периметру южной границы в Сарыагашском и Мактааральском районах миграционной службой совместно с дорожной полицией устанавливаются специальные посты для досмотра иностранцев⁵¹.

⁴⁷ Пограничная политика и методы охраны государственной границы Казахстана в ближайшие годы кардинально изменятся // Агентство «Хабар». 2002. 10 октября. <<http://www.khabar.kz>>.

⁴⁸ Казахстан усиливает охрану своих южных границ. <http://rus.gateway.kg/cgi-bin/page.pl?id=53&story_name=doc10194.shtml, 2005-01-05>.

⁴⁹ Генерал-лейтенант Б. Закиев: «Процесс построения охраны всей границы завершен». <http://www.knb.kz/page.php?page_id=11&id=1535, 30 сентября 2005>.

⁵⁰ Сегодня есть реальные предпосылки для более активного продвижения экономического сотрудничества в рамках СНГ. Интервью с председателем Комитета по делам СНГ Нурланом Онжановым. <<http://www.zakon.kz/our/news/news.asp?id=28023>, 14.09.2004>.

⁵¹ Гончаров А. В ЮКО действует новое подразделение по борьбе с нелегальной миграцией. <<http://www.chimkent.kz>, 27-05-2002>.

Демонстрируя положительные результаты работы этих структур, представители правоохранительных органов приводят следующие факты: «если в 2001 г. Федеральной пограничной службой Российской Федерации было возвращено более 850 нелегальных мигрантов, прибывших в Россию с территории Казахстана, то в 2002 г. — только 38, а в 2003 г. — ни одного»⁵². Однако такие оценки не совсем стыкуются с другими сообщениями спецслужб, главный вывод из которых — ежегодное увеличение количества незаконных трудовых и транзитных мигрантов на территории РК.

Кроме того, очевидно, что нынешняя система имеет ряд серьезных недостатков, связанных с пробелами в миграционном законодательстве. Прежде всего, речь идет о серьезных пробелах в законодательной базе, призванной регулировать незаконную миграцию. И хотя существует ряд законов: «О государственной границе», «О миграции населения», «О приграничных войсках РК», «О некоторых мерах усиления миграционного контроля»⁵³ и т. д., все они, однако, плохо реализуются на практике. Недостаточная межведомственная координация миграционной политики приводит к трудностям, касающимся применения тех или иных санкций в отношении лиц, задержанных в качестве незаконных мигрантов. Например, за несоблюдение статьи 394: «Нарушение иностранным лицом или лицом без гражданства правил пребывания в РК» — отвечает МВД, за статью 395: «Нарушение должностным лицом — гражданином РК, иностранцем или лицом без гражданства правил пребывания в РК» ответственность несет — Министерство труда, а по 397 «Нарушение иммиграционных правил» — контроль возлагается на Агентство по миграции и демографии⁵⁴.

Трансграничное сотрудничество осуществляется на многосторонней и двусторонней основе. Имеется соответствующая **нормативная база**. Это, прежде всего, Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с нелегальной миграцией 1998 г., к которому присоединилось большинство стран СНГ. В рамках Соглашения между правительствами Казахстана и Киргизии «О пунктах пропуска через государственную границу» в 2003 г. проводился эксперимент по организации совместной системы пропуска на пунктах «Кордай» и «Ак Жол». По мнению Б. Ержанова это дало положительные результаты с точки зрения упрощения пересечения границ гражданами обеих республик⁵⁵. По информации Пограничной службы, в зоне ответственности регионального пограничного управления «Батыс» на границе Мангистауской области (запад республики) РК совместно с Узбекистаном выставляется международный железнодорожный пункт пропуска «Оазис».

Структурами, обеспечивающими безопасность Узбекистана, Киргизии и Казахстана **проводятся совместные операции**. В 2003 г. усилиями органов внутренних дел КР и РК была ликвидирована организованная преступная группа, состоявшая из постоянно проживавших в Кыргызской Республике граждан Афганистана, которые занимались переправкой на Запад своих соотечественников⁵⁶. Периодически проходят и **международные командно-штабные учения**. Так, под эгидой АТЦ (Антитеррористического Центра) в Южно-Казахстанской области были проведены совместные оперативно-тактические учения республиканских силовых структур «Юг-Антитеррор—2006»⁵⁷.

С Туркменистаном широкомасштабное сотрудничество не осуществляется ввиду

⁵² Там же.

⁵³ Садовская Е. Там же.

⁵⁴ Казахстанская правда 2003.12.06.

⁵⁵ Воротной И. Законопослушных таможен не трогает. <<http://www.izvestia.kz/news.php?>>.

⁵⁶ Круглый стол на тему: Нелегальная миграция в Центральной Азии в условиях глобализации. <<http://www.mvd.kz/staff/novosti20.html>>.

⁵⁷ Вопросы дальнейшей активизации взаимодействия в сфере борьбы с проявлениями терроризма и экстремизма обсуждены вчера в Астане на очередном заседании межведомственной координационной комиссии Антитеррористического центра КНБ РК. <http://www.knb.kz/page.php?page_id=12&id=1271>.

закрытости этого государства и отчасти из-за провозглашенной им политики нейтралитета. К тому же, в 1999 г. между двумя государствами было подписано соглашение о визовом режиме, что, по словам экспертов существенно ограничило передвижение людей через казахстанско-туркменскую границу в обоих направлениях.

Положительно можно охарактеризовать трансграничное взаимодействие РК с РФ. Данное обстоятельство продиктовано, прежде всего, острой заинтересованностью России, которая, 26 мая 2006 г., заключив с ЕС соглашение о реадмиссии, теперь обязана нести немалые расходы по депортации нелегалов, возвращенных Евросоюзом на ее территорию. Между странами заключено множество двусторонних соглашений, касающихся борьбы с незаконной миграцией. Проводятся совместные операции «Граница», «Рубеж», «Канал» и прочие. Мобильные пограничные отряды осуществляют посменную охрану российско-казахстанской границы⁵⁸.

Несмотря на достигнутые результаты все же необходимо сказать, что существуют серьезные проблемы, которые невозможно решить простым отгораживанием от соседей. Одной из них является коррупция на казахстанско-узбекской и казахстанско-киргизской границах. Как подчеркивается в многочисленных комментариях экспертов и СМИ, проблема носит системный характер и не решается разовыми мерами. Одним из многочисленных примеров данной проблемы может служить случай, произошедший в январе 2006 г. на специализированном посту «Кызыл Ту» в Южно-Казахстанской области, где при получении 2500 тенге от сопровождающего автобус лица за беспрепятственный проезд через пост с 25 гражданами Узбекистана задержан сотрудник подразделения по борьбе с наркобизнесом ДВД ЮКО⁵⁹. Незаинтересованность Киргизии и Узбекистана предпринимать действенные

меры в отношении транзитных мигрантов, направляющихся в Европу, затягивает решение проблемы незаконного трафика в РК. С другой стороны, как уже упоминалось, жесткая контрольно-пропускная система в отношении собственных граждан (например, в Узбекистане) стимулирует незаконную трансграничную миграцию.

Подобные противоречия пока не находят должного разрешения. А между тем, незаконная миграция продолжает распространяться и самыми проблемными остаются киргизский и узбекский участки границы. Поскольку Казахстан воспринимает все незаконные потоки в качестве угрозы национальной безопасности, его реакцией на происходящее становится ужесточение системы пограничного контроля на южных рубежах. В ближайшее время государство планирует выделить 437 млн тенге на укрепление безопасности государственной границы с Узбекистаном⁶⁰.

Необходимо, однако, осознавать, что за счет подобной политики южная граница, которая по своим природным показателям имеет ярко выраженную барьерную функцию, способна оказаться серьезной помехой законопослушным гражданам, нежели нелегалам (те смогут найти новые обходные пути). Для полиэтнического приграничья Южного Казахстана, стоящего на последнем месте в стране по уровню экономического развития, дальнейшее ужесточение пограничного режима может повлечь за собой неблагоприятные последствия в виде последующего обнищания жителей приграничных районов по обе стороны, основные источники доходов которых во многих случаях связаны именно с трансграничным сообщением.

Взаимодействие с международным сообществом по вопросам незаконной миграции осуществляется недостаточно эффективно. Возможно, основной причиной этого является заинтересованность западных стран в

⁵⁸ Интервью с заместителем главы администрации Оренбургской области, начальником управления международных и внешнеэкономических связей Сергеем Горшениным. <http://www.transport-russia.ru/number10_2004>.

⁵⁹ Сколько стоит автобус с нелегалами? <<http://www.newsfactory.kz/14163.html>>.

⁶⁰ На укрепление своей южной границы Казахстан выделяет более \$3,5 миллионов, <<http://www.rss.kz/cat.php?cat=politics&page=7>>, 13 июля 2006.

дешевой рабочей силе и желание поправить за счет мигрантов демографическое положение. Положительно можно охарактеризовать сотрудничество РК с Международной организацией по миграции. В 2001 г. представительство МОМ был разработан специальный проект технической помощи Казахстану по предотвращению незаконной миграции. В 2003 г. данная структура, для улучшения погранконтроля, передала Казахстану спецоборудования и транспорта на 85 000 долларов США⁶¹. Несмотря на, казалось бы, очевидную обоюдную заинтересованность, пока недостаточно налажено сотрудничество между Казахстаном и Евросоюзом. По заявлению председателя Комитета по миграции Министерства труда и социальной защиты РК Жазбека Абдиева, «регулярно обвиняя Казахстан в существовании организованных каналов нелегальной миграции в страны западной Европы», сами органы власти ЕС «не предпринимают никаких шагов по оказанию помощи в организации системы контроля и регулирования миграции в Казахстан и через его территорию»⁶². Последнее обстоятельство представители ОБСЕ объясняют тем, что «европейские страны, которые принимают мигрантов, могут извлечь из этого положительные результаты в виде сокращения безработицы»⁶³. Не исключено, что такое двоякое отношение ЕС к рассматриваемой проблеме, позволяет Казахстану соответственно реагировать на поток транзитной миграции в Европу, не считая его приоритетной проблемой безопасности.

На настоящий момент в Казахстане сложилась система контроля над незаконной миграцией, специфика которой заключается в нарастающем укреплении южных рубежей. При этом явно недостаточно внимания уделяется таким проблемам как коррупция, вымогательство на границах, кажутся недостаточными предпринимаемые попытки облегчения существующего пограничного режима. В целом, миграционная и погра-

ничная политика пока недостаточно решает проблемы, связанные с увеличением уровня технической оснащенности и материального довольствия пограничников.

Миграция на южных границах РК — это объективный процесс. Современные тенденции заставляют взглянуть на незаконную миграцию как на вынужденный поток, возникший вследствие регионального экономического упадка. С одной стороны мы имеем дело с малообеспеченными мигрантами из третьих стран, которые вынуждены покидать свою родину, вследствие бедственного материального положения. С другой — искусственно создаваемые трудности при пересечении южных границ Казахстана, превращают жителей приграничных регионов в незаконных мигрантов. Ни первая, ни вторая категория не задерживаются на территории Казахстана, поскольку основная цель для «транзитников» — выезд за рубеж, для «челночников» — постоянная работа. Это отодвигает на второй план тревогу по поводу нарастания в миграционных потоках экстремистов и террористов.

Основная масса мигрантов из сопредельных стран направляется в сельские районы Южно-Казахстанской, Жамбылской и Алматинской областей, что положительно сказывается на экономическом состоянии этих регионов, обеспечивая мигрантов рабочими местами.

Существующая проблема незаконной миграции, казахстанскими властями воспринимается в качестве угрозы национальной безопасности государства. Исходя из такого понимания, строится и миграционная политика РК, в которой основное место отведено укреплению системы пограничной безопасности на юге республики. Однако анализ изучаемого феномена в РК показывает, что, предпринимаемые меры по укреплению пограничной безопасности часто оказываются не эффективными.

⁶¹ Рожков. А. Граница прозрачная или дырявая? Аргументы и Факты Казахстан №9. 2003. 26 февраля — 4 марта.

⁶² Граб Р. Миграция — проблема конкретная. < <http://www.izvestia.kz/news.php?>>.

⁶³ Казахстан предлагает ОБСЕ создать в Центральной Азии структуру для противодействия незаконной миграции. < <http://www.interfax.ru>>.

Многим нелегалам удается миновать посты пропуска и достичь не только российско-казахстанской, но и западных границ РФ, о чем свидетельствуют данные российских пограничников.

В такой ситуации оказывается бессмысленным выделение огромных средств на обустройство южных границ РК с дальнейшим отгораживанием от соседних государств. Однако из данного утверждения не следует, что казахстанское руководство должно отказаться от укрепления пограничной линии. Государству скорее необходимо пересмотреть нынешний подход к миграционной политике, исходя из реального состояния дел. Так, если мировое сообщество и дальше будет слабо реагировать на транзитную миграцию из РК, казахстанскому руководству следует задуматься стоит ли и дальше тратиться на их поимку и депортацию, притом, что большинство из них не имеет цели оседания в стране. Тоже можно сказать и о челночной миграции, которая не уменьшается и даже при существующей системе взяток на границах, слож-

ном режиме пересечения, все равно приспособляется и находит обходные пути. В связи с выше озвученным, казахстанскому руководству, возможно, стоит упростить процедуру пропуска через южные границы Казахстана или быть может создать специальный документ для жителей приграничных регионов, который бы позволял свободно перемещаться в двух направлениях. Однако совершенно ясно, что даже при успешной реализации всех имеющихся предложений РК будет трудно справиться в одиночку. В этом смысле РФ, которая лично заинтересована в уменьшении незаконного миграционного потока из Казахстана, может поспособствовать стране в решении изучаемого вопроса. Совместные меры могут включать унификацию миграционного законодательства двух стран, установление тесной работы соответствующих ведомств, координирующих проблему незаконной миграции в России и Казахстане, а также налаживание единого информационного центра, где бы содержались данные о всех делах, связанных с незаконной миграцией.

1. Слабость силы/ Аналитика закрытых элитных игр и ее концептуальные основания. — М.: ЭТЦ, 2007.
2. Государственная политика и управление. Учебник. В 2 ч. Часть II. Уровни, технологии, зарубежный опыт государственной политики и управления/ Под ред. Сморгунова. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.
3. Государственная политика и управление. Учебник. В 2 ч. Часть I Концепция и проблемы государственной политики и управления/ Под ред. Л.В. Сморгунова. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006.
4. Мифы патриотов/ *Грачева Т.В.*, 2007.
5. Эволюция системы воспроизводства российской экономики: от кризиса к развитию. *Белюсов А.Р.* — М.: МАКС Пресс, 2006.
6. Предпринимательское (хозяйственное) право: учебник/ *Вознесенская Н.Н.* и др; под ред. В.В Лаптева, С.С. Занковского; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. — М.: Волтерс Клувер, 2006.
7. Промышленная политика в условиях перехода к инновационной экономике: опыт стран Центр. и Вост. Европы и СНГ/ *Г.А. Власкин, Е.Б. Ленчук*; Ин-т междунар. экон. и полит. исслед. РАН. — М.: Наука, 2006.
8. Реальная Россия: Социальная стратификация современного российского общества. — М.: «Журнал Эксперт», 2006.